

Иван Грачев

**ГОРОД МЕРТВЕЦОВ
и другие рассказы**

ЗНАНИЕ

В прихожей зазвонил телефон.

Я подошел к нему, взглядываясь в наборный диск, в зеленую лампочку, под которой красовалась полустертая надпись «В-одяшии -во-ок». Сам помню, как отковыривал белую краску в те времена, когда стационарные телефоны были чем-то особенным, когда за ними проводили столько же времени, как сейчас, например, за проверкой почты и сообщений в социальных сетях.

- Алло.

Сначала тишина. Потом приглушенный женский голос:

- Ты умрешь через семь дней...

- Ага, как же, - неловко парировал я.

Натка... Наташка. Я ждал ее звонка? Ну да, наверное, звонка... уже неделю.

- Как ты? - вырвалось у меня раньше, чем я успел вспомнить все то, что должен был сказать.

- Не надо, - грустно сказала-ответила она, словно поняв все, что было недосказано.

Я промолчал

Тишина повисла вокруг меня, заполнив собой не только пространство, но и мысли. На секунду мне даже показалось, что она растянулась на бесконечное расстояние между мной и Наташей, приблизила нас друг к другу. Я вспоминал, представлял и прокручивал вновь и вновь события того дня, когда мы расстались; и я готов был отдать все на свете, чтобы она не думала о том же.

Словно заезженная пленка, истончившаяся за все прошедшее время, сохранившая лишь тени эмоций, а не саму картинку, заела на том самом месте, когда я смотрел в ее глаза в последний раз.

Слова, подобно мухам, залетевшим в ловко расставленную ловушку-паутину дурных воспоминаний, были не в силах выбраться, погибая в момент рождения.

- Как ты? - спросил я. Молчание было невыносимо.

- Станный вопрос, будто знаешь, *что* хочешь услышать...

- Да уж, сколько я представлял себе этот разговор раньше... Не думал, что это будет так... внезапно. Особенно после первых двух разрывов.

- Ну, тут уж извиняйте, не мы виноваты в качестве связи. - Она хихикнула, пытаясь придать своему тону шутливость, что было едва различимо в помехах и шуме. Голос был тихим, с еле различимым тоном, но даже не смотря на это, ее интонации я узнал бы из тысячи

Помехи и шум... Помехи и шум... помехи... шум

Иногда я лежал и смотрел в пустоту, пытаюсь сконцентрироваться на первых попавшихся мыслях, чтобы хоть как-то отвлечься от возникшей внутри меня темноты. Пытался думать о чем угодно, но не выходило. Лишь закрывая глаза, я видел тот вакуум, который сидел внутри меня; заглядывая в свою боль, в свои сомнения.

Все начинается из хаоса. Нет мировой упорядоченности, нет высшего разума. Есть только всемирный бульон, одна огромная черная дыра, водоворот жизни; или Теория случайных чисел, перебирающих все возможные комбинации наших судеб. Один только белый шум, мириады и мириады черных точек, которые подобны муравейнику в самый разгар летней жатвы на белом поле. Или белых точек посреди непостижимого черного вакуума. Хаотическое движение, мнимость существования и пустота.

Что скрывается за этими точками? Молекулы, атомы и структуры существ... А может бесконечные вселенные, кажущиеся нам такими маленькими только из-за своего несчетного количества?

Закрывая глаза мы видим только хаос...

Когда умерла Натка, я перестал видеть даже его

В 1959 году шведский кинопродюсер Фридрих Юргенсон записывал голоса птиц. Ничего особенного — всего лишь магнитофонная пленка, парк, лес, сквер, или любое другое место, где он мог уединиться в своем желании записать пение пернатых. Условия чистоты записи не были нарушены, однако когда он прослушивал пленку, то обнаружил на ней тихий, едва уловимый, но, тем не менее, довольно отчетливый мужской голос, говоривший на норвежском. Юргенсон немного понимал по норвежски и, каково же было его удивление, когда он понял, что голос говорит о звуках, издаваемых птицами.

Юргенсон был уверен, что никаких людей во время записи не было поблизости, потому решил, что его магнитофон каким-то образом записал вещание радиостанции.

Его исследования данного феномена начались, когда он навел справки по всем радиостанциям Норвегии и Швеции, и выяснил, что ни одна из них не вела трансляций подобного содержания

В 2004 один из последователей учения и исследований Юргенсона — профессор ВГИКа и всемирно известный гуру Николай Геннадьевич Иванов изготовил первый в мире аппарат, позволяющий слушать белый шум, или ФЭГ - «Феномен Электронного Голоса», сортируя помехи и шум настолько, что голоса, скрывающиеся под покрывалом смерти, стали различимы. Это был фурор науки перед религией, триумф знания перед слепой верой, или просто удача для потерявших кого-то. Аппарат был построен на основе обычного телефонного аппарата, с некоторыми изменениями, конечно. К нему подключалась телефонная линия, для использования гудка и фильтров АТС и кабели феномен-сигнала — слегка модернизированные антенны теле- и радиосигналов.

Иванов никогда не скрывал простоты своего изобретения, утверждая, что «человек всегда стремился к неизведанному, слепо смотря перед собой. Но я нашел ответы позади, в нашем прошлом».

В 2007 году его изобретение и труды единогласно получили несколько грантов для проведения дальнейших работ в этой области. Среди учредителей были такие гиганты, как «Российский фонд фундаментальных исследований», «Фонд Форда» и т. д

Как будто все человечество остановилось, чтобы задуматься. Чтобы посмотреть на творения своих рук, и вспомнить, ради чего или ради кого наука ложилась на эту землю.

Сотни и тысячи людей не жалели ничего, лишь бы послушать, *всего лишь услышать* своих отцов.

Это было то время, которое можно было без обиняков назвать *Великим*.

Остановились войны, прекратилась борьба человека с человеком, человека с природой и, что самое главное — человек прекратил сражаться с самим собой.

Одно изобретение положило начало времени перемен

Наташа погибла в 2009-ом...

Нет смысла описывать мои ощущения, чувства. Всю пустоту сознания, черноту мыслей, недели депрессий, попытки суицида и душевные муки в «доме с желтыми стенами» уже описаны тысячью и одним способом. Как бы мне хотелось не знать ни одного из них, не «испробовать» их все на себе

Я не знаю, как описать свое везение. Свою удачу, снизошедшую в тот момент, когда, по окончании лечения, я снова запил. Не так сильно, конечно, как это было в первые недели одиночества. Но каждый день, после работы, после жалкого офиса, пахнущего техникой, компьютерами, тонером и тошнотворным запахом пота и курения; каждый день я приходил и напивался. Просто чтобы уснуть, это было мне необходимо. Потому как иначе просто быть не могло. Нет нужды идти дальше — Вот он, Конец всего, прямо Здесь и Сейчас! Какой смысл в нашей жизни? Да нет его просто. Всего лишь очередной вид тараканов и крыс, превзошедший всех остальных только из-за того, что был одарен таким проклятьем как интеллект. Разве нужен был тигру интеллект чтобы охотиться? Чтобы жить так, как предписала мать-природа и убивать ровно по одной лани на свой цикл голода? Разве нужен интеллект птице, чтобы чувствовать полет, восходящие и нисходящие потоки воздуха, чувство свободы? Разве нужен интеллект, чтобы быть счастливым?

Павел был одним из немногих, кто не отвернулся от меня. Сейчас я чувствую себя в бесконечном долгу перед этим человеком, приходившим практически каждый день ко мне после аварии, во время лечения, после лечения. Его жена не понимала, когда он говорил, что «Он просто остановился. Ему нужна помощь, иначе он пойдет назад». Мечтатель в детстве, реалист в юношестве и один из исследователей в Институте им. Профессора Н.Г. Иванова в настоящем

Уже год, как я работал в Институте администратором безопасности. Без нового имени, без поддельного паспорта, без следов прошлого. Только с помощью хорошего и единственного друга. Это было тем немногим, что подняло меня из ямы отчаяния.

Шрамы на сердце и в душе более не кровоточили. Шрамы на руках и груди лишь изредка напоминали о себе. Как странно — что бы с человеком не произошло, всегда можно наполнить его взор смыслом, его губы — улыбкой, а голову памятью. Но вот от последнего я как раз и отказался.

Любовно возвращенная амнезия расцветала иллюзией счастья в моменты, когда пустота в сердце казалась единственной радостью, всего лишь отсутствие боли давало силы на следующие шаги.

Лишь тени снов по утрам пытались поставить все на свои места

В 2010 случилось нечто. Профессор Иванов закончил труд всей своей жизни. Вышла первая серийная модель «Феномена». «Феномен-1» представлял собой все тот же дисковый телефон, с дополнением в виде некой док-станции, к которой подсоединялись все те же соединительные кабели. Все модели этих самых док-станций, вплоть до недавно вышедшей «Феномен-3» могли подключаться к обычным дисковым аппаратам. Но, что самое главное, - все эти модели были упакованы в титановый корпус, не имеющий никаких стыковочных швов, болтов, соединителей. То есть вообще ничего, не считая дисплея с надписями «Online» и «Offline».

Говорят, что конкуренты пытались разобрать первые «Феномены», но при открывании его, срабатывал механизм, отвечающий за безопасность прибора и выжигал всю начинку на материнской плате.

- Скажите, профессор, почему именно дисковый аппарат? Вы ведь знаете, что наши зарубежные товарищи платят за них гораздо больше, чем жители России, которые могут приобрести лишь базовую модель «Феномена». Не говоря уже об их проблеме с тональным режимом.

- Это сложный вопрос. Особенно в области коммерческой деятельности, в которой я

ничего не смыслу, - смеется. - Все дело в импульсе. Только с его помощью я смог связать феномен-сигнал и входящие-исходящие сигналы в едином устройстве. Тональный режим — это всего лишь набор цифр, который не может быть преобразован в голос «феноменов». Отсюда и выбор аппарата — современные модели не зря называются «цифровыми» - они лишь эмулируют импульс, подстраиваются под него, потому сигнал в них и отсутствует. Во-вторых, я ретроград и патриот своей хоть и несовершенной, но все-таки любимой страны. - Смеется и улыбается, глядя в камеру.

- Отличный ответ, Николай Геннадьевич. И еще один вопрос — на сегодня последний. Как Вы относитесь к самому большому в истории человечества кризису веры, появившемуся в результате общения сотен людей со своими умершими родственниками?

Техник ходил по моей квартире уже три часа, вымеряя идеальную длину для проводов.

- Может оставить все, как есть? - спросил я, несмотря на то, что это меня, в принципе, совсем не устраивало.

Провода валялись по прихожей, технарь спотыкался об них каждые пять секунд, растаскивая грязь и бетонную крошку по всей квартире, не говоря уже о пыли, которая после секундного бурения стены казалась бесконечным туманом, который уже не прогнать.

- Думаете? - переспросил он.

- Почему бы и нет? Позже я их и сам смогу убрать, - «Или оставлю их здесь, чтобы каждый входящий ко мне человек интересовался именем и фамилией того техника, которого не стоит приглашать для установки аппарата».

Мои мысли, скорее всего, отразились на моем лице, которое уже с трудом сдерживало раздражение, потому что человек с бэйджем «Максим — младший техник по установке и обслуживанию оборудования. ОАО Ф-связь» слегка отстранился от меня, когда поднял свое лицо, тонированное пылью.

- Хорошо, как желаете. Сейчас нужно будет расписаться в паре документов и я установлю Вам счетчик.

Он возился с оформлением документов, покусывая свою ручку каждый раз, когда забывал, что и в каких графах нужно указывать. На секунду я подумал, что не стал бы давать ему свою ручку в качестве запасной, чтобы он ее, чего плохого, не изгрыз до стержня.

- Так, Вы в курсе, что наша организация не несет ответственности за отсутствие связи по причине ее оригинальности. Также Вы проинструктированы о наших тарифах, та-а-ак... Первые десять минут бесплатно, так как возможна длительная наладка связи и голосового контакта. После чего Вам предоставляются 30 минут по 350 рублей каждая... И потом, если Вы будете продолжать разговаривать или захотите продлить тарификацию, Вам будет назначена тарификация в размере 250 рублей за минуту.

- Молодой человек, я слушал это в течение 40 минут, пока оформлял заявку и Вы так же рассказали об этом сразу, как только пришли. Я знаю, что цены не низкие, особенно учитывая размер оплаты, не входящий в заоблачную стоимость самого аппарата. Давайте я лучше просто распишусь и Вы пойдете и дальше зарабатывать деньги.

«Максим — младший техник...» одарил меня подозрительным взглядом и развернул планшет с бумагами ко мне. Я без труда нашел пять посадочных мест для подписи и расписался.

Стоя в дверях, техник развернулся и спросил:

- Если не секрет — с кем Вы будете..., то есть хотите поговорить?

- Это не ваше дело, - сегодня я был сама вежливость.

- Я просто хотел сказать еще кое что... - он немного помялся, словно говорил нечто запрещенное законом или политикой его организации. - Не надо ожидать чего-то от разговора. Наверняка Вы слышали о скандалах, которые крутятся вокруг Фенофона с

самого момента основания...

- Как... Как Вы его назвали?

- А-а... Фенофон-то? Ну, в народе так называют аппарат Николая Геннадьевича. Типа «Феномен» и телефон сразу.

Я улыбнулся. Максим, похоже, порадовался, что хоть немного разрядил обстановку.

- Так вот — многие люди разочаровываются в чем-то, особенно в вере...

- У меня не осталось ее, - ответил я и закрыл за ним дверь.

Правдивость произнесенных слов не произвела на меня никакого впечатления.

Я закрыл дверь и сел на пол, прямо в прихожей, прямо на пыль и грязь. Сказывалось напряжение. Я ведь не спал два дня с того момента, как оставил заявку на установку этого... хм... «Фенофона». Мне не верилось, что это может сработать.

Последнее, что помню — провода очень неудобны под задницей, особенно когда засыпаешь в прихожей на холодном паркете.

Меня разбудил звонок. Не стационарного телефона, не мобильного...

Непривычная трель дискового аппарата, оставшегося еще от бабушки, забытыми мотивами разрывала голову на части. Я поднялся с пола и подошел к телефону.

Над покусанной и поцарапанной надписью «В-одяшии -во-ок» мерцала зеленая лампочка.

- Алло...

- П... ч... к... - и гудки

С того дня прошло еще двое суток, во время которых я сразу приходил с работы и ложился на кушетку, специально пододвинутую мной к проходу в прихожке, чтобы можно было нормально лежать в ожидании звонка.

Провода, словно живые змеи, уже свили себе гнездо из своих резиновых тел, моей обуви и почты, которую я кидал на пол сразу же, только входя в квартиру.

Белый настил из строительной пыли и бетонной крошки, оставшийся после визита монтера, можно было использовать в криминальной хронике в качестве практического дела — слишком уж много следов моих ботинок, тапок и носков запечатлелось на нем.

Я перекусил на скорую руку и снова лег на кушетку рядом с «Фенофоном».

И в этот момент раздалась мелодия Бетховена.

Домашний телефон.

- Слушаю.

- Привет, до тебя сложно дозвониться. - Это был Павел.

- Что-то случилось?

- Нет, хотел переговорить с тобой об аппарате.

- А что с ним?

- Понимаешь... - он тщательно подбирал слова, словно боялся обидеть или задеть что-то личное, настолько глубоко впившееся в грудь, что даже прикосновение к нему могло вызвать приступ боли. - Я знаю, что тебе уже поставили его. Но я хотел напрямую спросить у тебя — ты в самом деле этого хочешь?

- Я не знаю... Да, хочу.

- Подумай дважды, прежде чем поднимать трубку. Ты ведь знаешь, весь мир на грани технических, социальных, моральных... Да и черт еще знает каких революций. Мир сильнее тебя, ему лет больше. Сможешь ли ты все это вынести?

Я молчал. Лишь прокашлялся в трубку, давая ему понять, что я все еще слушаю. Хотя мне стоило прокашляться — ком в горле мешал дышать, казалось, что голова кружится.

- Сам пойми — все только и талдычат о том, что *они* очень разговорчивы. Не то, чтобы я имел что-то против Натальи...

Я бросил трубку. Рубеж уже перейден

Еще через два дня звонок Фенофона повторился.

- Да? - тихо и вкрадчиво сказал я в трубку, боясь, что связь пропадет, если я буду громко разговаривать.

- Привет! - О! Боже! Это была она... - Я думала, как начать разговор. На ум пришла только реплика девчонки из звонка.

Я слышал, как она тихо хихикнула в трубку, несмотря на ужасный шум и помехи на «линии».

- Ты умрешь через се... - ее смешливый голос оборвался щелчком и гудками.

Диктор говорит: «Все больше волнений происходит во всех религиозных центрах и общинах по всему миру. Все культуры от христианства до иудаизма и ислама испытывают сильнейший упадок веры, возникший в результате открытия небезызвестным русским ученым Николаем Геннадьевичем Ивановым неких феномен-импульсов или феномен-связи. Что же это такое, попытались сегодня выяснить мы».

На другом канале пожилая женщина с пеной у рта кричала в камеру: «Это все ложь! Не может быть того, что они нам говорят! Это все мистификация, как же ВЫ ВСЕ не понимаете этого?!»

На третьем канале другой уже диктор рассказывает о том, как он провел эксперимент и поговорил по установленному за счет телекомпании аппарату «Феномен-2» со своим усопшим отцом. Все подробности в эфире.

На другом канале...

На другом канале...

Даже мультфильмы отменили

- Не надо, - грустно сказала-ответила она, словно поняв, что было недосказано.

Я промолчал

- Знаешь, все сложилось не так уж и плохо, - тон ее голоса посерьезнел, но не сильно. - Нам запрещено говорить о том, кто нас окружает здесь, что мы делаем, для чего. Я лишь хочу, чтобы ты знал — тебе не за что извиняться и чувствовать себя виноватым. Теперь, *здесь*, я знаю это и уверена в этом так сильно, как никогда раньше. Пойми, что тебе нечего мне рассказать, потому что я итак знаю все.

И она рассказала мне. Рассказала о том, что нет Бога, во всяком того, что мы представляем себе, произнося это слово; что нет Света и Тьмы (именно так — с большой буквы), нет ничего из того, что было написано в древних и не очень книгах, созданных лишь для очернения чистых разумов, для контроля над ними, для манипуляции родом людским. Есть лишь день и ночь, свет и тень, есть начало, но нет конца, есть Альфа, но Омега находится позади нее. Есть только жизнь, которая дана каждому, чтобы он прожил ее с достоинством, набрался опытом для следующего шага, в следующую жизнь. И так без конца.

О том, что нет других миров, потому что другие миры — это мы.

Нет параллельных вселенных, потому что параллельные вселенные — это мы.

Нет микромиров, хранящих свои тайны позади атомной структуры, за молекулярными слоями, потому что и там — тоже мы.

Мы — люди. Мы — человек. Мы все и каждый из нас по отдельности — Вселенная.

И не нужен ни интеллект, ни Бог, чтобы быть счастливым, потому что каждый из нас достоин жить.

Я чувствовал себя гораздо лучше. Мы разговаривали уже полчаса и создавалось ощущение, что никто никуда и не пропадал — просто болтаем по телефону, как в старые, добрые времена. Как в институте, когда только познакомились.

- Помнишь, как мы с тобой разговаривали по стационарному? - спросил я, улыбаясь.

- Ага, у тебя не было денег на мобильнике, и ты постоянно отправлял маячки и запросы

о пополнении баланса, чтобы я тебе перезванивала. А потом я узнала, что ты сидишь на попе в прихожке, даже не додумавшись стул притащить.

- Мы вместе рассмеялись. Не было ничего в прошлом, не будет ничего в будущем. Есть только два хороших друга, которые уже очень давно не виделись.

Я рассказал ей о работе, не сказав ни слова о том, что было до нее, я рассказал о «смешных историях в психушке, рассказанных мне неким-знакомым-который-там-работает». Мы вместе смеялись над старыми шутками, над шутками, смысл которых был понятен только нам двоим.

Мы здорово проводили время вместе. Будто не было ни помех на линии, ни шума, я закрывал глаза и видел ее — такой, какой она запомнилась мне в расцвете своих лет.

- Эх, знал бы ты, как тяжело мне было понять происходящее вокруг, в первые отрезки времени, - она уже говорила, что у *них* нет ощущения времени в привычном для нас исчислении. - В какой-то мере — каждая смерть — это смерть для всех жизней, которые заполняют меня, и каждый раз они все недоумевают, типо «Это как так? Я что не в своей постельке в окружении внуков?» или «Проклятые мерзавцы, я Вам пока... Где я?» и все в том же роде.

- А ты действительно со мной сейчас разговариваешь или... м-м-м, даже не знаю... общаешься мысленно? Просто мне до сих пор сложно представить, как духи могут разговаривать с нами *ртом* и *по телефону*!

- Ну, за это спасибо этому Вашему ученому. Нет, не ртом, конечно, и не по телефону. Просто этот аппарат нужен для Вас, чтобы слышать и говорить. А я всего лишь концентрируюсь на той жизни, в которой ты знал меня как Наталью и! Та-да!

Так долго подряд я уже не улыбался, по меньшей мере, месяца три. Да точно, как раз около трех месяцев назад мы сидели с Пашкой в торговом центре между сеансами в кинотеатр и ели мороженое. В тот день мы посмотрели три комедии и мультфильм, причем мультфильм был настолько хорош, что мы пошли на него еще раз.

- Ладно тебе пора, - Натка решила поставит точку. - Помни, что каждый достоин жить.

- А что происходит с самоубийцами, - мрачно спросил я.

- Они остаются на второй год. - Она усмехнулась. - Нет, я серьезно, каждому из нас уготован свой путь. Именно поэтому старцы-отшельники просиживают пол-жизни в пещерах, а потом выходят наружу, чтобы поделиться накопленной мудростью и чудесами неизведанной природы, а потом стать святыми мучениками. Потому что нельзя всю жизнь *сидеть в заточении в ожидании чуда*. Нужно проживать свою жизнь так, как предначертано. А самоубийцы... - она так легко об это говорила, словно рассуждая о списке покупок. - Они возвращаются в свою предыдущую жизнь, чтобы прожить оставшееся время в другом теле. Бывает ведь, когда дети погибают совсем маленькими.

- Знаешь, я до сих пор не понимаю той легкости, с которой ты говоришь о таких ужасных вещах...

- Потому что *это нормально*. В смерти нет ничего противоестественного. - Она чуть помолчала. - У Вашего мира еще столько открытий впереди...

И все... Гудки и белый шум...

- Алло, Паша. Пойдем в кино. Да, конечно, можешь и Маринку с ребенком взять. Я, так скажем, угощаю.

Я положил трубку. Взял большой лист бумаги и написал на нем лежавшим рядом со стационарным телефоном маркером: «До лучших времен». И накрыл этим листком «Фенофон», после чего вытащил из него все соединительные провода. Когда-нибудь, может быть, эти лучшие времена настанут.

Выходя из квартиры, я не стал выключать свет. Если сегодня его зажгли во мне, почему я должен его прятать? Пусть все видят

ЗАЛОЖНИКИ

1. Школьница

Представьте, что Ваш ребенок учится в школе. Ему от двенадцати до шестнадцати лет. Он не является надеждой школы, но и не разочаровывает своими неудачами. Вполне себе среднестатистического ума подросток.

Да, иногда он может попасть в дурацкий переплет со своими друзьями — все-таки можно себе представить подобную картину. Юношеский максимализм, первый опыт общения по-серьезному, первая влюбленность, первый алкогольный напиток. Все первые моменты вы переживаете вместе с ним, словно погружаясь в то время, когда сам был таким же глупым и самонадеянным.

И однажды ребенок, этот самый среднестатистический школьник, просто не возвращается домой. Пуфф! И в назначенное время не раздастся звонок в дверь. Или не звонит мобильник в привычный момент, когда на работе берешь себе обеденный перерыв в определенный промежуток времени, чтобы услышать, как у твоего чада прошел день в школе.

Ничего не происходит так, как обычно.

Какой будет Ваша реакция? Какие мысли успеют промелькнуть в голове между походами к соседям за валерьянкой и звонками в местные социальные службы и неотложки? Возможно, мысли станут пусты, и жизнь потеряет всякий смысл, останется лишь тревожное существование? А может найдутся даже такие родители, которые не обратят внимания, особенно если отпрыск уже позволял себе подобные вольности ранее?

Но чета Деминых была не такой. Дмитрий и Мария уже начали ощущать в теле недомогание от постоянного недосыпания и передозировки легальными и не совсем успокоительными. Но и ситуация была нестандартной.

Ведь Юлии Деминой, пятнадцати лет, не было дома уже больше трех недель.

Она пропала неожиданно и при очень странных обстоятельствах. В квартире всегда висели графики согласованных школьных туров, которые совпадали с выходными днями Дмитрия или Марии. Они старались следить за посещениями дочери различных экскурсий, требующих присутствия на несколько дней, одним словом — всегда выезжали из Петербурга для посещения музеев и проведения культурных мероприятий на свежем воздухе вместе с дочерью. Более того — иногда казалось, что им также удалось совершить практически невозможное — их дочь была очень пунктуальной и точной касательно вечерних прогулок и посиделок с друзьями и подругами, которые, к слову будет сказано, очень нравились родителям Юли.

Она не пила и не курила, что выглядело парадоксальным на фоне окружающих ее молодых людей и девушек. Стоило обратить внимание на то отвращение, с которым она смотрела на ровесников, употребляющих дешевые коктейли и пиво в грязных подъездах или прямо на улице; на осторожность, с которой она проходила мимо прокуренных тамбуров и помещений...

Юля была спокойной девочкой, даже несмотря на недавно открывшееся пристрастие к неформальным компаниям и тяжелой музыке, на сотни ссылок с группами «по интересам», полных татуированными лицами и проколотыми телами. Это казалось мимолетным увлечением, искрометным бунтом против обыденности, что выглядит таким желанным и даже необходимым на определенной стадии взросления. Спокойствие родителей внушал и все тот же аккуратный внешний вид любимой дочери, что сохранился прежним, даже несмотря на смену круга общения, — ее любимые классические джинсы, кофточки, светлые куртки — ничто в ее внешности не говорило о модных пристрастиях.

В день, когда была поднята тревога, дочь должна была вернуться с первой «одиночной» экскурсии из Москвы. Она так долго просила родителей уже наконец отпустить ее одну, что они не устояли — а ведь действительно — чего можно опасаться? Особенно когда в поездке участвует больше двадцати человек, самый лучший класс среди районных школ, выигравший на олимпиаде право на посещение крупнейших музеев двух столиц.

Двое суток Юля звонила родителям, сообщала об интересных местах, что проносились перед ее глазами в бесконечной экскурсии, говорила, что пару раз они даже не успели перекусить, из-за очень напряженного графика. И не уставала повторять, что очень любит маму и папу и никак не дождется вернуться домой, принять теплый душ и позволить себе отдохнуть как минимум пару дней.

И вот, когда родители узнали от классного руководителя, самой Юли и ее лучшей подруги, что автобус уже подъехал к школе, Мария, что была свободна в тот день, осталась дома, чтобы дожждаться дочери, которую, как ей казалось, она не видела уже целую вечность.

Они разговаривали по телефону всю дорогу, пока Юля направлялась домой, перекидывались бесконечными новостями, Мария спрашивала, что дочь думает о предстоящих экзаменах, та отвечала невпопад, перебегая дорогу — это все было столь обыденным для них.

- Ладно, мам, давай, я уже вижу наш дом, сейчас приду, - сказала Юля и бросила трубку.

Мария Демина, так же, как и всегда, подошла к двери квартиры, располагавшейся на третьем этаже панельного дома, чтобы проследить путь дочери и встретить ее, так сказать, у самого порога.

Наконец, дверь в парадную открылась и внизу показался взмах тени, мимолетный силуэт, постепенно приближавшийся к Марии. Но шаги приближающегося человека были слишком тяжелыми и медленными, чтобы это была Юля, всегда порхавшая, словно маленькая фея. Тем более, благодаря ее маленькому росту, миловидному лицу и привлекательной фигуре, она действительно походила на это сказочное создание.

Мимо пролета третьего этажа поднялся сосед из квартиры выше.

- Извините, Федор Петрович, вы не видели Юлю, она должна была уже подойти к подъезду? - Мария едва скрывала панику в голосе, но ведь ничего еще не случилось, правда?

- Нет, Маш, я как раз разговаривал с сыном по телефону. Я сидел на лавке внизу и никого не видел.

В тот день Юля так и не появилась дома.

Три недели спустя, в квартире бизнесмена средней руки Дмитрия и парикмахера-на дому Марии присутствие органов власти, целой тучи родственников и следователей было вполне нормальным делом. Хотя за последние дни их напор ослаб, а журналисты и вовсе не появлялись уже через неделю после инцидента, сотрудники полиции все еще сообщали о том, что следствие ведется, в который раз допрашиваются одноклассники, учителя, присутствовавшие в тот день у автобуса, но результатов все нет.

Это все было так странно... Десятки знакомых и много больше незнакомых людей посещали эту квартиру, несколько потускневшую за последние пару недель, все спешили сказать слова сочувствия и поддержки, а Мария все сильнее думала о самоубийстве. В глубине души она понимала, что это глупо, что глупее поступка и быть не может, но это не умаляло того факта, что каждый раз, принимая ванну вечером, она брала с собой лезвие и игралась с ним, будто примеряя движение, которым рассечет свою жизнь на до и после пропажи дочери, и «после» уложится в совсем

короткое мгновение. И только предательская человеческая трусость останавливала ее от этого шага, заставляя все сильнее рыдать от потери самого любимого человека в жизни.

Естественно, она во всем винила своего мужа, что начал выпивать все больше с каждым днем. Она делала это не всегда открыто, чаще всего просто думала о том, что его дела и его бизнес погубили их семью, что дочь похитили или убили из-за долгов. И муж, несомненно, знает о произошедшем, но боится говорить об этом, потому так много пьет.

И в те моменты, когда квартира темнела и всасывала внутрь все чувства и мысли, заполняясь лишь пустотой и ненавистью, Мария включала воду и ложилась в ванну и, лежа в единственной позе, столь неудобной, что когда вода доходила до груди, резкая боль сразу разрезала закостеневшие мышцы спины, чувствовала лишь остывание воды. Лезвие было припрятано за переливом.

Раздался звонок.

Дмитрий подошел к двери, чтобы узнать, кто же на этот раз захочет поделиться частью своего милосердия или разделить их слезы — по другим причинам к ним перестали заходить, словно весь мир сомкнулся на их горе, что еще больше прогибалось их спины под тяжестью утраты.

Но за дверью никого не было. Как это ни странно, но Дмитрий даже мимолетно улыбнулся, представив, как некий пацаненок, не имея ни малейшего представления об их горе, жмет кнопку звонка и тут же несется вниз, растянув улыбку от глупой, но все-таки довольно веселой шутки для самого исполнителя.

Не обнаружив злоумышленника, Дмитрий отправился вниз, решив проверить почту. Лестничная клетка была вымыта, даже остаточный запах хлорки не мог перебить своеобразной свежести, тянувшей из открытых между первым и вторым этажами окон. Из почтового ящика торчал конверт. Дмитрий аккуратно взялся за уголок белой бумаги, та выскользнула из сухих пальцев. Еще раз подцепив едва отросшими ногтями хитрый уголок, Дмитрий подумал, что он даже не захватил с собой ключи, и хорошо, что хоть одно письмо оказалось легко доступным. Но, выкорчевав конверт из прямоугольной секции с подкрашенным номером 31, он не увидел в темноте прорези ничего другого.

Не вскрывая конверта, который походил на те, что обычно содержат в себе «письма счастья», даже не взглянув на его лицевую сторону, Дмитрий еще раз осмотрел лестничные площадки, поднявшись, посмотрел в пролет со своего этажа и, закрыв за собой дверь, направился в комнату, будучи погруженным в свои мысли.

Думал он уже не меньше недели лишь о том, что ему пора разводиться. И, естественно, он говорил себе, что ни в коем случае не прекратит поисков дочери, но только не рядом с ней, со своей женой. Она становилась просто невыносимой в последние дни. Все чаще стали происходить ссоры из-за надуманных поводов, хотя Дмитрий был достаточно умен, чтобы понимать их истинную причину.

Она ненавидела его. Это нельзя было наиграть или выдумать, когда он видел в ее глазах ненависть, в эти моменты он чувствовал лишь грусть. Мария Демина по-настоящему ненавидела своего мужа, а уж причины приходили сами собой. Стресс стрессом, а в пропаже дочери он был не виноват, в этом он был уверен. Конечно, он был мало знаком с миром современной экономики, и уж тем более в девяностые он работал обычным младшим инженером с непривлекательной для криминальных лиц зарплатой. И даже сейчас, когда его предприятие пошло вверх, оно не приносило столь ожидаемых доходов.

Дмитрий неоднократно думал, что вряд ли кто-то стал бы похищать его девочку из-за денег фирмы, особенно когда ее генеральный директор живет в «хрущевке» и каждый

день принимает по утрам контрастный душ, благодарно обеспеченный старой газовой колонкой и плохим напором воды.

Конечно, можно было допустить, что ее похитили какие-то отморозки с целью получить хоть какую-то наживу, но уж точно не знавшие о его финансовом положении. Но никаких требований не выдвигалось.

И, как в каждый раз, Дмитрий даже не касался тех мыслей, где его любимица, его умница Юленька, была убитой. Этого просто не могло быть. Невозможность такого исхода событий была столь очевидной, что эти мысли не напоминали о себе вовсе. Мария тешила себя тем, что материнское сердце обязательно почувствовало бы смерть дочери, а Дмитрий старался мыслить немного логичней, оправдываясь тем, что ее именно похитили, ведь Юля уже входила в подъезд, а убийство уже давно бы раскрылось.

Дмитрий кинул конверт на тумбочку в прихожей.

- Кто приходил? - раздался голос его жены из комнаты Юлии.

- Никого не было, может детвора играет, - механически ответил Дмитрий.

Его взгляд был прикован к конверту, который был абсолютно белым, без адресов, без марок и штампов — обычный конверт, в котором могут находиться либо деньги, либо письмо, врученное из рук в руки.

- Дорогая, ты не могла бы подойти, - сказал Дмитрий, не решаясь вскрыть конверт самому.

- Что ты сказал? Не слышно!

Дмитрий не стал отвечать. Перед его глазами уже пронеслись печатные буквы с требованием денег в обмен на дочь, в мыслях Дмитрий уже прокручивал всевозможные варианты займов, ссуд в банке, продажу своего дела, которое так кстати поползло вверх в цене. Можно будет попробовать обратиться в какие-нибудь фонды помощи, если конечно в России такие есть...

- Что ты там говоришь? Ничего же не...

Мария вышла из комнаты дочери, в которой она проводила почти все свободное время в последние дни; растрепанная и не накрашенная — она выглядела практически стопроцентным антиподом своего бывшего внешнего вида, когда она приводила в порядок волосы и наносила макияж даже когда никуда не собиралась идти.

Она увидела Дмитрия сидящим на полу в прихожей с отрешенным взглядом, направленным куда-то в сторону телефонной розетки, скрытой за тумбой.

- Что случилось? - сразу же спохватилась она. Мария сразу же услышала в своем мозгу фразы «Ее нашли», «Ее нашли мертвой», «Ее видели в аэропорту»...

Как кот Шредингера, дочь Марии Деминой была сейчас одновременно мертва и жива в ее мыслях.

- А? Что? - Дмитрий словно отошел от наркоза. Помотав головой он сразу встал, отряхнулся и указал на конверт. - Достал из ящика.

Мария вскрыла конверт, не раздумывая ни секунды.

Под внешней оболочкой оказался двойной лист, вырванный из тетради в линейку. На нем были приклеены буквы, вырезанные из газет. Но в отличие от тех, что Дмитрий видел в кино, эти все были черно-белыми, даже, казалось, выполненными одним шрифтом, только разных размеров.

Текст гласил:

ПослеЗавтра в 13-45

ВЫ выйдете в Скайп

под Следующим логином

«qwdPotr2008»

Пароль 000444

P.S. Можете звать Полицию мне

Все равно

Мария посмотрела на мужа. В ее глазах стоял ужас, даже несмотря на то, что теперь они хотя бы знали, что их дочь жива.

В назначенное время, за компьютером Юлии собрались пять человек.

Дмитрий и Мария сидели на диване, пристально наблюдая за происходящим. Следователь, мужчина лет сорока по имени Владислав Валерьевич, который, тем не менее, продолжал настаивать, чтобы его звали Владиславом, выдавал указания подчиненным.

Но слушал его только Антон — молодой специалист по компьютерным технологиям в правовой среде. Их отдел давно сидел без работы, поэтому он считал, что это дело, связанное с пропажей школьницы, легко может стать отправной точкой в его карьере.

Пока Антон слушал все необходимые психологические техники в общении с террористами, которые, конечно, вряд ли емугодились, ведь разговаривать с ними он не собирался; с компьютером возился Паша — еще один технарь-программист, который назывался так вовсе не потому, что к нему обращались по мобильному с просьбой показать «где нажимается вход в интернет».

Нет, Паша был одним из компьютерных гениев, которые всегда совершают нечто очень важное для мировой общественности, не способной даже запомнить их имена. Возможно, что ему вряд ли суждено было стать новым Джимми Уэйлсом или Джобсом-Гейтсом, но для своих двадцати двух лет, он уже успел сделать существенный вклад в интернет-технологии. Не говоря уже о чипах, которые носили в своих портативных приставках последнего поколения все любители халявы; где на маленьких картах памяти, первоначально собиравшихся вручную, все так же стояла подпись НарРi-Рi – профессиональный никнейм нашего хакера.

К трем четвертям второго все было готово — была настроена веб-камера, микрофон, и к компьютеру была также подведена специальная приставка — гордость Павлика — мини-роутер, который мог перехватывать всю информацию об интернет-соединении, причем идущую не только от провайдера, но и от всех сетевых подключений в интернете, будь то порно-сайт или переписка через «аську».

Антон же подключился к компьютеру хозяев через свой старенький АйБиЭм, параллельно подсоединившись к Скайпу для записи разговора и анализа местоположения и связи неизвестного.

Когда пошел звонок и Владислав уже заканчивал выдавать необходимые инструкции родителям, никто и предположить не мог, каким неожиданным окажется разговор.

Антон нажал в своем ноутбуке кнопку приема вызова и убедившись, что синхронизация с компьютером полная и стабильная кивнул начальнику.

Дмитрий не знал, что ему нужно делать — перед ним, в мониторе, образовался черный квадрат — провал в том месте, где обычно он наблюдал лицо собеседника.

- Алло... Алло! - суетливо заговорил он, ощутив внезапный приступ страха и волнения.

Паша показал жестом, что все в порядке, IP отслеживается и... вдруг его лицо охватила паника, цифры на экране его мини-роутера начали меняться с бешеной периодичностью. КПК, который был подключен к нему для проверки сведений, будто сошел с ума, страницы с цифровыми массивами заполнялись с бешеной скоростью, будто сотни компьютеров сменяли друг друга в непонятной чехарде. Паша раньше никогда с таким не сталкивался.

А в это время на экране домашнего компьютера Деминых появилось видео.

- Всем добрый день. Дядя Дима, Мария Николаевна. В данный момент вы видите лишь видеозапись, поэтому не нужно лишний раз портить свои нервы, пытаясь докричаться до меня. Ой, извиняюсь, наверное, нужно включить свет, чтобы вы могли поздороваться с дочкой.

Изображение, которое было едва различимым в темноте вдруг озарилось светом и Мария Демина почувствовала, что голова начинает кружиться и ей катастрофически не хватает воздуха.

- Максим?.. - только и успела удивленно прошептать она, прежде чем потерять сознание.

На экране монитора появилось лицо Максима Картанова, семнадцати лет, давнего друга их дочери, помогавшего в подготовке к экзаменам.

2. Заложник

Мария сидела за монитором и уже, как минимум, в пятый раз, просматривала запись от этого мелкого засранца, которому они когда-то доверяли. Она пришла в себя как раз в момент, когда Паша с Антоном уже заканчивали свои бесполезные манипуляции в попытке выследить сигнал. Единственное, что они смогли понять, так это то, что запись была выложена через анонимный аккаунт Youtube, в котором была заблокирована для просмотра, что пресекало попытки обычных интернет-серферов наткнуться на материал.

Каждый раз, когда глаза Марии выхватывали в ворохе пикселей дочь, слезы наворачивались в ее глазах, она не могла сдерживать рыданий, ее руки безвольно били в грудь, изо рта вырывался лишь глухой хрип.

В первые секунды видео сторонний зритель не обнаружил бы ничего противозаконного в происходящем — Максим, спокойно улыбаясь, обращался прямо в камеру, не отрываясь от своего занятия — держа в руках, покрытых хирургическими перчатками, словно омертвевшей кожей, ножницы и ворох газет, он методично, практически не глядя, вырезал по одной-двум буквам, после чего наклеивал их на письмо, не попадавшее в кадр.

- Так вот, поскольку это всего лишь запись, вы можете успокоиться и выслушать меня столько раз, сколько захотите. В Ты-Трубе вы можете зайти через те же самые логин-пароль, что я дал вам для Скайпа и посмотреть на это видео еще не один и не два раза. Естественно, я не считаю нужным сообщать о том, чтобы настройки приватности видео не трогались. - С этими словами его губы сошлись в обычной улыбке, не скрывавшей в себе совсем никаких негативных эмоций.

Потом он положил ножницы и обрывки газет на место, продемонстрировал получившийся вариант сообщения, который Мария могла наблюдать под левой рукой, слегка промокший от слез.

А дальше... Максим поправил камеру и в объективе появилась Юлия. Она сидела на стуле с высокими ножками и подлокотниками, вокруг которых были отчетливо различимы огромные мотки скотча, обвивавшие жертву и стягивавшие ее белыми жилами. Она могла пошевелить лишь кистями и головой, однако не была в состоянии сделать даже этого — в ее глазах читалось усталость и боль, лицо было красным, все в испарине — видимо Юля боролась с путами не один час.

- Не бойтесь, я не всегда держу ее связанной. У меня есть отличное место для содержания вашей дочери.

В руках Максима появился пистолет — плохо различимый в сомнительном качестве изображения, но Владислав определил его как боевой, или хотя бы травматический, что тоже не предвещало радостного исхода без знания его мотивов.

- Итак, первый сеанс связи сейчас будет завершен. Просто хотел показать вам, что ваша дочь в порядке. Все инструкции будут приходить на выданный вам аккаунт в виде текстовых сообщений. До связи.

И видео оборвалось спецэффектом по типу выключения старого телевизора, когда изображение сползает в тонкую нить.

Мария откинулась в кресле, бросив голову, кишащую болью и дурными мыслями на спинку. Она не видела и не слышала, как кричал ее муж, когда в первый раз увидел видео-сообщение в окне Скайпа, он чуть не разбил монитор, крича: «Верни мою дочь, ублюдок!»

В ее голове просто не помещалась мысль, что семнадцатилетний пацан, с которым они вместе с Юлей посещали культурные мероприятия по школьной программе, который учил их понимать современные шутки из интернета, который советовал им фильмы для

просмотра. Он был очень хорошим другом не только их дочери, но и Диме, да и ей самой тоже. А теперь он оказался по ту сторону баррикад, куда осмелился затащить Юленьку, желая использовать ее в своих гнусных целях.

А еще ей было стыдно. Мария стыдилась не только того, что не распознала в малолетнем знакомом угрозы, даже тогда, когда Юля в первый раз включила в своей комнате тяжелую музыку, столь незнакомую стенам их квартиры. Она стыдилась своего гнева к мужу, стыдилась мыслей, в которых желала смерти Максиму. Казалось, что собственный разум взбунтовался против ее здравого смысла.

- Черт! Вот сукин сын! - вскрикнул Паша, так громко и яростно, что все присутствующие вздрогнули.

- Твою мать, не кричи так! Что случилось? - сказал Владислав, прижимая микрофон мобильного ладонью.

- Этот урод смотрел за нами, когда мы все уперлись в видео.

- Ты серьезно? - подбежал Антон, бросив свою базу данных.

- Да, я отследил поток данных идущий от компьютера жертвы...

Владислав еле удержался, чтобы не врезать подзатыльник глупому «гражданскому». Вместо этого он несильно сжал ему плечо и сказал на ухо: «Не вздумай еще раз повторять это слово при родителях девочки, ты понял меня?»

Паша не проходил специальных курсов по общению с террористами и их жертвами, но даже без этого ему хватило ума и стыда, чтобы, потупившись, покраснеть, поняв, что ляпнул совсем не то.

- Да-да, понял, - буркнул он, готовясь рассказать о своем открытии еще немного.

Паша был довольно высоким парнем и, будь он немного подвижней, стал бы весьма неплохим спортсменом, да хотя бы баскетболистом в школьной или университетской команде. Но он был довольно ленив, когда дело доходило до спорта, поэтому Владислав и Антон наблюдали его почти двухметровое тело, практически вдвое сгорбленное перед ноутбуком, облаченное в старые протертые джинсы и водолазку. На лице его красовалась жиденькая бороденка, говорившая о нелюбви к бритью, побеждавшую, как минимум, уже неделю.

- Так вот, смотрите. Здесь поток информации говорит о том, что этот Максим переключался с одного сигнала на другой, словно анализируя нашу реакцию.

С этими словами он включил видеопоток, который записывался с их веб-камеры. Почему-то никто не подумал о безопасности видео, когда звонок только поступил, и теперь в кадр попал и Паша и Антон, только Владислав предусмотрительно отошел в сторону.

- Да уж... - только и сказал он. Вообще-то Владислав хотел добавить, что по ту сторону экрана сидит довольно смысленный ублюдок, но он не решился расстраивать родителей девочки, сидевших молча вот уже с полчаса, только наблюдая за появлением дочери в кадре на записи.

Тем более, мысль об уме противника посетила и Антона, и Пашу.

- Итак, господа. У меня есть информация, - торжественно произнес Антон, привлекая к себе внимание.

Антон не отличался особой усидчивостью за компьютером и, более того, его даже раздражали длительные переписки по работе или составление отчетов — он был тем единственным в своем «IT-отделе», кто регулярно делал зарядку по утрам и любил проводить свободное время на турнике. Он по праву хвалился своей фигурой, и всегда, даже подсознательно, старался привлечь к себе больше внимания.

Компьютерная сфера была для него лишь работой, а не образом жизни.

- Максим Картанов, семнадцать лет, живет на Петроградке, я уже отправил наряд в его квартиру. Так, тут у нас что... Школьные олимпиады... математика, информатика... После восьмого класса скатился в тройки, практически забросил учебу. Ага! Его родители — Александра и Глеб Картановы! Ничего себе!

Владислав изумленно промолчал. Александра и Глеб Картановы — это не просто журналисты, они — легенда последних лет. Их репортажи всегда нарасхват расходились по всем центральным каналам и крупнейшим изданиям. Умудрившись не числиться на каком-либо отдельном телеканале, они являлись свободными репортерами высшего звена, о подобных раньше можно было прочитать только в книгах или узнать в интернете. Их репортажи из Африки, из горячих точек, с археологических раскопок — все были настоящими, живыми, заставляли прильнуть к экрану словно в поисках ответов на засевшие в мозгу вопросы. Настоящая легенда, разжигавшая интерес к журналистике в России.

- Подожди-ка! - сказал Владислав. - Когда ты говоришь? В девятом?

- Да, в девятом классе... черт, точно... - они замолчали.

Именно тогда Александра и Глеб Картановы погибли во время взрыва на станции «Горьковская».

Каждый задумался о чем-то своем. Владислав вышел из комнаты, чтобы связаться с нарядом, отправленным в квартиру Максима, Антон бездумно проматывал колесиком мышки различную информацию, думая лишь о родителях, которым не звонил уже больше месяца. Паша задумался о том, что не лишним будет позвать маму с папой в кино, или, хотя бы в кафе, пообщаться, ведь они так давно не делали этого.

Естественно, в квартире никого не оказалось. Она выглядела пустой, будто никто не проживал в ней уже очень долго. На кухне, в духовке стоял системный блок. Кто-то из оперов даже хихикнул, когда был обнаружен такой «подарок».

- Смотрите-ка парни, только упаковочной бумаги не хватает.

Системник доставили через полтора часа, когда уже стемнело.

Владислав спросил у Дмитрия:

- Вы будете не против, если мы останемся у вас для дальнейшей работы? Поймите, что это огромный прорыв по сравнению с тем застоем, что был в начале расследования.

- Я не против, но вот Мария... Но я думаю, что вы сможете остаться. А почему вы не можете забрать все компьютеры в участок или в другое место, где было бы проще разбираться с делом?

- Мы не знаем, как этот Максим отреагирует, если при следующей связи, которая может произойти когда угодно, он увидит другой адрес в сети. Безопаснее будет, если мы оставим все подключенным у вас.

- Ну что? Есть продвижение? - спросил Владислав, войдя в бывшую комнату девочки, которая стала похожей на серверную маленького компьютерного клуба.

- У меня есть немного. - Антон поднял правую руку, не отрываясь от монитора. - Паша сейчас пытается взломать информацию на «печеном» системнике, - так они прозвали привезенную из квартиры Максима находку, - а у меня не совсем утешительная информация. Ролик, который мы наблюдали, был смонтирован из трех частей, каждая не больше трех минут, и, что самое интересное, каждая была выложена на канал из интернет-кафе, расположенных в разных концах города.

Владислав обдумал сказанное. Картина была неутешительной. Парень знает, что делает. Не больше трех минут — значит наряд, моментально среагировавший на появление нового видео в сети, все равно не успеет взять его.

- Хорошо хоть не из Москвы... - едва слышно сказал Владислав. Но Антон его услышал и хмыкнул.

В это время Паша справился с защитой информации на жестком диске с привезенного ПК.

- Владислав Валерьевич! Есть инфа, - сказал он чуть громче, чем того требовал случай

и время, но Владислав не отреагировал. Все-таки не стоит раздражаться на особенности ведущего специалиста.

- Что там?

- Видимо это был вспомогательный диск, потому что на нем нет никаких следов операционной системы или управляющих программ. Только личные данные.

- Что? Насколько личные?

- Э... Ну, как у всех, фотографии, видео, даже папки с играми остались.

- Проверь, это может быть полная хрень, для отвода глаз.

Паша кивнул и начал просматривать вручную, чтобы ничего не упустить, папку за папкой, которых на диске было не меньше пары тысяч.

- Так, и послушайте, что я вам сейчас скажу, - Владислав подождал, пока Антон и Паша отвлекутся от своих занятий. - У нас сейчас огромный прорыв в деле, и, не исключено, что мы сможем найти какую-нибудь полезную информацию, которая поможет нам найти террориста. Но! Никакой прессы, никаких писем в газету, в блоги, во всякие ваши социальные сети. Абсолютно ничего. Ясно?

- Черт! Социальные сети! - практически одновременно встрепенулись Антон и Паша.

Владислав ухмыльнулся.

- Вот и отлично. Работайте.

Паша проверял уже пятую социальную сеть, но только в двух нашел следы Максима, но лишь в виде удаленной страницы, ссылающейся на несуществующий адрес. Взяв на себя смелость покопаться в данных на серверах, он был очень сильно удивлен увидев лишь пробелы в портфолио объекта. Видимо, Максим тоже не преминул возможностью «подчистить хвосты».

Откинувшись на стуле, Паша взглянул на потолок. Эта мысль показалась ему глупой, но сейчас ему не хватало плаката с надписью «Чего уставился? Работай давай!», который висел у него на потолке прямо над компьютерным столом.

Да-а-а... Родителям он так и не позвонил, хорошо хоть догадался написать на рабочий почтовый ящик отцу, что сейчас работает над новым делом и расскажет все позже. Работа снова поглощала его с головой.

- Есть хочешь? - обратился он к Антону, не поворачивая головы.

Тот не ответил, слишком уж был поглощен изучением данных на диске из привезенного системника. Они ковырялись в нем поочередно, исключая возможность упустить какую-либо важную информацию из-за утомленности.

- Антон! - еще раз повторил Паша, уже громче.

- Что случилось?

- Пойдем куда-нибудь перекусим. Видимо ты еще не знаешь, что такое истощение организма от долгого сидения за компом.

- И с чего же ты так решил? Все-таки работаем с одним и тем же?

Паша усмехнулся, мимолетно оценивая внешний вид напарника.

- Это же очевидно... Ты следишь за собой, подтянут физически и одежда из дорогих магазинов. Видно, что большую часть зарплаты ты тратишь на себя.

- И что же в этом такого, а?

Антон едва сдерживал себя, чтобы не наехать на этого хлюпика, который имеет смелость критиковать его. Он бы с удовольствием посмотрел, как этот Паша начал извиняться, вытирая соплю с разбитой морды.

Но тот не отступал, более того, надменность в его выражении лица стала все более заметной, во всяком случае, так показалось Антону.

- Ты сперва послушай, что я тебе сказать хочу. Для тебя это всего лишь работа, я же... - он сделал небольшую паузу, словно погрузившись в свои мысли. Но, не найдя ничего оригинальней, сказал, - Я живу этим всем.

С этими словами он окинул руками компьютеры перед собой. После чего продолжил:

- Ты, наверное, решишь, что я всего лишь задрот... - он опять усмехнулся неприятному слову, - и у тебя есть все основания полагать так. Но требую проявить уважение к моей профессии, особенно к тому, что половину своих окладов я перечисляю детскому дому, в котором вырос.

Антон не знал, что ему и ответить. Он знал, что у Павла есть родители, а, в особенности, он полагал, без капли сомнений, что свои деньги тот тратит на игры и дорогие гаджеты.

- Так вот, пока ты ничего не ответил, то давай все-таки пойдем и пожрем, потому что я уже умираю с голоду, да и у тебя не наблюдается прорыва в работе. Подзарядке, знаешь ли, всем нужна.

За ночным завтраком в ближайшей забегаловке они успели обговорить очень многое. К удивлению Антона, который обнаружил, что за этим худощавым телом и усталым лицом с дурацкими очками скрывается довольно неплохой парень с крепким, между прочим, характером.

Оказывается Паша даже не стеснялся того, что родители отдали его в детдом, когда ему было меньше года. Там он и рос до четырнадцати лет, пока однажды не увидел в кабинете куратора мужчину, отдаленно напоминавшего ожившую фотографию из его тумбочки. Эта фотография, на которой была изображена свадьба молодой пары, была с ним столько, сколько он себя помнил, именно поэтому он сразу же узнал человека за дверью.

Да, это оказался его отец, который сообщил им, что они с мамой всю оставшуюся жизнь будут жалеть о своем поступке и хотели бы, чтобы он простил их и поехал домой.

- Да уж, ну и истории у тебя... - только и смог выдать Антон, когда дослушал часть про воссоединение и всепрощение Павла. - У меня все было куда проще: обеспеченная семья, репетиторы, одержимость компьютерными играми, скандалы... А потом я просто сам понял, что меня больше не интересуют развлечения и пошел в милицию. Знал бы ты, как отец был зол. Он сказал - «Не для этого я дал тебе это образование»!

Они вместе посмеялись над тем, как Антон пародировал отца. Какое-то время они продолжали есть без слов. Паша смотрел в телевизор, висящий под таким углом и на высоте пары метров, что цвета старого «пузатого» телевизора сливались в пурпурный и о происходящем можно было судить лишь по звуку из хриплого динамика.

- А я первый раз нашкодил еще в детдоме, - прервал молчание Паша.

- Да ну?

- Да. Мне лет десять было. Ребята постоянно дразнили меня «подлизой», потому что я никогда не бесился, не убегал, не делал ничего «неправильного». Ну я и сказал им, что скоро они увидят такой прикол, которого им никогда не повторить. Но я не люблю ни насилия, ни дурацких шуток вроде тех, когда эти придурки обливали девчонок всякой всячиной от варенья до помоев.

Он продолжал рассказ о том, что в одном из классов было несколько компьютеров, подключенных к сети, и он нашел в интернете вирус, который мог выкидывать сообщение о различных ошибках при совершении определенных действий, например, при открытии конкретной программы. Но это было лишь для практики.

Через некоторое время, когда вирус нашли и подчистили, он попросил одного из старших помочь ему с проникновением в этот класс ночью. И, хотя его несколько раз чуть не поймали, за пару недель Паша уже смог немного модернизировать вирус.

- Больше всего парням понравилось, когда директор вел урок и при открытии у всех Ворда, появлялась надпись «Что, печатать собрался, дружище? Забей, рубани-ка лучше в Контру» и открывалась Контра. И так со всеми офисными программами, от блокнота до PowerPoint. Причем саму игру так и не нашли. Она была перепакована в экзешник в 40 мегабайт, распаковывалась на ходу. Жаль что там полностью перебросили систему.

Потом поставили кучу защиты. Ну, естественно, она и стала моим тренажером.

У Антона не было слов в ответ на услышанное. Оказывается, что его многолетнее обучение, потом стажировка во многих IT-отделах — это все можно было заменить двухнедельным сидением за изучением вирусов...

- Да ты не парься! Я ведь только в хаках спец. До сих пор не могу запомнить необходимые макросы и формулы в Excel...

Они посмеялись вместе. Обстановка между ними разрядилась и стала более дружелюбной.

Перекусив на славу, они принялись обсуждать работу, все нюансы, возникшие при штудировании информации, связанной с делом.

- Так вот, я проверил несколько социальных сетей, там все пусто, - начал рассказывать Паша.- Однако нашлась кое-какая странность.

Он глотнул чая и, не дожидаясь, пока собеседник спросит, что же за странность он заметил, продолжил:

- На сервере нет никакой информации. То есть он удалял страницу не обычным методом, а полностью подчистил за собой все логи, всю внесенную при регистрации информацию.

- То есть здесь у нас ничего нет? - спросил Антон.

- Вот как раз не совсем, - самодовольно заметил Паша. - Во-первых, ты сам знаешь, что бывают такие случаи, когда регистрируешься на каком-нибудь «Я тебя вижу», а потом забудешь, из-за долгого непосещения.

Они вместе поржали над самой неудачной сетью в Рунете, которая мало того, что была самой невостребованной из-за неудобного дизайна и малого количества возможностей, которые были слизаны с конкурентов, так еще и ее взламывали разве только что не школьники начальных классов.

- А, во-вторых, ты может не в курсе, но создатель одной из сетей — мой спонсор в производстве чипов для приставок.

Антон хотел было раскрыть рот от удивления, но совладал с собой. Он никак не ожидал, что этот очкарик окажется изготовителем тех самых чипов, которые заставляют рвать волосы на голове и не только лучших специалистов Японии. Укол зависти заставил Антона сидеть ровно и спокойно.

- Так что же ты нашел, не томи?

- В принципе, ничего особенного. Я нашел две страницы-призрака в непопулярных сетях, а также, с помощью друга-спонсора, поднял регистрационную форму Максима. Но, тот, видимо, и до смерти родителей был подкован в навыках незаметности в сети. Но в старых формах было упоминание об одном видео, которое Максим со своим другом, который скрывается за ником «alegro3398», - легкий смешок. - Ты наверняка видел его, про вред курения во время рыбалки.

Антон тоже не смог сдержать улыбки. Конечно он знал это видео. Его посмотрело больше миллиона человек за все время его пребывания на Youtube, причем выложено оно было в первые годы существования известного сервиса. Короткий юмористический клип, снятый на неплохую, но все-таки дешевую любительскую камеру, повествующий о нескольких ситуациях на рыбалке, когда не стоит курить. На ум сразу приходил кульминационный эпизод, в котором чихающий медведь подходит сзади к горе-рыбакам.

- Да видел. Забавно, только сейчас вспомнил, как выглядит Максим. На фотках в деле он совсем другой.

- Так вот, этим «alegro» оказался никто иной, как его одноклассник Александр Горошевич, с которым они учились с пятого по девятый классы. Но, к сожалению, на этом зацепка кончается, потому что тот уехал в Харьков два года назад, да так и живет там по сей день.

Они помолчали. Паша допивал свой чай, у Антона уже давно остыл кофе, к которому он почти не притронулся, от чего тот стал похож на черную лужу со странной пленкой, бывшей когда-то сливками.

- Нет- А у тебя что?

Почему-то Антону показалось, что коллега издевается над ним, хотя в его голосе не звучало ехидства. Еще бы, рассказывает о своих подвигах чуть ли не с героическим подтекстом, после чего спрашивает, что же люди делают кроме него. Но это все осталось за кулисами мыслей Антона. Он никогда не отличался открытостью.

- Не так много. Я проверял кодировки, с помощью которых шифровался видеопоток. Обнаружить удалось, что скорее всего, тот использует дубликатор адресов, или, но это уже на грани фантастики, он сидит в сети через независимый канал, без провайдера.

Паша хмыкнул. Он знал тысячи способов обмануть защиту, затеряться в интернете, вести себя незаметно, или, наоборот, устроить настоящий фейерверк ошибок и вирусных атак, но так же он знал, что самой главной проблемой хакеров было то, что интернет всегда кто-то «раздает». И эту «давалку» невозможно обойти, если только ты не хочешь засветиться перед общественностью, как еще один провайдер, зарегистрировав себя как ИП. Он знал несколько команд хакеров, которые создали свою организацию по выдаче интернета, но, при этом, не озаботились прикрытием тылов и соответствующие структуры быстро до них добрались. Кому-то повезло меньше и они сели в тюрьму, кому-то больше, и этим ребятам из техники дозволен только пыльный «геймбой» и невыезд из страны.

- Да уж... - только и сумел выговорить Паша, выбравшись из своих мыслей. - Судя по всему, наш объект не владеет собственной организацией, иначе его давно бы выследили. Остается только два варианта — искать его по алгоритму дублирования, или же искать его, как работника службы интернет-связи. Но, даже если бы он вклинился в чью-то линию, все равно нужен дубликатор.

И в этот момент раздался писк, который был похож на те, что издают микрофоны во время гаражных рок-концертов, если их поднести очень близко к оборудованию.

Антон поморщился, изобразив лицо человека, которому пришлось съесть пару лимонов. Паша тоже слегка исказил физиономию, но больше в сторону улыбки. Он достал из кармана сотовый — звук сразу же стал громче. Нажав на кнопку «Тихо» он повернул экран к собеседнику - «Владик Валерьевич». И, оказывается, уже было почти восемь утра, то есть они просидели в кафе четыре часа.

- Начальство, - сказал Паша и снял трубку.

То, что раздалось из не такого уж громкого динамика услышали все присутствующие. Ну, так показалось Антону, который слышал голос шефа настолько громко, будто сам звонил ему.

Лицо Павла сразу же потеряло всю веселость, заставив и Антона посерьезнеть. Видимо, кроме мата начальник использовал и важную информацию.

Уже бежим, мы здесь рядом, - сказал Паша, и, ничего не говоря, поднялся из-за стола, жестом показывая Антону сделать то же.

- Быстрее уже, мать... - раздалось из телефона перед тем, как Паша нажал на сброс.

У подъезда, в котором проживали Демины, происходило что-то ужасное. Стояли фургоны с логотипами, в которых угадывались эмблемы телевизионных каналов.

- Ой нехорошо, - пробубнил Паша и, стараясь не привлекать внимания, просочился сквозь толпу.

Провода поднимались до самого третьего этажа, Паше это напомнило последнюю «Матрицу», где слепой уже Нео путешествует в городе машин. Поднявшись на третий этаж, они увидели, что дверь заперта, и перед ней столпилось несколько человек с телевидения. Забавным казалось то, что ни Паша, ни Антон никого не узнавали.

- Откройте, вы не можете скрывать правду от людей! - кричал самый настойчивый человек.

Паша ухмыльнулся. Ему всегда казалось, что такие дурацкие фразы — это прерогатива фильмов, но, то ли этот репортер страдал излишним драматизмом в крови, то ли фильмы давно уже перешли в нашу жизнь вместе со своим словарем, оставив на обочине ничего не подозревающего Павла.

Из-за двери раздавался могучий командный голос Владислава:

- Когда нужно будет, тогда и расскажем все. У меня расследование и, между прочим, здесь живут люди, которые не хотят ни о чем распространяться. Так что не вмешивайтесь в частную жизнь, если не хотите последствий.

- Да уж, ну и досталось ему, даже не матерится - вполголоса сказал Антон. - Набери его, я свой телефон там оставил.

Паша набрал шэфа и, подождав несколько гудков, начал подниматься вверх.

Дверь отворилась, и вышел сам Владислав. Хоть он и был уже не так молод, но недостатком физической подготовки он точно не страдал. Заслонив собою дверь, он жестом, означавшим как «идите быстрее», так и «ну я вам устрою», отправил своих работяг в квартиру.

Напиравшие репортеры, коих было всего двое, больше походили на гиен передо львом, в своих тщетных попытках пробраться внутрь.

Благополучно закрыв дверь, Владислав Валерьевич несколько раз вздохнул, чтобы немного успокоиться и отвел парней в комнату с компьютерами.

- Какого хрена! Где вы шатались?! - сразу же начал он.

- Вообще-то мы ужинали,.. или завтракали, смотря как посмотреть... - ответил Антон.

- Ужинали, значит, они... - Владислав ходил по комнате, пытаясь успокоиться.

- Что случилось-то? - встрял Паша.

Начальник еще походил немного и сел на диван. Видимо, окончательно обнаружив свою точку спокойствия, он произнес:

- Утечка. Скорее всего, от вашего Максима.

- Он не наш... - начал было Паша, но Антон толкнул его локтем.

- Включайте компьютеры, сейчас сами увидите. - С этими словами он вышел на кухню и начал греметь чайниками.

Хозяева квартиры либо спали, излишне переутомившись как морально, так и физически, либо что-то тихо обсуждали в своей комнате, но оттуда не было слышно ни звука.

Максим Картанов выложил видео, в котором признался, что дело о похищении месячной давности — его рук дело, так же он отправил ссылку на видео на несколько новостных сайтов и, будто этого было недостаточно, также разослал его по нескольким телеканалам.

«Так вот, поскольку теперь стало немного яснее, кто за всем этим стоит, я хотел бы предложить нашим товарищам из телевизора неплохую «жареную» информацию. Мне нужен всего лишь прямой эфир продолжительностью не больше пятнадцати минут, после чего я сдамся. Люди, имеющие к этому непосредственное отношение, могут писать мне на этот адрес (адрес электронной почты высветился на экране).»

- Как думаешь, что он имел в виду, когда говорил про людей, имеющих непосредственное отношение, - спросил Паша у Антона, не отрываясь от экрана. - Думаешь, нам тоже стоит что-то написать?

- Нет, - ответил Владислав, входя в комнату. - Скорее всего это было обращено к телевизионщикам. У них рейтинги зашкалят, если он даст добро на трансляцию только одному каналу.

- Что же нам тогда делать? Похоже, что Максим начал наступление, но нам даже

противопоставить нечего, - довольно театрально выразился Антон.

- Подожди, я подумаю... - сказал Владислав.

Они все молчали. Паша в наушниках изучал видео, воспроизводя секунду за секундой, пытаюсь уловить какие-нибудь важные элементы окружения или неожиданные фразообороты. Антон взламывал защиту почтового ящика, указанного в конце обращения. Владислав ковырялся в телефоне, выискивая кого-нибудь, с кем можно связаться в такой ситуации. В этот момент работа казалась приостановленной.

- Слушайте меня, - сказал Владислав Валерьевич. - Я попробую связаться с руководством одного телеканала, у меня есть связи. Необходимо любой ценой сделать так, чтобы трансляция шла именно по нему. Вы же пока попробуйте сострять письмо, которое обеспечит нам эту гарантию.

- Есть! - вскрикнул Паша. - Нашел!

Все придвинулись к его монитору.

- Смотрите сюда, - сказал он указывая в самый угол изображения.

Там, отретушированный какой-то неизвестной Антону программой, был снимок экрана из видео-обращения преступника. В углу едва виднелся некий белый предмет.

- И что же это? - спросил шэф.

- Это... - Антон прищурился, будто пытался придать снимку резкости. - Это USB-модем.

- Именно, - торжествующе сказал Паша. - А это значит, что он использует сотовую сеть для связи с интернетом.

- Что это нам дает? - нетерпеливо спросил Владислав.

- Ну... Мы можем отследить, каким оператором он пользуется для выхода в сеть. Узнав это можно попробовать выследить местоположение, - ответил Антон.

- Но это будет непросто, - перебил Паша. - Видите это?

Он указал на коробку, в которую был вставлен модем.

- Скорее всего это самописное устройство. И я не знаю, что оно делает, ни разу не сталкивался с этим.

- Работайте.

Трансляция прямого эфира была одобрена и назначена на следующий день. Более того, Владиславу, с последующей передачей в руки его спецов, была предоставлена копия письма, в котором Максим договаривается с руководством канала.

Весь день Паша с Антоном работали не покладая рук, пытаюсь обнаружить преступника, но ничего важного, кроме названия сотового оператора, услугами которого пользовался Максим, найти не удалось. Но они не бросали поисков, прервавшись только ближе к ночи, чтобы пойти домой, переодеться и выспаться. Приближался важный день.

- Ну что у нас? - спросил Владислав.

- Пока все то же. Я уже чуть ли не каждый номер с дозволения оператора проверяю. Ничего нового. Все интернет-соединения его сети чисты, - ответил Паша.

- Хорошо, продолжай. Трансляция через час. Что у тебя, Антон?

- Тоже пока ничего. Видео было все так же выложено из одного из интернет-кафе. Более того, на канале пользователя появилось еще одно, на котором этот Максим лыбится в камеру, секунд пять идет.

- И что же это может означать? - удивленно спросил Владислав.

- Судя по отчетам, оно появилось через полчаса после появления видео-обращения к телевизионщикам. Но появилось из компьютерного клуба, который находится в минимум в часе пути от предыдущего. Он просто прется над нами. - Последняя фраза прозвучала на повышенных тонах. У всех сдавали нервы.

- Да, не забывайте так же, что во все зарегистрированные заведения, где посетителям

предоставляют доступ в сеть со своих машин, были предупреждены о появлении преступника. Но звонков не поступало, - напомнил Паша.

Трансляция была назначена в вечерние новости по городу. Предположительное число зрителей достигало пары десятков тысяч, но аналитик сказал, что после появления видео-обращения в сети, многие люди отписывались, что обязательно будут следить за новостями. Число подписчиков стремительно возрастало. Но время таяло с оглушительной скоростью.

- Итак, мы представляем вам, уважаемые телезрители, эксклюзивную информацию. Максим Картанов, сын погибших журналистов Александры Картановой и Глеба Картанова, не раз сотрудничавших с нашим каналом. Что же заставило его встать на путь преступника, - раздавалось из динамиков телевизора.

Прямой эфир должен был транслировать видео из Скайпа без задержек, в противном случае, если бы Максим не увидел себя в телевизоре, то трансляция прерывалась и судьба девушки оставалась совсем плачевной. Оставалось пять минут.

- Так, будьте все время начеку. Раз он решил сдать после эфира, значит это неспроста. Видимо у него есть, что показать. Лишь бы девочке не навредил, урод, - сказал Владислав, сделав звук в телевизоре потише, на время разговоров о предстоящем эфире.

На экране безмолвно шевелили губами лучшие психологи и деятели искусства, пытаюсь понять, что заставило молодого человека из легендарной семьи встать на «кривую дорожку разбоя». Владислав поморщился. Он никогда не любил эти разглагольствования о психологии преступника, о моральной стороне и о том, что не каждый преступник с точки зрения масс, является таковым в вопросах приличия. Для него преступник — он и есть преступник. Мразь и тварь, которой самое место в тюрьме, куда бы он с радостью посадил того, кто обсуждал возможные побуждения, заставившие молодого парня похитить девочку.

- Здравствуйте, меня зовут Максим, хотя меня уже должны были представить, а еще и, скорее всего обсудить несколькими минутами ранее. Я еще раз хотел извиниться, на этот раз прилюдно, перед семьей Деминых. Вряд ли вы поймете меня и уж точно не простите, но речь не о вас. Она даже не обо мне и не о вашей дочери. Речь пойдет о моих родителях.

Он сидел в комнате с белыми стенами, в которых любой строитель угадал бы только что заштукатуренные, словно подготовленные к ремонту. Но качество видео оставляло желать лучшего, поэтому происходящее на экране походило на интервью из будущего.

«Когда умирали мои родители, я сидел дома, в интернете. И я плакал. Потому что видел все, что с ними происходило. Все благодаря этому (он показал пальцем на некую конструкцию, едва попадавшую в кадр, и придвинул ее к экрану)».

- Видел? - крикнул Паша, сразу начав набирать что-то на клавиатуре. - Эта коробочка — роутер. И обычный USB-модем. Твою мать, скорее всего он использует обычную линию, но через модем дублирует ее и отправляет в виде сотовой связи!

- Черт, - вторил ему Антон. - Надо искать не интернет-соединение, а обычный разговор.

«Не конкретно этот модем, но такой же фирмы и модели, мой отец пересобрал в мощный передатчик видео с камеры, которую он брал с собой на репортажи. И всегда видео передавалось на его личный сервер, откуда любой человек, знавший пароль, мог посмотреть прямой эфир. И сейчас я бы хотел предоставить вам видео их последнего эфира. Это касается каждого из нас».

Изображение сместилось. На переднем плане появилось очень качественное видео с профессиональной камеры, а в верхнем правом углу появилась миниатюрная копия белой копии с Максимом посередине.

- Итак, сейчас мы находимся на станции «Горьковская», которая готовится к отправке на кап.ремонт, - сказала женщина, в которой все узнали Александру Картанову, или, как ее называли фанаты и поклонники «Говорливая Саша». Она стояла в центре кадра с микрофоном в руке.

- Ну вот, опять ты про ремонт, - послышался голос из-за кадра. Баритон принадлежал оператору — Глебу Картанову.

- И какие у тебя предложения? Давай я буду говорить про веяние времени, над которым ничто не властно. И вот это время уже коробит нашу бе-бе-бе... - она кривила губами, явно недовольная тем, как муж критикует ее слова.

- Хорошо-хорошо, все-таки твой репортаж. Хотя я не понимаю, почему мы не поехали в Нижний на ярмарку.

- В другой раз поедem в Нижний. Ты же согласился запечатлеть нашу любимую станцию перед тем, как ее превратят неизвестно во что.

- Так, я не буду больше ссориться по пустякам, иди сюда.

Александра подошла, оказавшись ниже центра объектива она слегка нырнула под камеру и раздался звонкий «чмок» прямо рядом со встроенным микрофоном.

- Глеб, смотри! - в ее голосе был неподдельный страх и удивление, так неожиданно вплетенные в равномерное происходящее.

Камера развернулась на сто восемьдесят градусов.

- Что такое, где? - суетливо спрашивал Глеб, аккуратно водя камерой из стороны в сторону.

- Смотри, у тоннеля!

Прямо возле выхода из тоннеля от Петроградской происходило странное движение, похожее на драку. Людей было немного, что было весьма странно для послеобеденного времени, если, конечно часы на видеопотоке были правильно выставлены.

Изображение тряслось и моргало, пока Картановы бежали к тоннелю.

Было похоже, что какой-то человек терпел побои от тогда еще милиционеров. Камера начала опускаться ниже и, на расстоянии около десяти метров, она полностью легла на каменный пол и в кадре появился Глеб.

Он пытался мирно урегулировать вопрос, но то-ли из-за сбоя с микрофоном, то-ли репортеры выключили их умышленно, ничего не было слышно. Но зато стало понятно, что двое милиционеров избивали другого, своего коллегу, по видимому.

И как только Глеб сказал пару слов, то эти двое сразу же набросились на него. У них не было ни дубинок, ни других вспомогательных средств, но они довольно ловко попытались скрутить Глеба. В тот момент, когда руки одного из милиционеров оказались в замке на шее репортера, тот, кого избивали, преодолевая боль, что без труда читалось на его лице, поднялся и что есть силы ударил готовящего удар мужчину в район позвоночника. И хоть это не возымело ожидаемого результата, он смог отвлечь противников от спасителя, за что тут же поплатился ударом коленом в челюсть.

Александра, в это время, подбежала к камере, в ее глазах читался страх, но она старалась не терять концентрации, хотя и плакала практически навзрыд. Наклонившись к устройству, стали видны только ее руки, шарившие в районе объектива. На секунду в кадр попал черный металлический предмет, похожий на пистолет и камера погасла.

- Твою мать! - воскликнул Владислав, не обращая внимание на то, что поддерживает открытый рот чуть ли не обеими руками.

Все присутствующие в комнате обомлели от изумления. Вся работа была брошена, чувства смешались, оставив лишь удивление и замороженность происходящим в телевизоре.

- Это же день теракта, если верить камере, - воскликнул Паша, но никто не обратил внимания.

Люди, смотрящие телевизор, переключившие на этот канал, и не подозревали, что станут свидетелями трагедии, которая приключилась не только в семье Картанова Максима, но и в десятках других семей, чьи родственники погибли в тот ужасный день.

Камера включилась через несколько мгновений, которые заполняли кадр знакомым «профилактическим» шумом. В объективе на мгновение появился сотовый Глеба, он набирал чей-то номер.

- Алло, Максимка! Да, это папа. Слушай, Максим, срочно проверь мой сервер. Это очень серьезно, не ври, что не знаешь пароль. Кое-кто взламывал его трижды на прошлой неделе. Давай-давай, - голос из-за камеры был запыхавшимся, судя по всему, говорившему сбилось дыхание и было трудно дышать.

- Глеб, не надо сына втягивать! - воскликнула Александра.

Они стояли посреди развилки в тоннеле метро. Освещение было тусклым, Глеб сэкономил заряд батареи в камере, поэтому светили лишь малочисленные габаритные огни на стенах и фонарик того мужчины в форме, которого они вытащили из драки. Его лицо было похоже на окровавленную маску из плотной резины — так сильно оно опухло от града ударов, но он еще держался на ногах.

- Давайте быстрее, можем не успеть, - голос неожиданного спутника был приглушен, у него очень сильно болело горло и все лицо тянуло болью.

- Включил? Отлично. Камера пишет? Все. Давай, сын, пока. Папа на работе. Нет, не знаю когда приду. Мы тебя с мамой очень любим.

И он бросил трубку, даже не предупредив сына, что с ним может что-то случиться.

- И все? Ты даже не сказал ему ничего? - закричала жена.

- А что мне стоило ему сказать? Что если мы не вернемся, он знает, что делать? Саша, мы столько раз чуть не погибли, он уже взрослый и знает, что делать. Но мы выберемся, ему не о чем волноваться! - голос Глеба тоже срывался на крик, но он все еще сдерживался.

- Максимка, что бы ни случилось... - Александра смотрела прямо в камеру и практически не моргала, - знай, что я не стреляла, хотя стоило бы... Мы их просто отпус...

- Где вы там? Мне нужна помощь! - кричал милиционер, темный силуэт с фонарем в руках, стоявший с края тоннеля.

Камера снова зашевелилась по направлению к свету.

- Здесь не ходят поезда, этот тоннель закрыт, - на ходу объяснял проводник.

Они продвигались глубже, но камера однажды обернулась и стало понятно, что они ушли не больше, чем на семьдесят метров от входа. Позади ярко саднили люстры станции.

- Смотрите.

На стенах была закреплена взрывчатка. Но не строительная, в чем любой человек, интересующийся современным вооружением, смог бы быть уверенным на все сто. Да и Глеб выругался достаточно громко, что стало понятно — его многолетний опыт вылазок как на стройки, так и на войну, сработал как надо, дав понять присутствующим, что положение серьезное.

У Владислава зазвонил мобильник. Он посмотрел на экран и обомлел. Звонил начальник всего отделения по его району. Что за? Может номером ошиблись?

- Да, Петр Семенович? Что? Как отрубать? - он был не на шутку взволнован, но следующий вопрос, видимо был куда серьезней, потому что он вышел из комнаты и продолжил совсем тихо. - А как же девочка? Но ведь... Понял...

Он прислонился к стене, обдумывая услышанное. «Плевать на девчонку, пусть твои парни отрубят сигнал! Как угодно, это не имеет значения».

- Так, ребята! Поступила новая информация, пока я не могу вам ее сообщить. Но вы должны отрубить сигнал, найти способ сделать это. Работайте, и без вопросов.

Антон и Паша переглянулись, но молча сели за свои агрегаты в соседней комнате, краем глаза поглядывая в телевизор. Никто из присутствующих не знал, что Паша нашел способ отключить сигнал уже через минуту после приказа. Но видео продолжалось.

Кадр уже несколько раз описал круг, чтобы показать то количество взрывчатки, которое было закреплено по стенам тоннеля. Рвануть должно было сильно, возможно даже аукнувшись трещинами на асфальте наверху, как, собственно, и получилось.

- Я же говорю вам, что эти двое проверяли всю эту конструкцию, - сказал милиционер, обводя правой рукой вокруг, тем временем левой придерживая ребро.

Вдруг изображение исчезло. Экраны тысяч телевизоров покрылись черно-белой рябью.

Паша вздрогнул. Странно, казалось, он так и не нажал на кнопку, но хотел это сделать.

- Что случилось? - спросил Антон, проверяя какие-то данные в ноутбуке. Судя по графикам — он просматривал сигнал приема вещания, потому что сейчас на экране пульс замер, превратившись в тонкую красную линию, которой не хватало только отратительного пицания.

- Они отрубили сигнал, идущий от самой башни, - сказал Владислав, нервно сжимая в руке мобильник.

- Но что же будет с...

Договорить Паша не успел, изображение на экране стабилизировалось, заменив «белый шум» знакомой картинкой Питерского метро с маленькой сноской с лицом Максима в углу.

- Звони операм, кажется я знаю где он, - прошептал Антон, обращаясь в большей степени к начальнику.

Паша склонился над клавиатурой, что-то оживленно набирая.

- ...говорю вам, что нам не отключить эту систему, - сразу же с полуслова начал раненый служитель порядка.

- Что ты предлагаешь? Сейчас на станции самое оживленное время, и людей там сейчас не мало, - Саша кричала, но ее голос не срывался в истерику.

- Нам надо уходить, - закричал Глеб из-за кадра. - Живо! Может успеем предупредить служащих станции, пусть уведят людей!

Изображение в кадре неровно повернулось и показало огни станции. В таком ракурсе это смотрелось даже немного романтично — свет в конце тоннеля.

- Глеб... - раздался голос Александры Картановой из-за кадра. Голос был тихим и дрожащим.

Объектив быстро развернулся, но даже скорости этого движения хватило лишь для того, чтобы зритель успел заметить зеленый огонек в темноте круглых сводов.

Раздался оглушительный взрыв, приумноженный эхом пещеры и не самым лучшим качеством записывающего устройства. Даже если там и были крики, то их просто поглотил треск и грохот, продолжавший греметь даже через пару секунд после того, как изображение свернулось в комок ничего не значащих картинок, где не угадывались ни лица, ни цвета...

В какой-то момент, столь незаметный на фоне происходившего, изображение Максима пропало, и сейчас на экране бушевала мерцающая пустота, то черная, то серая, словно

ничто примеряло на себя разные оттенки. Но вдруг изображение сменилось до боли знакомым Марии и Дмитрию интерьером — комната, в которой Максим, когда-то их знакомый и, возможно, даже друг, держал их доченьку. Но сейчас он был там один.

- Это сообщение касается только тех, кто понимает, о чем речь.

Его лицо было серьезно, все-таки он обращался к многотысячной аудитории, похоже, что он не забывал об этом ни на секунду.

- Видимо, вы все-таки нашли мой передатчик на телевизионной башне, смею вас поздравить. Но, к сожалению, он передавал лишь мое изображение. Я взял на себя смелость обмануть руководство телекомпании, чтобы не портить зрелище для обывателя. А теперь о главном.

Он поерзал на стуле, будто подыскивая положение получше, после чего снова выправил спину и, практически не моргая, и глядя только в объектив, сказал:

- Завтра я буду в Екатерининском саду в 16-00. Не опаздывайте, - он уже потянулся к камере, чтобы заслонить ее или выключить вовсе, но отдернул руку. - За безопасность девочки можете не волноваться.

И изображение исчезло.

3. Стокгольмский синдром.

Максим Картанов проснулся рано. Открыв глаза, он увидел лишь белый потолок и улыбнулся. В квартире своего друга он жил уже больше месяца и маялся от безделья. Интернет был подключен через тучу устройств, которые они соорудили вместе, чтобы быть немного более незаметными для окружающих. И, несмотря на некоторую завесу невозможности, стать призраком во всемирной сети оказалось вполне реально, хоть и приходилось проводить множество различных манипуляций с трафиком и маршрутизированием перед каждым посещением необходимых аккаунтов.

Максим налил себе холодного чая из старого заварника и прошелся по пустым комнатам. Больше всего ему, естественно, нравилась «белая» комната, ведь это была его идея — выкрасить стены и записать обращение именно в таком виде. Выглядело немного глупо, но все-таки не так плохо, как первые обращения к родителям Юли, когда на заднем плане можно было отчетливо различить предметы интерьера вплоть до дурацких обоев чуть ли не десятилетней давности.

Максим сел на пол и медленными глотками цедил горький, слишком сильно заваренный чай, обжигавший рот не температурой, а противным вкусом. Именно такой чай он и любил — темный, с белесой пленкой на холодной жидкости, настолько сильно заваренный, аж до густоты, что могло стошнить — Максим не знал почему, но этот вкус был приятен ему, как коньяк, который он пил единственный раз в жизни, ставший последним.

Когда кружка опустела, он выглянул в окно.

Толпа уже разворачивалась у входа в Екатерининский сад — нужно было уже собираться с последними мыслями и выходить.

Максим видел происходившее почти с высоты птичьего полета, но изнутри картина представляла совсем другой. Десятки, может даже сотни людей, пришли в этот солнечный, без единого облака на небе, день, чтобы увидеть нечто неожиданное, столь непривычное и выдающееся из их жизни. Ведь для них Максим был всего лишь еще одним «лицом из телевизора» - личность без души, отдавшийся за пиар и пустившийся во все тяжкие, что и привело к плачевному результату преступника. Другие приготовили плакаты с изложением своих требований к правительству, будто это имело какое-то отношение к акции Максима Картанова, но тут уж ничего не поделать — любая активистская деятельность нашла себе лаз в сегодняшний день.

Максим не зря фильтровал и вносил необходимую редактуру в свое видео-обращение, зря волновались спецслужбы, пытаясь отключить трансляцию — все, что могло иметь какое-то отношение к истинным целям взрыва, было тщательно удалено и подчищено. Вместо политической деятельности перед зрителями предстал, как это не прискорбно было признавать, не более чем очередной остросюжетный «видос», один из сотен других, отуплявших население одаренных интернетом граждан.

В толпе можно было заметить самую разношерстную публику — как молодежь, в основном группами по десять-пятнадцать человек, так и одиноких «знаменосцев» - держатели плакатов и транспарантов, представители самых разных возрастов.

И вот среди всего этого столпотворения, среди молодежных группировок, представители которых решили, что участие в подобных акциях очень модно и куда интереснее обычного шопинга, среди людей постарше, многие из которых, несомненно являлись представителями неких политических и псевдополитических организаций, среди обычных зевак, как безработных, не знающих чем заняться в столь безоблачный день, так и обычных прохожих, которые не смотрят телевизор и не посещают многочисленные блоги и image-борды, среди всего населения парка на сегодня,

выделялась пара молодых людей, державшихся немного поодаль, в широкой тени молодых деревьев.

Девушка и парень, непримечательные внешностью и без пристрастия к происходившему, они стояли и разговаривали, и, казалось, что они ждут чего-то, оглядываясь по сторонам.

- Как ты думаешь, он придет? - спросила девушка. Она выглядела гораздо старше своего возраста, в глазах наблюдалась некоторая жесткость не присущая женщинам такого типа.

- Надеюсь, что это шутка... - пробормотал ее собеседник себе под нос, озираясь по сторонам и надвигая кепку на глаза, боясь лишнего внимания. - Он сам устроил этот цирк, а теперь пусть только попробует не прийти.

- А ты охотно помог ему, Павел, - строго заметила собеседница. - Можешь не обращать внимания на некоторые мои реплики, это просто мысли вслух. Я уже вся перенервничала.

Паша мягко положил ладони девушке на плечи и почувствовал, как ее дрожь передается ему легкими толчками. Ее практически колотило от озноба.

- Все будет хорошо. Он знает на что идет. Ты что забыла, мы же все обдумали и обговорили, тебе ничто не грозит.

- Да помню я, помню... - Она снова посмотрела в сторону входа, на небольшое кольцо оцепления, к которому должен был подойти Максим. - Я так за него волнуюсь.

Она еле сдерживала слезы, хотя посторонний наблюдатель вряд ли смог бы обратить на это внимание. Но девичий организм — это не огромная плотина, способная сдерживать натиск чувств, бьющихся с огромной силой, и поэтому ее глаза уже давно покраснели от соленой влаги, проступавшей на веках.

- Давай-давай, не раскисай, Юлька. Ты совсем уже плохо держишься, на тебя это не похоже.

Юлии Деминой хотелось обнять его и разрыдаться прямо на плече. Уже месяц ей не давало покоя чувство вины за то, что она так бросила родителей, забрав все лучшее, что они берегли, забрав их нервы и сон, оставив лишь кучу проблем. Но она знала, что не может бросить любимого в его стремлении к цели, достижение которой порой было ей непонятно и даже безумно. Но вместо слез и жалости к себе она выбрала любовь, пусть и неправильную, запретную, ну и что — все так делают, а чем она хуже, тем более, что она находила в себе разум не уподобляться этому быдлу, в которое превращалось большинство ее сверстников. Она отвернулась.

Но именно в этот момент толпа у входа оживилась.

- Юля, тебе пора. Кажется, я его вижу, - сказал Паша и, оставив девушку одну, прошел чуть дальше от входа, к одинокой скамейке у памятника Екатерине.

Юля протерла глаза салфеткой, которую выудила из кармана своих джинсовых шорт до колен, и, сделав вдох-выдох несколько раз, чтобы голос не дрожал, пошла вперед. Пути назад уже не было.

Владислав Валерьевич стоял в центре оцепления и не находил себе места. Он всю ночь не мог уснуть, все время размышляя о происходящем. Ведь не может преступник просто так взять и сдать властям, даже несмотря на выполненные требования. Да и требования-то были бредовыми, если взглянуть на них со стороны его длительного опыта. Теперь это все больше и больше походило на подставу, но он просто не мог не довести дело до конца.

Похоже, что этот Картанов просто договорился с девчонкой и разыграл своеобразный спектакль, чтобы добиться... чего? Внимания масс-медиа? Популярности? Нет, вряд ли молодой, умный парень стал бы ставить на кон свое будущее ради «такой» популярности...

- Владислав! Он идет, - сказал один из оперативников из оцепления.

Владислав отвлекся от своих мыслей и взглянул туда, куда был направлен взгляд оперативника.

Максим Картанов направлялся вовсе не со стороны Невского проспекта, вопреки ожиданиям многих, он шел из парка на выход. Особо не таясь, с поднятой головой он шествовал уверенно и свободно, будто не собирался сдаваться полиции, а просто вышел на прогулку. Станным было то, что многие не обращали на него внимания, будто вовсе не знали, кто он такой. Формально, конечно, именно так все и было, но именно поступок этого человека собрал сегодня здесь такую толпу.

Лишь когда шепот начал перерастать в откровенный гул, срывающийся в крик, как на птичьем базаре, люди осторожно, боясь поступков этого человека, начали обступать его со всех сторон. Это выглядело, по меньшей мере, смешно — овцы собрались вокруг нового человека, готовые внимать его словам, пока пастух не разгонит это безобразие.

Максим прошел до оцепления без проблем, не обращая внимания на людей вокруг, даже не смотря на них. В его глазах цвела уверенность в собственных силах — определенно, стоило ожидать от него неожиданностей, будто он уже погрузил ладонь в рукав в поисках последнего козыря.

Хотя рукавов у него не было. Он вышел на встречу, одевшись в соответствии с погодой — в джинсовых шортах чуть ниже колен и в желтой футболке со всем известным принтом на груди — круглой, улыбающейся рожицей.

- Здравствуйте, Владислав, - сказал Максим, пройдя вперед, через расступившееся оцепление.

Владислав защелкнул наручники на протянутых ладонях Максима и посмотрел ему в лицо.

- Где девочка? - только и спросил он у преступника.

- А вы еще не догадались? Думал, что когда увидите меня, то вопросов больше не останется.

- Можешь не сомневаться в моих умственных способностях, скорее мне стоит сомневаться в твоих. Но все же — где девочка? Мне плевать, если это какие-то игры тупоголовой шпаны или же ты настоящий отморозок, моя цель — вернуть ребенка родителям.

Максим улыбнулся и тихо, чтобы в шуме какофонии криков только Владислав услышал его слова, сказал:

- Посмотрите мне за спину. Да повнимательнее.

Среди буйствующей, выкрикивающей разные сорта бреда, массы народа, Владислав увидел Юлю без особого внимания. Ее неподвижность резко контрастировала с девятым валом вокруг. Еще чуть-чуть, и она погрузится в волны беспорядков, происходящих рядом. Она увидела Владислава и помахала ему рукой.

- Где моя девочка?! Где она?! - кричала мать Деминой, прорываясь к Максиму.

Когда ее пропустили, Мария вцепилась в его плечи так сильно, что двое крупных мужчин еле оттащили ее в сторону. Юля видела все это со стороны, но не решалась пока подойти, а Владислав почему-то не спешил с ее разоблачением. Возможно, что, несмотря на его возраст и опыт, ему было слишком неловко вот так представлять матери дочь, как человека, который обрек ее на страдания, граничащие с безумием. Но именно дочь в глазах следователя была сейчас главным преступником, потому что даже несмотря на любовь к этому человеку в наручниках (а их отношения становились ясны, стоило только посмотреть на обоих внимательнее), она не имела никаких прав поступать так с человеком, который произвел тебя на свет и растил, кормил и воспитывал, как огромную часть самого себя.

Владислав думал, что даже плохое воспитание не должно наказываться столь радикальным способом.

- Мария, успокойтесь! - громко и уверенно, сказал Владислав, сдерживая гнев матери.

- Где она?! Отведите меня к дочери! Что он сделал с ней! - она все кричала и кричала, не в силах остановить истерику.

- Посмотри на нее! Видишь, что ты сделал с ней?! - крикнул Владислав на Максима, с силой сжав его лицо и направив его в сторону Марии. - Ну что, стоят ваши игры такого? А? Стоят?

Максим ничего не ответил. Его улыбка давно уже была стерта с лица. На Владислава исподлобья смотрел человек, достаточно взрослый, чтобы осознавать свои поступки.

- Вы ничего не знаете... - начал Максим, но Владислав не сдержался и ударил его ребром ладони в ухо.

- Да мне насрать, понял. Ты сядешь. Не знаю, на что ты рассчитываешь, но ты сядешь, я приложу к этому все усилия.

- Стойте!

Юля расталкивала людей вокруг себя, они опешили от такого отчетливого выкрика и расступались, оглядываясь на нее. В ее глазах стояли слезы, которые она тщательно пыталась удержать в себе.

- Стойте, не трогайте его! Я цела, меня никто не похищал...

- Юля, не надо... - сказал Максим.

- ...это все моя идея, поэтому если нужно — надевайте наручники и на меня.

- Юленька... - ее мать подошла к ней, протягивая руки к ее лицу, не веря тому, что ее дочка цела, словно не обращая внимания на ее слова.

- Мама, прости меня. Но я должна была. Я люблю Максима, - сказала Юлия Демина и, приобняв мать, тут же отстранилась и подошла к Владиславу. - Ну что? Забирайте и меня с ним.

- Но не в наручниках. Ты поедешь с нами, а там видно будет.

Максима вели к выходу из парка. Круг оцепления превратился в колонну и направился к служебным автомобилям, нарушаясь лишь в моменты, когда особо ретивые скандалисты и репортеры пытались пробиться к арестанту.

- Максим, что заставило вас так поступить?! Скажите, это правда, что вы действовали от лица якобы похищенной Юлии Деминой? - эти и десятки других похожих вопросов висели в воздухе, не находя себе пары в виде полноценного ответа.

Максим Картанов шел вперед, держа руки в наручниках перед собой, и не позволяя полицейским вести себя.

Вдруг из толпы отделилась небольшая группа молодых людей, которая направлялась прямо к колонне полицейского сопровождения.

Не прошло и нескольких секунд, как они ворвались прямо в колонну.

- Максим, мы тебе поможем! Давай, беги же! Беги! - кричали парни лет двадцати пяти, вступая в драку с опешившими полицейскими.

Один из них схватил Максима за цепь наручников и потащил наружу, пока его напарники удерживали брешь. Но он не ожидал того, что произошло после. Максим дернул руки на себя, вырывая наручники у неизвестного «помощника», заставив того покачнуться от неожиданности жеста, и, сжав их в замок, ударил незнакомца в шею. Тот отлетел на спины дерущихся и немигающими глазами уставился на своего кумира.

- Вы что, совсем идиоты?! Хватит заниматься всякой херней! - Максим обращался ко всем присутствующим, воспользовавшись заминкой, произошедшей в этот момент. - Что вы творите, люди?! Зачем вы все сюда пришли? Посмотреть на человека из ящика? Может увидеть известную личность? Или просто поржать и поснимать это все на камеры?

В его словах была правда — фотоаппараты и мобильники торчали из масс, как иглы из спины ежа, даже еще до того, как «представление началось».

- Я обычный преступник, и именно поэтому я иду сейчас с ними, - Максим кивнул на Владислава с его людьми. - Научитесь думать, что вы делаете, иначе так и останетесь овцами. Считаете, что я невиновен? Да вы даже понятия не имеете, что тут сегодня происходит! Валите отсюда, если у вас еще остался здравый смысл...

- Все, хватит с тебя внимания на сегодня. - Владислав оборвал Максима и повел его в старый добрый «УАЗик».

Этот день стремительно подходил к концу. Пусть часовая стрелка только начинала отходить от цифры «3», но день уже заканчивался. Безмятежное солнце закрывали собой маленькие тучи, словно поторапливая светило к линии горизонта. Они были слишком малы, чтобы накрыть его собой, но их было так много, и ветер гнал их прямо в центр небосвода. Тень набегала на землю стремительно, подсказывая, что сегодня уже ничего не произойдет. Как, впрочем, и завтра...

4. Эпилог.

Когда к Максиму приходила Юля, на самое еще первое свидание, примерно через месяц после суда, он представлял себе нечто «киношное», стеклянную перегородку с телефонными трубками по обе стороны, как усовершенствованная версия двух банок на шнурке. Но все оказалось куда проще — отдельная комната, все в том же двуцветном стиле, как и все помещения тюрьмы — серые бетонные стены и пол, сотнями ног раскрашенный в чуть более темный цвет. В этой комнате было шесть столов, рядом с каждым по две скамьи — по одной с обеих сторон. Видимо, собратьев Максима по несчастью не очень часто навещали, потому что возле одного из столов стояла Юля, рядом с ней охранник — и больше, кроме них, никто не ждал, пока сопровождающий снимет холодные наручники с запястий Максима...

В этот раз все обстояло иначе — три стола уже были заняты и возле четвертого, самого дальнего от входа и, по счастливой случайности, самого удаленного от соседей, сидел мужчина в старых, еще чуть ли не советского образца, очках и деловом костюме. Хотя кейса не было рядом, Максим был уверен, что его сегодняшний визитер точно носит с собой нечто похожее на Голливудские «чемоданы-для-передачи-денег».

- Здравствуйте, Максим, - произнес незнакомец после некоторой паузы, повисшей на время, пока охранник отойдет на безопасное расстояние. - Как вам тюрьма нового образца?

- Неплохо. Во всяком случае, для человека, которому не с чем сравнивать, - любезно ответил Максим, осторожно улыбаясь, глядя в глаза этому странному человеку, который носит дорогой костюм, при этом не меняет старые очки.

- Ну что ж, я рад. Ведь это именно я настоял, чтобы два года вы провели именно здесь. Максим ничего не сказал на эту реплику, несмотря на то, что Незнакомец явно ожидал ответа.

- Чем обязан такому визиту? - проговорил Максим через несколько секунд неудобного молчания. - Вы же не для социального опроса о качестве тюрем сюда приехали?

- Да, не для него... - мужчина снял очки и посмотрел Максиму в глаза. - Я думаю, что вы догадываетесь, товарищ Картанов.

Он так странно цедил слова и произнес слово «товарищ» с такой интонацией, что на секунду Максиму показалось, будто он перенесся назад во времени лет эдак на тридцать-сорок.

- Нам известно, что случилось с Вашими родителями и, более того, нам также известно, какую именно информацию вы удалили намеренно из своего... хм... видео-обращения.

Максим молчал, пытаясь сохранить невозмутимость. Но в глубине души у него царил буря эмоций. Ведь этой встречи он так сильно добивался всеми своими действиями, и вот, спустя год после заключения, удача нашла его.

- На самом деле, я лично очень признателен вам, уважаемый Максим, за то, что вы не пустили в эфир, но, в то же время, не могу вас похвалить в принципе за ваши действия.

- Так что вы, собственно, от меня хотите?

- Я хочу, чтобы вы молчали и не делали глупостей, товарищ Картанов, - ну вот, опять КГБ-шные замашки, - и тогда, может быть, нам могут пригодиться ваши таланты.

- Польщен... А что будет, если я откажусь, ведь материал еще не найден, я правильно понимаю?

Мужчина недобро ухмыльнулся и надел очки, снова превратившись в работника серой массы, в своеобразного офисного работника на стыке столетий.

- Все будет хорошо, если вы этого захотите, Максим, - сказал мужчина, удаляясь к выходу. Максим успел подметить, что его не обыскивала охрана, как обычно бывает с рядовыми посетителями.

- Картанов! У тебя что, день общения сегодня?! К телефону, живо! - кричал один из охранников.

Максим подошел к телефону и взял трубку.

- Максим, это я.

- Нет, Максим — это я, - в шутку ответил Максим, когда узнал голос. - Привет, Антон.

- Догадываешься, зачем звоню?

- Не очень.

- Я уже навел справки о твоём посетителе.

- Как? Уже? - полушепотом сказал Максим, не веря своим ушам. - Всего минут пятнадцать прошло.

- Ну, ты же знаешь, как у нас тут все происходит, хоть я и не совсем легально этим занимаюсь.

- Смотри не подставляйся, товарищ полицейский, вдруг прослушивают.

- Спокойно, у меня все под контролем. Так вот...

Этот человек был из тех, кто относится к правящей элите, по максимуму стараясь обособиться от нее. Крупный бизнесмен на деле, в прошлом сотрудник довольно влиятельных структур. Судя по всему, он имел прямое отношение к ФСБ и прочим «внутренним». Антона насторожило то, что он сам пришел на встречу в тюрьму, возможно, он был далеко не самым важным лицом во всей сложившейся комбинации с событиями почти десятилетней давности. И теперь они нашли Максима и даже предложили мирное решение проблемы.

- Спасибо, друг. Но мне пора, а то охрана уже на часы поглядывает.

- Хорошо. Максим, ты это... держись там.

- Уж точно не пропаду... - сказал Максим. Он хотел выдержать паузу, но побоялся, что Антон бросит трубку и выпалил, - Юле привет передавай.

Не дождавись ответной реплики, он бросил трубку.

Антону не спалось ночью. Назойливый червяк сомнений терзал его мысли уже не первые сутки, не отпуская ни на секунду. Что такое они творят? К чему ведет эта игра, какая расстановка сил будет в будущем, когда Максим выйдет из тюрьмы. Все чаще его посещали мысли, что зря он однажды подписался на блог этого странного, но чертовски харизматичного паренька в интернете...

Антон хотел было сделать ночную зарядку, но передумал. Тело ломило от каждодневной лени, порожденной этими самыми мыслями, что круговертью проносились в его голове.

Он сел за компьютер.

Ничего не хотелос. Юля с ним не общается, оно и понятно — в свободное время они не были знакомы ни на секунду, хотя Антон восхищался этой не по годам умной девчонкой и понимал, какие чувства к ней испытывает Максим.

Паша уехал в другой город, во всяком случае, он так сказал. Хотя, скорее всего, опять штампует где-нибудь в подполье свои чипы для приставок, вон новая модель на днях появилась.

И хотя они вроде бы добились того, чего хотели, удовлетворение все не приходило. Более того, Антон уже и забыл, что за цель они преследовали. Не исключено, что все это было лишь игрой Максима Картанова, который вдохновил их на приключение в реальной жизни.

Чтобы прогнать экзистенциальные мысли, Антон вошел в анонимный блог — один из самых популярных в своей среде, и ввел знакомую спарку «логин/пароль». Некоторое время он клацал мышью по случайным ссылкам, мышинное колесико трещало на всю комнату, открывая сотни статей абсолютно разных людей со всех уголков необъятной.

Антон даже улыбнулся своим мыслям о том, что ждет, когда увидит знакомый ник Максима.

Посидев и подумав над названием новой темы, Антон напечатал «Заложники» и нажал Enter.

Курсор в поле «Содержание поста» ждал его, в равные промежутки времени подмигивая на белом фоне.

09.12

ОКЕАН В КОНЦЕ ПУТИ

Я шел вдоль Невского. Причем "шел" в том смысле, в каком это слово обычно применяют к кораблям, нежели к людям - непоколебимо проходил вдоль снующих туда-сюда людей, только что не нужно было гудеть, чтобы избежать столкновения. Все мысли были забыты последними новостями. Одними новостями, тьфу, то есть всего одной новостью.

Как назло, погода была потрясающей – только и иди в ближайший парк или к Неве и плевать на запреты – купайся, загорай, радуйся жизни. Вот только настроения не было. И ведь мысли все сводились к одному-единственному словосочетанию, вопросу: "Да как же так?!"

Нужно было собраться с мыслями и дойти уже до дома, наконец.

Дианка поможет разобраться в любых мелочах, она у меня сообразительная.

Шумный проспект постепенно сужался, а потом и вовсе свернул, повинувшись встроенному в мой мозг автопилоту. Кто кого вел – над этим можно еще было поразмышлять до тех пор, пока я чуть не попал под машину в своем дворе. После небольшой терапии русским матом пришлось взять себя в руки, но от меня не укрылась каверзная мысль, что можно было бы и попасть – какая уже теперь разница?

Диана была дома, сегодня у нее, кажется, выходной. Или отпуск. Или одно из двух. На секунду стало стыдно, что не запомнил, какой текущий статус у ее работы.

- Эй! Привет! Ты сегодня рано! - поприветствовал меня звонкий голос из ванной.

- А ты почему не смотришь, я это пришел или нет?

Она показалась из-за двери:

- Я видела тебя из окна. Петрович тебя еще отmaterил за то, что под колеса лезешь. Это весь двор слышал.

- А, ну да, точно...

Она вышла в прихожую, такая легкая и воздушная. От жары Дианка предпочитала скрываться с помощью любимых спортивных шорт и майки. Иногда под ними даже ничего не было, возможно, что и сейчас.

- Что-то случилось? - вопрос задавала не сама Диана, а ее большие зеленые глаза.

Мой взгляд скользнул вдоль линии аккуратных бровей, опустился ниже, задержался на небольшом носике, вздернутом и веселом, после настал черед губ, сейчас они были сжаты в две тонкие линии – всегда она так делала в ожидании.

- Ну-ну? Что такое?

Внезапно, все вылетело из головы и, то ли благодаря домашней прохладе от нового кондиционера, то ли из-за близости с возлюбленной - но ни о чем плохом думать не хотелось. Вот только таить новости я тоже не собирался.

- Помнишь к нам Данька приходил недели две назад в гости?

- Да, помню.

- Он еще тогда хвастался, что один его хороший знакомый, то ли друг брата, то ли брат мужа сестры, короче кто-то из них защитил диссертацию, и его взяли работать в ЦЕРН?

- Не очень, мы тогда больше с Кариной общались, пока вы болтали о том, о сем.

- Сегодня мне Данька звонил и передавал новости из ЦЕРНа от этого знакомого. Вот как-то так, - слова закончились, а я продолжал смотреть на нее, как если бы нашелся хоть один человек на планете, который бы сумел сделать вывод из моих слов.

Она приоткрыла рот и подалась вперед, удивленно раскрытыми глазами прожигая меня, - всемирный жест "Ну и?!.."

- Короче, у них какая-то авария и скоро нам всем конец, - быстро выговорил я и замолчал.

Диана отвлекла внимание от моего лица и задумчиво сконцентрировалась чуть ниже, на воротнике футболки. Ее лицо стало отрешенным, но ненадолго:

- Это что, какая-то шутка?

- Я и сам не поверил сначала, но вообще нет, это не шутка.

- Женя, если это шутка, то она совсем не смешная! - ее голос постепенно повышался, хотя сейчас его было бы лучше сравнить со сходящей лавиной - я знал, как он может набрать обороты за несколько секунд.

- Пойдем, я тебе кое-что покажу.

Я сразу рванул к компьютеру в проходной комнате, не разуваясь и не умывшись, хотя стоило – жар и пот никак не сходили с лица. Наверное, любой художник удивился бы красноте оттенка моего лица – настолько насыщенным и ярким оно стало.

У нас были отдельные браузеры, которые Диана в шутку сравнивала с автомобилями - ее любимый "красненький" и мой "быстрый и синий". Я так нервничал, что был недоволен скоростью "быстрого и синего", но когда на экране появилась страница с почтой, я открыл письмо от Дани, а он, в свою очередь, получил его от своего товарища из Швейцарии.

Пока Диана смотрела видео, я ходил взад-вперед за ее спиной и, по звукам, доносящимся из колонок, подставлял образы по памяти.

Сначала, автор видео долго вещает на английском, что учеными был совершен прорыв в изучении "бла-бла-бла", сегодня был достигнут новый уровень изучения "бла-бла-бла" и, спустя несколько минут, раздается громогласный голос из рупоров. Он не похож на роботизированный отсчет, говорит какой-то человек, отсчитывает секунды от пятидесяти девяти до нуля.

- Fourty five...

- Fourty...

...

- Twenty...

...

- Nine!

- Eight!

Я снова ждал окончания этого отсчета с ожиданием, даже боялся лишней раз вдохнуть, пока легкие не начинали требовать. Но если на работе мне было интересно, что же я должен увидеть на этом видео такого "срочного" по словам Даниила, то теперь я уже знал и просто ожидал реакции Дианки.

О, Диана-Диана, моя милая!

Я не выдержал и встал рядом с ней, приобняв за плечо.

На экране, тем временем, раздался безумный гул, громкий и протяжный, как если бы сверхчувствительный микрофон положили в трансформаторную будку и голос автора перестал быть различим. О что-то говорил про результаты, что они приближаются к предельному порогу, они замечательны.

Если до этого гул как бы "разгонялся", прямо как мотор гоночного болида, то в кульминационный момент он стал равномерным и почти нестерпимым, Диане пришлось немного снизить громкость на колонках.

Кто-то радостно завопил! И голоса на разных языках восторженно закричали, хоть и вразнобой, но так созвучно. Их радость наполняла зрителя, я заметил, как Диана улыбнулась экрану.

- We made it!

- Wir haben es gemacht!

- Nous avons fait cela!

Произошло что-то потрясающее, чего ученые так долго ждали, как можно было не радоваться?!

Глазок камеры дрожал, вращался из стороны в сторону, от одного счастливого лица к другому, все обнимались и жали руки. До тех пор, пока крик, никак не связанный с радостью, скорее наоборот – бывший ее полной противоположностью, не раздался из-за кадра.

То, что появилось на экране, никак не могло оказаться банальным спецэффектом – слишком уж нереальным и непостижимым оказалось нечто в помехах. Зернистый шум появился вовсе не на изображении, а в самой лаборатории! Воздух подрагивал и светился в области одной из неизвестных мне труб того самого коллайдера, о котором ходили сотни анекдотов и шуток. Потом пространство разрезала тонкая нить небесного цвета (да-да, именно "небесного", потому что он был одновременно и синим, и голубым, и белым, в зависимости от того, под каким углом смотрела камера), вокруг которой пробежали искры. Нить висела ровно, не дергаясь, даже вибрация воздуха не касалась ее.

Прошло десять секунд нервного молчания, прежде чем расширение этой нити стало заметно невооруженным взглядом. Она раскрывалась, будто глаз, размером с крупное окно, вот только вместо привычного белка с роговицей мы со страхом наблюдали черноту, полную "отсутствия воздуха". Перед учеными распахнулся сам космос, полный жестокого и холодного вакуума, который сразу же начал пожирать все, что попадет в радиус поражения.

В последние секунды мы стали свидетелями шокирующего зрелища – один из ученых, которому не посчастливилось оказаться рядом, оказался затянутым в этот "воздуховорот"...

Диана пересела на диван рядом с компьютерным столом – ее лицо в считанные мгновения исказилось неприсущей ее темпераменту серьезностью, будто видео вытянуло все веселье тем же странным образом.

- Диана, ты в порядке? - решил спросить ее я. Я понимал, что вопрос глупый и неуместный, но его стоило задать.

Она не ответила, все так же сидела и смотрела в пустоту, прикусывая нижнюю губу – привычка от которой она отказалась некоторое время назад и сейчас была на, так сказать, "реабилитации".

Внезапно, она нарушила тишину:

- Да не-е-е-ет! Этого просто не может быть!

Она капризничала, как маленькая девочка, и это было понятно... хотя, нет, все-таки не понятно – не такой реакции я ожидал. А какой?

- Блин, и что теперь? Вот уроды, а!? Ну как так можно? А главное, зачем? И вообще!

Сложно было описать весь поток информации, несущийся сверхзвуковым локомотивом, потому что даже бедная Дианка не могла с ним совладать. Я сел рядом с ней и, поглаживая, положил ее голову себе на плечо. Как по команде, она затихла.

- И сколько у нас времени? - спросила она откуда-то справа.

- Данька говорит, что его друг успел свалить и провести какие-то расчеты, но они могут быть не точны, потому что "Зеница", как они называли ее, может начать расширяться быстрее.

- Сколько у нас времени, Жень?

- Недели три, если скорость не увеличится.

- Вот блин! Маму не успеем встретить... - разочарованно сказала она.

Хотелось соскочить с дивана, встряхнуть ее за плечи и возопить: "Твою мать, женщина, какая мама?! Нам всем жопа меньше, чем через месяц!"

Но если не я, то кто будет сохранять самообладание в этой семье? Это маленькое чудо со смуглым загаром от занятий с подружками на свежем воздухе и навязчивой идеей о том, что ее ноутбук ревнует к ее же планшету? Нет, уж увольте.

К тому же, я никогда не был силен в истериках.

- Что делать будем? - почти одновременно произнесли мы оба.

Помолчали немного.

- Я всегда думал, что в таких ситуациях стоит хотя бы сексом заняться... Ну, там, чтобы не помереть от отчаяния, - высказал я первое, что пришло в голову.

- Ну да, точно, - задумчиво произнесла Диана. - Можно...

Мы посмотрели друг на друга и завалились на диван в обнимку и с точным знанием, что сейчас этого делать не будем. Легкое умиротворение снизошло, на нас обоих, стоило лишь почувствовать грустное тепло тела любимого человека.

- А мы так и не съездили на море в этом году, - не вопросительно, но и без уверенного утверждения сообщила Диана в предвечерней тишине.

И меня осенило.

Даня запретил публиковать видео, что было понятно – он, по всей видимости, хотел выиграть немного времени для своей семьи в том числе. Мы повиновались, следуя собственному плану.

Следующие десять дней больше походили на бешеную чехарду без сна, чем на размеренный ритм городской жизни. Лица сменялись со скоростью автоматной очереди – риэлторы, начальство, друзья... Мы никому не говорили о том, что известно, берегли силы.

В итоге, через двенадцать дней мы были уже в аэропорту Мадейры, в Санта-Круш. Когда-то давно один товарищ советовал мне отпуск на одном из маленьких островов рядом с Порт-Санту. Почему-то Диана согласилась, возможно, что из-за менталитета – мало кто из Россиян знает о таком местечке, а видеть туристов-земляков не хотелось.

Мы сидели на пляже, рядом с маленьким съемным домом, который больше всего ассоциировался с жилищем Робинзона Крузо, если бы проектом занимался его чернокожий компаньон – несложно представить себе вигвам из прутьев и кожи, "надетый" на частокол средней толщины бревен. Все вокруг будто бы говорило о единении с природой в своем первозданном виде. Солнце приближалось к далекой полосе, которая едва заметно отделяла небо от океана, но до заката было еще около двух часов. Было спокойно, почти безветренно, и жарко. Редкие птицы пролетали над нашими головами, старались не кричать, уважая наше желание побыть в одиночество перед небытием.

- Странно, да? Эти ученые так радовались, все их усилия были направлены в сторону решения какой-то глобальной проблемы, или они хотели приоткрыть очередную ширму тайн мироздания... Неужели, все национальности выделили лучших умов только для того, чтобы приблизить конец света? - Диана лежала рядом со мной, на голом песке, без покрывала. Ее ладонь покоилась в моей, приятно и так безмятежно.

- Да уж, странно... На протяжении всей истории цивилизации столько национальностей собирались лишь для того, чтобы повздорить, повоевать. Как маленькие дети, всегда находили повод для драки. И, стоило только немного, повзрослеть... сразу все сломали.

- А вдруг, они действительно приоткрыли занавес какой-то тайны? Но Бог решил по-своему изгнать нас из своих чертогов?

- Только если ты – религиозный фанатик. Я всегда считал, что любому явлению есть логичное и рациональное объяснение, оправдание. Просто к некоторым мы еще не готовы.

- А я вот верю в Бога. Даже если ты прав, кто-то должен направлять человечество к открытию новых секретов. Может быть, и яблоко упало на голову Ньютону не случайно.

- Может быть... Только к чему нас завел этот слепой проводник? Или же мы сами выбрались из отары, чтобы попасть прямо в разинутую пасть?

Диана приподнялась и обняла меня всем телом, одарив дождем из песчинок с ее спины. Мы долго целовались, наслаждаясь каждой секундой.

На небе не было ни облака. Если черная дыра, "Зеница" действительно существует, то считает их деликатесом и расправляется в первую очередь.

Я вспомнил одну деталь:

- Кстати, когда мы нанимали лодку и дом, я воспользовался сетью на планшете.

Знаешь, Данька не выдержал, он опубликовал видео.

- Да, правда?! И как там? - Дианка встрепенулась и села напротив, загородив вид на солнце своим телом. Я был не против – вид открылся еще восхитительнее.

- Пока не ясно, хотя предсказать не сложно - беспорядки, паника, бедствия...

- Ну да, не то, что мы. До сих пор в голове не укладывается, почему я не чувствую такого разочарования? Да, мне грустно, я озлоблена, но нет отчаяния.

- У меня что-то похожее творится в душе. Хочется думать, что это благодаря тому, что мы есть друг у друга.

- О-о, это так мило, что даже ни о чем другом думать теперь не хочется!

Мы посмеялись, еще поцеловались и пошли купаться.

Вода была прозрачной, свежей и такой легкой, что хотелось уплыть далеко-далеко, прямо на своих двоих, чтобы где-то посередине океана раствориться в этой соли, взглянув на приближающееся ничто.

Но у нас были мы, поэтому побег исключался. Мы итак сбежали от всего, что казалось неправильным, чтобы последние дни побыть немного вместе.

- Знаешь, я тут подумал об интересных вещах, - начал я, подплывая к Диане. - Как ты думаешь, а много ли вообще народу расстроится, узнав о Конце Света?

- Ты о чем?

- Почему-то я вспомнил, в каком мире мы жили последние лет семь-десять. У каждого проблемы с финансами, кредиты, а если с деньгами все в порядке – то со здоровьем своим или близких людей...

- То есть ты думаешь, что...

- Да. Вдруг это второй шанс для нас всех? Как будто Бог, если он есть, говорит: "Ну что же ребята! Коль просрали все полимеры, не обессудьте!"

Мы посмеялись вместе и решили проплыть немного дальше к горизонту.

- Смотри! - воскликнула Диана.

Там, куда указывал ее палец, почти на линии горизонта, расползлась яркая иссиня-черная туча. Мы оба знали, что это такое, но сходство с тучей на таком расстоянии было очевидно.

Она не приближалась, но и не стояла на месте – даже на таком приличном расстоянии были весьма различимы всполохи искристого света вокруг странного явления.

- Поплыли назад, мне страшно! - Диана прижалась ко мне в теплой воде.

Мы выбрались на берег и развалились в двух шезлонгах, неразлучно стоящих рядом. Диана перекатилась прямо на меня, ее мокрые волосы заслонили лицо, и когда она убрала их своей рукой, я почувствовал полнейшую амнезию – настолько вдохновляюще на меня действовала ее счастливая, пусть и немного грустная улыбка.

Через пару часов, когда мы устало легли рядом, перед нами распахнулась вся вселенная. Иначе это описать было невозможно – небо было поделено пополам, даже часть солнца рассекла черная, как шрам полоса, превратив светило в оранжевого "пэкмена". Разрыв стал еще немного ближе, но он был настолько "иным", что мозг путался – то ли это весь космос падает издалека, то ли червоточина была не больше мизинца, но близка, как никогда. Законы физики, а в частности - оптики, не действовали на кусочек черной материи на небосводе.

Внутри не было звезд или всполохов цвета известной палитры. Края были обрамлены солнечным светом, который преломлялся в самых причудливых формах и цветах. Еще секунду назад заката было два - один над океаном, а другой – на верхней кромке черной дыры, и вот – уже кислотно-салатовые лучи покрывают "крышу" доселе неизвестного явления, которое так и останется без имени. Оно восставало из-за горизонта, как древнее божество, чуждое и живое, пусть и бесформенное.

- Как красиво! - воскликнула моя любимая.
Она была права. Зрелище просто потрясающее.
Стоило ли право созерцания смертельной красоты всего, что произошло раньше или
чему еще было предначертано произойти?
Определенно нет.
Но отбросив эгоизм можно было сказать, что это стоило всего остального...

07.2014

ГОРОД МЕРТВЕЦОВ

Шел дождь.

Когда я выглянул из окна, мой взгляд встретила лишь не воодушевляющая картина полупустых улиц, переулков и мигающих вывесок. Город заскучал, подготавливаясь к ночной жизни; маленькая профилактика под серыми тучами.

В моей комнате одно окно, что открывает вид на шумный перекресток. Шумный настолько, что мне пришлось усилить изоляцию, иначе круглосуточный гогот машин за окном уже свел бы меня с ума. Но сегодня тишина была подобна музыке, которая толкает в прошлое, погружает в воспоминания о детском доме, о той тишине, которая окружала меня, убаюкивала любящими руками.

И странное чувство, словно выпьешь несколько чашек кофе подряд, толкало меня прочь из стен. Одновременно и дрожь и озноб, мысли рвутся наружу, не находя себе места в черепной коробке, в квартире, зовут в места, где раньше не приходилось бывать.

Я закрыл ноутбук и нехотя натянул куртку. Для меня, с моим образом жизни, такие прогулки — погружение в ледяную воду прямо из постели ранним утром. Или удар мешком по голове.

Одним слово — ничего хорошего.

После короткой прогулки по прокуренной лестнице, которая приветствовала своими уродливыми рисунками на стенах, я мгновенно попал в некое подобие свежего воздуха. Однако, стоило лишь летней дождливой прохлады прикоснуться к моим легким, я сразу прибавил оптимизма — прогулка манила, обещала быть спокойной и приятной, и это несколько обескураживало мою социофобию.

Перед моими глазами появилась черная лента пешей процессии. Возглавлял ее белый микроавтобус с занавешенными окнами. Черная ткань подсказала мне, куда направляется эта процессия.

Кладбище неподалеку было причиной низких цен на квартиры. Мало кому хотелось жить именно в том районе, где старое кладбище было подобно ожогу на теле города, омертвевшая кожа, что постоянно болит и воняет. Никто не предвидел, как мегаполис поглотит все вокруг себя, расширится настолько, и кладбище на отшибе станет частью инфраструктуры.

Я же, если и выходил на прогулки раньше, то часто прогуливался вдоль старого каменного забора, ограждавшего меня от мира мертвых. Бывал я и внутри, наблюдая за одинокими фигурами, сгорбленными над старыми камнями, хранящими подле себя останки некогда любимых и живых. Эти фигуры и сами походили на призраков — тихие, бесшумные. Лишь лица, расчерченные слезами, выдавали в редких посетителях жизнь.

Я шел за процессией, повинуюсь странному чувству, которое подсказывало мне идти на кладбище, нашептывало странные мысли, которые мелькали перед глазами неуловимыми лицами.

Дождь все усиливался, граница зрения искажалась, а где-то вдали бушевал порывистый и волнистый ветер. Теперь уже каменные стены оставались единственным спасением.

Приютом для живых.

Здравый смысл говорил повернуть назад, но что это было — любопытство или гипноз, я не знал, безвольно ступая за черной толпой.

Стоило пройти сквозь ворота, как природа поникла, успокоилась. Казалось, что мы все вошли в иной мир, со своими правилами и законами.

На несколько минут я отстал от похоронной процессии. Оглянувшись, я понял, что нахожусь в доселе неизвестном мне крыле, казалось бы маленького, кладбища. Вокруг стояли склепы, многие могилы были без подписей, ограды очерчивали целые группы из

белых крестов. Похоже, вокруг были семейные захоронения, из тех, что уже зарезервированы под каждого потомка вплоть до правнуков. Как странно, а ведь кто-то жил, уже зная, что когда-то он будет лежать мертвым именно в этом месте, подле своих родных, которых он, может быть, и не знал вовсе. И так человек и жил, осознавая свой срок, каждый раз то прибавляя, то отнимая годы собственной жизни, повинуюсь состоянию своего самочувствия.

Вдруг я услышал плач где-то позади. Оглянувшись, я понял, что процессия дошла до места назначения, и решил двигаться в сторону шума. Дождь заставлял петлять, искажал слух, но сквозь частокोल крестов, я сумел разглядеть толпу в черном. Фургон оставили на дороге, от которой нужно было идти около пятисот метров по грязи, что хлюпала под ногами, вязла на обуви и вообще всячески мешала продвижению. Мне сложно было представить, как несколько человек, с трудом, шли по мягкой земле, держа на плечах огромный дубовый гроб.

Осторожно ступая по траве, пустившись в обход грязного месива под ногами, я приближался. Впереди, на небольшом возвышении, в окружении железной резной ограды, собрались все родственники и знакомые усопшего.

Рядом с мрачным проемом в земле стоял открытый гроб, в котором лежал мужчина лет пятидесяти с отвратительным шрамом в правой части лба, который был ничем иным, как заретушированным проломом черепа. От такого вида меня чуть не стошнило под ноги, но отвернувшись и набив легкие воздухом, я заставил организм справиться с нахлынувшим чувством.

Рядом с гробом рыдала женщина. Сложно было сказать, какого она была возраста, ведь в своем горе она была куда старше. Слезы ее смешивались с каплями дождя, они превращали лицо в маску страдания, которую она поднимала вверх, обращая впалые глазницы куда-то туда, возможно к богу...

Что я чувствовал в тот момент? Мои легкие стали чертовски малы, и я безуспешно хватал воздух короткими глотками, выпуская через нос. Голова кружилась, становилось невыносимо жарко.

Я расстегнул свою кожаную куртку и почувствовал, как наружу вырвался жар тела. Стало немного легче, но моя зеленая футболка совсем не вязалась с дорогими черно-белыми костюмами всех стоявших рядом мужчин. Встав немного поодаль, я отдышался и застегнул «молнию».

Невольно я начал обращать внимание на лица присутствующих. Если не считать близких и родных, чьи глаза были полны слез, большинство смотрели только на женщину у гроба, «мать» всего представления. Не знаю, почудилось ли мне, но некоторые даже изображали гримасу отвращения, когда она споткнулась и упала коленями прямо в жидкую грязь, которая брызгала от ее попыток выбраться, прямо на ботинки окружающих.

И тут я увидел легкую поступь ранее незамеченного силуэта. Из глубины кладбищенских дебрей в нашу сторону приближалась тонкая девичья фигура, облаченная в темно-синий, почти черный дождевик. Из-под него ступали тонкие ноги, затянутые в черные джинсы и черные же ботинки осеннего кроя.

Кажется она точно так же, как и я, стала случайным свидетелем происходящего, и не смогла удержаться от участия. Но что заставило ее подойти ближе? Ведь на лице, хоть я видел лишь нижнюю его половину под капюшоном, мелькнула спокойная тонкая улыбка, будто эта девушка лишь прогуливалась вдоль этих мрачных картин.

Она подошла к самой дальней от меня части процессии.

Я же находился в самой толпе, хоть и не совсем понимал, как меня обступили все эти люди. Справа всхлипывал толстый мужчина без пальто, лишь в костюме-тройке с широким зонтом, что охватывал трех, а то и четырех человек рядом.

Только когда я решил выйти из окружения, я осознал, насколько сильно я не принадлежал к этой компании. Аккуратно следуя к выходу, проскальзывая между людьми, я видел их недоуменные, а порой и яростные взгляды в свою сторону. Их мир отторгал меня, кто-то шикал и ругался себе под нос, заставляя сгорать со стыда. Я уже жалел, что вообще вышел сегодня из дома, но мне так хотелось увидеть тот силуэт еще раз, поближе, может даже прикоснуться к ней. Что-то в ней влекло меня, возможно, то самое призрачное чувство, которое заставило броситься в объятия дождя, достигшего в тот момент своего пика и заливавшего все вокруг с утроенной силой. Ветра не было, лишь вода бушевала над нашими головами. Я промок до нитки, но теперь уже нечего было терять.

Медленно, делая не больше шага в секунду, брел я вдоль мрачной стены из людей, за которой плач усиливался, вероятно, гроб уже начали погружать в лоно земли. Каждая спина была похожа на предыдущую, я искал тот синий дождевик с капюшоном, лицо под которым уже представало в моих мыслях в самых разных вариациях. Ее губы были тонки, а подбородок поражал своей утонченной остротой. Я уже представил, что ее лицо было по-детски худым, с большими глазами, цвета которых я еще не видел, но уже ожидал, что они будут прекрасны.

И я увидел ее! Она стояла в самом конце, немного отстранившись, и смотрела в мою сторону! Из-под капюшона на меня смотрели большие глаза, полные спокойствия, но также и грустные, и насмешливые одновременно. Я никогда раньше не видел таких глаз, с таким объемом эмоций, которому могла позавидовать самая богатая палитра художника. Одновременно с этим, мне казалось, что она также плакала вместе с остальными; в усталости ее глаз виднелось и раздраженное покраснение.

Я подошел ближе, понятия не имея, как стоит завести разговор.

- Привет, - прошептал я.

- Привет, - аккуратно улыбнувшись, ответила мне незнакомка.

Голос был тихим и спокойным, он не дрожал и содержал в себе приятные нотки уверенности, а это показалось мне редкостью, хотя мои познания в женщинах были близки к нулю. Ее взгляд неуверенно скользил по моему лицу, будто она пыталась вспомнить, виделись ли мы раньше.

- Что ты здесь делаешь? Мне кажется, такой девушке, как ты, не стоит быть в таком месте в это время.

- Такой девушке, как я? - после этих слов, она прикрыла рот рукой и хихикнула.

Мою спину пронзил озноб. Я обернулся и увидел, как несколько человек обратили в мою сторону уже знакомую гримасу презрения. От жара я почувствовал, как капли испаряются, не успевая долететь до меня и пары сантиметров.

- Прости, я не это имел в виду...

- Ничего. Я поняла. Тебе непривычно видеть кого-то, похожего на себя. Я права?

- Знаешь, я не совсем понимаю, о чем ты.

Она прикоснулась ко мне щекой, и ее губы скользнули по моему уху. Она была так близко, что я чувствовал ритм и жар ее дыхания, мне хотелось притянуть ее к себе, почувствовать своим телом биение ее сердца, но страх сковал меня. Глупый детский страх оказаться отвергнутым, стеснение и неуверенность учащали пульс. Ее голос ласкал слух и возбуждал мои мысли.

- Неужели ты сам не знаешь, зачем пришел сюда? Последовал за незнакомыми тебе людьми, заранее зная, что кого-то постигло великое горе, - в ее голосе слышалась улыбка, и это смущало меня, но и интриговало, ведь ее нежная сущность обнажила коготки... О, как они царапали меня, ласкали и изводили!

Она стояла спиной к месту действия.

- Всмотрись в эти лица. Не думаешь ли ты, что присутствующие люди сильно от тебя отличаются? Они такие же, как и ты, глупый дурачок, пришли сюда только для того, чтобы посмотреть на кого-то, кому сейчас гораздо хуже, чем им самим. О, это ведь так

важно, понять, что твои проблемы ничто, просто пустышка. Осознавая это, они чувствуют себя на вершине мира, ведь это так потрясающе приятно, когда другой втоптан в грязь, в прямом смысле.

Я слушал и видел отражение ее слов на лицах окружающих плачущую леди людей. Женщины разделились роскошно, лишь соблюдая траурные цвета, нарядились, а мужчины приоделись и все, как на подбор, были подстрижены и выбриты. Я вполне допускал, что одна из местных леди примерила сегодня новый комплект эротического белья.

Гробовщики начали опускать покойника в последний путь. Плакальщица хваталась ногтями в деревянную обивку, ее руки судорожно тряслись, вызывая очередную волну отвращения на лицах некоторых людей. Несколько мужчин подались вперед и взяли ее за плечи, чтобы аккуратно, если это вообще было возможно, оттащить от гроба. Это так было похоже на появление некой черной силы, что возвращала жену покойного в мир живых. Я не сомневаюсь, что, если бы никого рядом не было, то гробовщикам пришлось бы закапывать два тела в черный проем.

Когда гроб опустили в землю, он сразу же вытолкнул воду, которая успела наполнить свежую могилу, и стал похож на плот, на котором некоторые народы отправляли усопших после смерти. Один из гробовщиков сказал, что надо поторапливаться, иначе они не смогут закончить, пока не вычерпают всю воду.

Все по очереди начали подходить к проему и, наклоняясь один за другим, роняли внутрь горсть земли. Это представление больше походило на плохо поставленную пьесу.

Кто-то переигрывал, рыдая во весь голос, так неестественно, что резало слух. Один мужчина наклонился и, покачнувшись, толкнул человека впереди себя, буквально чуть не обрушив все вокруг. Люди подходили и подходили, пачкались и незаметно корча лица, будто кто-то заставлял их делать это.

Моя спутница проплыла вдоль всех силуэтов, неслышно, как дыхание ветра, и не прикасаясь к другим людям, и, осторожно припав на одно колено, взяла немного земли с края могилы, чтобы не сильно пачкать руки. Когда она посмотрела вниз несколько секунд, ее пальцы разжались и ее горсть, вместе с несколькими слезинками, стала последней перед тем, как на гроб обрушилась темнота.

Когда она поднялась, она подошла сзади к жене покойного и, опустив чистую ладонь на ее плечо, наклонилась к ее щеке. Казалось, что женщина не осознает происходящего и вовсе не чувствует прикосновения, но ее взгляд полностью переменялся, когда моя незнакомка прошептала несколько слов и поцеловала несчастную в щеку. Та даже не обернулась, словно не хотела увидеть того, кто остался равнодушен к ее горю, она так и осталась стоять, глядя на гору земли вперемешку с грязью и водой, что обрушивалась в черную дыру.

Девушка уходила прочь, даже не попрощавшись со мною взглядом.

Я шел за ней до выхода. Не стараясь приглушить шаги, или другими способами затаиться в слежке. Просто шел, как замороженный, представляя, как же выглядит этот ангел без своего дождевика, каждую линию изгиба ее фигуры рисовало мое больное воображение. Даже осознавая, насколько мерзок я был в тот момент, все равно ничего не мог поделать с собственными мыслями. Они скользили и извивались, подобно муренам в холодной воде, но неизбежно жалили прямо в мозг. Я хотел, я звал всем своим взглядом, только бы она остановилась и посмотрела на меня. Своими большими глазами и тонкой улыбкой заставила меня почувствовать жажду, физическую потребность в прикосновении.

И, будто повинуюсь моим фантазиям, она замедлила шаг. Я не знал, что хочу сказать ей, но уже чувствовал, как за штурвал садится кто-то другой. Фразы, уверенные, местами и вовсе наглые, совсем не присущие обычному мне, бушевали в голове.

- Постой! - окликнул я ее. Она окончательно остановилась.

Я подошел и взглянул в ее лицо, желая напитаться той красоты, что звала меня. Но вместо спокойствия и нежности, тех черт, что застыли в кратковременной памяти, я наткнулся на надменную ярость, да так неожиданно, что я отшатнулся.

- Что такое? - она склонила голову в насмешке, не переставая смотреть на меня. Она скинула капюшон, обнажив, словно оружие, длинные черные волосы. Ее лицо стало резким и острым в обрамлении черных волн. Глаза стали темными с алым блеском в глубине. Улыбка обнажила зубы. - Неужели ты больше не хочешь меня? Милую девочку-привидение, что встретила тебе там, на кладбище.

- Что... что случилось? - только и пробормотал я, почувствовав, как улетучилась вся уверенность.

- Случилось то, что ты вовсе не отличаешься от окружающих. Глупый, жалкий и неуверенный в себе, ты думал, что проводишь меня до дома, пригласишь пару раз в какую-нибудь забегаловку и уже можно размышлять о совместном будущем?

Но произошло неожиданное. Я вспомнил те эпизоды своей жизни, что где-то глубоко между памятью и забвением, пытались скрыться во мраке. Те воспоминания, которые пугали меня по ночам, вызывая призраки во сне. И я понял, что не могу позволить ей уйти так просто.

Мне хотелось сжать ее плечи изо всех сил, чтобы ее лицо исказилось гримасой боли и страха, хотелось ударить ее, чтобы уже теперь настоящие слезы брызнули из ее глаз. Хотелось кричать ей в лицо гадости, но чтобы она не уходила.

Я схватил ее за руку, но не сильно и, сжав до боли вторую руку, сказал без дрожи в голосе, глядя прямо в глаза:

- Мне ничего от тебя не надо. И если ты была настолько глупа, что увидела во мне одного из них, то мне очень жаль. Но я не хочу чтобы ты думала, будто для меня не важна эта встреча. Ведь я пришел не за ними следом, а за тобой. Я шел на зов, и нашел тебя.

Отстранившись, я еще раз увидел ту растерянную девушку, что заморозила меня. Она смотрела на меня так, что я понимал — мой блеф сработал. Но для завершения представления, мне нужно было исчезнуть, что я и сделал. Я ушел, не оглядываясь, и, для нее, растаял в тумане. Может, мне почудилось, но ушей прикоснулся ее голос издали: «В другой раз»...

Дождь прекратился только тогда, когда, обернувшись, я уже не увидел черного силуэта.

1.

Я не могу спать. Все думаю о том, что произошло сегодня на кладбище. Я балансирую между двумя правдами, и, время от времени, выбираю, в какую сторону обрушить свои мысли.

Ведь я испортил все, что только можно было испортить. И теперь мне ни за что не найти ее снова. Она ушла, растаяв за моей спиной, а я даже не посмотрел, как она уходила. И теперь я снова обречен на одиночество.

Но нет, ведь я все же почувствовал что-то, когда сказал ей нечто такое, что зацепило ее. И теперь я не могу вспомнить ни слов, ни эмоций, что захватили меня в тот момент.

Знаю лишь, что я вспоминал нечто такое...

Я родился в индустриальном поселке, что так активно развивались с середины века, разворачивая щупальца цивилизации вглубь страны и, как это обычно бывает, уничтожая природу во все больших масштабах.

За окном я всегда наблюдал лишь унылый пейзаж сероватых оттенков, который представлялся мне кускам плотной ткани, что используется для пошива пиджаков для повседневной жизни — что-то такое, что не должно легко рваться и сильно пачкаться — роба современного жителя. И невидимая игла вышивала на этой ткани все новые и новые стежки цивилизации. Длинные — это полосы панельных домов, которые воздвигались и оказывались заселенными так быстро, что не оставалось ни единого сомнения в том, что их просто устанавливают на землю вместо деревьев, и к этому моменту они уже заполнены многочисленными семьями рабочих, военных и представителей обслуживающего персонала. Короткие стежки — это затянутые в узлы нити, ставшие колоннами фабрик, изрыгающих черную копоть, что окрашивает небо моментально и бесповоротно, как лупа выжигает на деревяшке угольные узоры в солнечный день.

И день за днем не прекращался шум — лязг стальных машин, которые будто никогда не останавливали свои безумные соревнования, бесконечное дерби.

Иногда я брал кусочки ваты, затыкал ими свои ушные раковины и превращался в глухого мальчика. Даже повадки, частично, становились такими же. Я ходил по квартире, располагавшуюся на четвертом этаже, всматриваясь в окна, выглядывая на лестничную площадку и не слышал ровным счетом ничего — ни лая собак, распространявшемся по лестничной клетке так быстро и так сильно, что даже взрослый человек мог смело наложить в штаны и это не казалось бы зазорным, ни шума стальных монстров за окном, которое никак не скрывало и не делало шум тише, лишь своим дребезжанием и вибрацией создавая его физическое присутствие. Ни-че-го.

Мое пребывание в собственном островке спокойствия совсем не радовало мою мать. Она отличалась умением превращать самые затвердевшие куски говядины в потрясающие супы — и это позволяло ей смотреть любимые ТВ-шоу практически не отвлекаясь на готовку. Пока темные клочки, когда-то бывшие частями коров, отваривались на кухне, заполняя ее сизым и глубоким, похожим на холодец, паром, она откидывалась в кресле с поистине кошачьей улыбкой, а я же плавал в собственном бассейне из идеальной тишины. Бывало, я стоял на кухне, погружаясь в свои мысли, смотрел, как пенная жидкость вылезает из-под крышки, отталкивает ее, будто прутья клетки. Она обрушивалась на газовый огонек под кастрюлей, корчилась, закипала - и все в полной тишине. Потом прибежала моя мать и начинала хлопотать с полотенцем в руках, в ее губах я читал крики раздраженного удивления о том, как же я не мог сделать напор газа немного меньше, о том, что теперь отец устроит ей взбучку, если она не приведет все в порядок. И моим наказанием был момент, в который она вырывала замки моего мира из ушей и высвобождая шквал шумов, криков, шипения

влаги на конфорке, лая собак за стеной и на лестнице, стальных какофоний за окном, весь это хаос хлещет меня по ушам, вызывая сильнейшую боль. После этого я, как в тумане, пробирался в свою комнату, и падал практически без сознания, в пустоту без сновидений.

И лишь ночью я мог чувствовать себя спокойно. Мои дневные фантазии воплощались в кромешной тьме, что забирала меня в свои мрачные стены, где неверные тени искажают формы и звуки. Абсолютная темнота и сумеречная тень - две составляющие единого целого - ночи.

Я просыпался и ощущал себя полностью выспавшимся, и часы, проведенные у окна в созерцании ночных путешествий собственного разума, лишь шли на пользу. Это был мой мир, к которому я стремился в течение дня всем телом, всей душой.

Едва слышно я распахивал окно, впуская в комнату бесшумную свежесть черного цвета, которая быстро заполняла собой бетонную коробку моей комнаты. Даже лежа под одеялом, я чувствовал легкое дуновение, пытающееся проникнуть ко мне в объятия, жаждущее моей любви, которую я не скрывал, отдавал ее сполна. Я знал, что этот ветер, эта освежающая прохлада — это моя и только моя ночь.

Иногда меня посещали мысли о полете — стоит шагнуть — и ты воспаришь в этом вакууме из ночной тишины. Темнота твоя, она ни за что не предаст, не отпустит вниз, не разобьет о землю. И каждый раз я останавливал себя. Перед глазами очень отчетливо вставала картина, как я, расправив руки в стороны, но не для того, чтобы ощутить себя птицей, а лишь для ощущения нежности восходящих потоков, что обнимают тебя в ночном воздухе, падал вниз, закрыв глаза в предвкушении бесконечности... И ничего.

Видение каждый раз заканчивалось созерцанием моего тела на асфальте.

В ту пору мне было пять лет.

Отец мой работал на заводе столько, сколько я его помнил. Он из кожи вон лез, чтобы заработать лишние деньги для семьи, не щадя ни себя, ни своего свободного времени, ни своего здоровья. Иногда он не жалел и меня с матерью.

Когда я учился в первом классе начальной школы, произошло ужасное событие. Один из учеников, наш одноклассник, попал под грузовик. Он умер в тот же час в машине скорой помощи, не приходя в сознание.

Учеба была прекращена, вся школа была подавлена. Все знали этого мальчугана, веселого и подвижного - настоящий супергерой-подросток для всех ровесников.

Когда я стоял у гроба, еще до того, как его повезли на кладбище - я не знал, что мне нужно чувствовать. Меня обуяли страхи неизвестного, маленький шажок для меня, но гораздо больший прыжок для... чего? Эмоции становились непонятны, как если бы это были ощущения абсолютно другого человека — отчасти им был тот я, которым было суждено стать в будущем, но возможно — это была та моя часть, что погибла вместе с этим мальчишкой.

Слезы пытались свернуться в глазах, но они застыли раньше и быстрее - как неизвестное заболевание слезных желез, неспособных к выполнению своей задачи. Но я все равно чувствовал соленую влажность. Она была в груди. С каменным лицом я глотал слезы вглубь своей головы, проливал их на легкие, на сердце, лил живительный эликсир на свое каменное естество.

А в момент, когда я уже готов был разрыдаться - произошло неожиданное. Даже для самого себя, несмотря на всю фантазию, я не мог представить исхода хуже.

Вместо всхлипов и завывания я случайно рассмеялся...

Неожиданно и нелепо лишь маленький смешок вылез из моей груди предательским червем, упав на мой рот, лишенный улыбки, и тут же скрылся обратно.

Когда все присутствующие вокруг обернулись, я испытал не просто приступ страха — это была самая настоящая паника. "Беги", - кричал мой инстинкт самосохранения,

подсказывая единственный возможный выход. Но вместо этого я лишь заплакал, обняв талию матери, стоявшей рядом. Я не видел ее лица, но в тот момент я молился, чтобы на нем не было той же искаженной гримасы ненависти, что обступила меня со всех сторон в лицах учителей школы, родителей моих одноклассников и самих учеников. Лишь мать погибшего не отвлеклась на минутное отступление - она продолжала рыдать у гроба.

В этот вечер отец в первый раз избил меня по-настоящему. Я плакал изо всех сил, пытаюсь остановить это. Не акт воспитания, не порка за провинность — он несколько раз ударил меня ладонью по лицу, что-то крича, но я не слышал его, как и собственных криков. В моей голове лишь гудела спасительная темнота, пришедшая на помощь в столь необходимый момент. Звон в ушах лишь содрогался от ударов, но не разрывался, не позволял спасительному кокону из пустоты разомкнуться. Ведь кричал не тот «я», которого окружающие все считали настоящим; в плаче и слезах разрывался другой мальчик, которому суждено умереть с моим взрослением; он так и не займет достаточного количества сил, чтобы идти дальше по этой жизни.

Сейчас я расскажу, как он погиб. Его убили.

2.

Мне исполнилось четырнадцать и, словно это было нечто уму непостижимое, мама решила порадовать меня особенным подарком, нематериальным, который должен был означать мое постепенное продвижение к взрослению, прохождение очередной ступени жизни. О, дьявол, как она оказалась права!

Этим подарком стала путевка в один из летних лагерей, в которых должны были отдыхать дети со всей страны, но популярны они стали только среди «таких как мы». Говоря эту фразу, я имею в виду тех детей, которые, как и я, и мои сверстники, выросли в провинциальных городах, «городах-заводах», как их стали величать позже.

Моей радости не было предела, ведь также явно, как и моя мать, я ощущал приближение чего-то большего, с чем нынешний я, несомненно, должен считаться, чего-то, что должно было снести меня своей силой, как морской волной и выбросить на берег уже совершенно другим. Мальчиком, ставшим старше.

Сборы были короткими, подарок был преподнесен за несколько дней до отъезда, меньше недели. Ехать предстояло: сперва на городском автобусе до ближайшего вокзала, а после соединения с группой таких же счастливиц, сопровождаемых небольшой стаей «взрослых», нас ждал путь на поезде в самое сердце страны, в могучие леса, оккупировавшие своими заповедными деревьями малые поселения и лагеря.

Мой рюкзак был собран практически в тот же день, как только я получил долгожданный билет, я очень серьезно подошел к сборам, вследствие чего мне до отъезда пришлось проходить чуть ли не в одном комплекте белья, потому что все необходимое для жизни уже дожидалось меня у выхода.

Я не уверен, что отца интересовала моя поездка, но, тем не менее, он тоже поздравил меня с днем рождения, подарив потрясающий набор редких горных пород, разложенных в маленькие коробочки в длинном футляре со стеклянным верхом. Это было так здорово, что я даже не стал открывать футляр, не доставал камни наружу, боясь, как бы они не превратились в пыль от соприкосновения с недостаточно чистым и свежим воздухом.

Я брал этот почти метровый в длину ящик в руки и, наклоняя его под разными углами, невзирая на немалый вес, смотрел, как редкие солнечные лучи, с трудом продирающиеся сквозь серый смог, окутывавший наше небо, играют на гранях этих чудных камней. Зеленый малахит, слюда, гранит — даже радуга не могла похвастаться такими цветами; и это было мое сокровище, дороже любых драгоценных камней и золота.

Мать проводила меня до вокзала и передала в руки сопровождающих без видимой тоски, хотя и прослезилась перед моим окончательным отъездом. По всей видимости, ее мысли были заняты совсем другим.

Стал бы я уезжать тогда, если бы знал, что больше ее не увижу? Это сложный вопрос, требующий погружения во все мои внутренние состояния на протяжении жизни, ведь сейчас я, не задумываясь, ответил бы: «Да». Ведь эта поездка открыла мне ту темную сторону моей души, которая всегда старалась скрыться не только от посторонних взглядов, но и от моих собственных мыслей и ощущений.

Поезд представился мне самым страшным событием моей тогдашней памяти. Шумы душили меня, угнетали своим количеством и навязчивостью, и если бы не толика гордости, привитая мне отцом, то, скорее всего, я не удержал бы свой организм в узде и, или начал ныть о возвращении домой, или меня бы стало тошнить от одного только вида гогочущей толпы и спящих повсюду детей помладше.

Но и сверстники мои ничем особым от них не отличались. Они не отставали от малышей по громкости криков, даже несмотря на чуть более податливую натуру, которая могла позволить старшим ребятам и «взрослым» усмирить их, некоторые таскали сигареты у проводников и других пассажиров, кто-то бегал в туалет каждые несколько минут.

Во всем этом хаосе я видел себя песчинкой, неспособной повлиять на происходящее, которую влекло этим же безумным ветром.

Именно поэтому путь для меня стал одним лишь ночным кошмаром — я взял свои затычки для ушей и, поменявшись с пареньком помладше местами, залез на верхнюю полку, где и погрузился в сон.

Сном это, конечно, было назвать трудно, потому что сновидения упрямо отказывались идти ко мне, как я не умолял свою любимую темноту, заменяя себя лишь постоянными подъемами от особо пронзительных криков или от чередующихся остановок состава. За шестнадцать часов дороги я ни разу не встал со своего места, даже чтобы сходить в туалет или просто передохнуть на свежем воздухе долгих остановок.

Что мне рассказать об отдыхе в лагере? Пожалуй, самое главное — это то, что он оказался совсем не таким, каким я его себе представлял.

Да, я неплохо ужился с коллективом, который, к слову, был одним из лучших во всем лагере, я играл с ними в спортивные игры, не жаловался, когда к товарищам приезжали родители, в отличие от многих других ребят и девочек, которые закатывали прямо нестерпимые истерики, где я мог понять лишь обрывки фраз. Но они всегда были об одном — эти дети считали себя эдакими «Робинзонами», оставленными на произвол судьбы с довольно-таки неплохой жратвой и компанией.

Но я могу рассказать кое-что другое, в моем мозгу относящееся не столько к самому отдыху, ведь такая история могла случиться со мной практически где угодно. Но ей было суждено случиться именно там, в лесу, неподалеку от берега лесного озера, настолько маленького, что его можно было проплыть вдоль и поперек меньше, чем за полчаса.

Я расскажу о своей первой любви.

Большинство воспоминаний вытягиваются из памяти с трудом, будто рыба в сети, бьющаяся на волю, в десятки раз утяжеленная кораллами, грязью и мусором.

Но те два дня я помню так, как если бы только сегодня пришел я юным и счастливым из побега.

И вот стою я на пороге маленького дома, в котором проживал наш отряд, стою без футболки, грязный, спину щиплет каждым дуновением ветра, но все настолько не имеет значения. Я все еще вижу перед глазами ту единственную, кого про себя я называл девушкой, ибо девочкой она просто не могла быть.

Я не знаю, сколько ей было лет, потому что не спрашивал. Действительно, зачем интересоваться столь неважными подробностями, если мысли заняты другим, а дыхание сорвано незнакомыми ощущениями, которые расцветают, раскидывая ветви и погружаясь глубже и глубже.

В то воскресное утро лагерь отдыхал от криков, занятий и прочей общественной деятельности. Лучшее время моего отдыха приходилось именно на такие часы, когда все крикуны встречают своих заботливых родителей, которые не могут оставить ребенка одного больше чем на неделю, не обращая внимания на долгую дорогу до лагеря и обратно.

Я сидел на скамейке в небольшом отдалении от Основного Тракта — дороги от наших «поселений» до столовой, так мы его называли; вместе со своим товарищем (черт, даже

не помню, как же его звали) и показывал ему, в который раз, свою коллекцию сокровищ.

Обычно, где бы я ни появился со своей «шкатулкой», я тут же становился центром внимания ребятни самых разных возрастов. Не скажу, что мне это очень нравилось, но я постепенно начал привыкать к такому порядку дел, и принимал его как должное. Внимание и умы всех мальчишек и девчонок поблизости сразу были заняты моими рассказами об этих породах и камнях, которые я почерпнул из брошюры, что прилагалась к коллекции. И это было похоже на театр одного актера, и где бы я ни находился, я всегда чувствовал себя как на сцене, и это было очень странно.

Но в этот раз мой товарищ и слышать ничего не хотел о камнях — он все продолжал ныть о том, что родители нарушили обещание, не приехали за ним в это воскресенье, но, скажу честно, это очень сильно начало меня раздражать, ведь как же так — я тут сижу, показываю свою коллекцию, а «этот» даже краем глаза на нее не взглянет, все талдычит и талдычит о своих родителях, об их приезде.

Если бы не Она, то, возможно, я не смог бы удержаться и вlepил ему затрещину. Что-то заставило меня отвернуть взгляд от нытика-соседа и посмотреть в сторону Тракта. Там шла девочка примерно моего возраста (во всяком случае, так мне показалось издали). Если бы на ней было платье, то можно было бы смело сказать, что она проплывала по дороге, потому что такой легкой поступи я не видел никогда до тех пор. Будто едва касаясь земли, из стороны в сторону, гоняя какую-то банку носком кроссовка, приближалась она в нашу сторону.

И в тот момент я снова почувствовал себя на сцене, но что-то заставило мои мысли представить ее вторым актером, и совместная роль должна отыгаться именно сейчас. Я окликнул ее. Неуверенно, издав звук, вблизи похожий на резкий выдох, я также поднял руку вверх и приветственно помахал ею. Забавным могло быть то, что на лице моем вовсе не было приветственной улыбки — я чувствовал, что краснею, забываю слова и теряюсь в происходящем. Только потом я узнал, что именно так меня и разыграло в первый раз мое предчувствие. Без предупреждения и тренировки бросило оно меня в главное сражение моего кончающегося детства.

- Привет, разве мы знакомы? - дружелюбно спросила она, когда подошла ближе.

Я не знал, что можно было ответить в подобной ситуации, я лишь старался смотреть ей в лицо, в ее аккуратное личико, которое было словно написано тонкой кистью и казалось эталоном женственности.

Она была старше — это было видно не только по лицу и росту, от моего бесстыжого взгляда не укрылось и то, что могло быть под ее одеждой — плавные округлости бедер в тугих джинсовых шортах, стройные ноги и едва заметная линия груди под плотной ветровкой. Мое дыхание замерло, а лицо загорелось, как торфяники в лесу.

Как ни странно, но мой товарищ слепо не обращал на нас внимания, все жаловался в никуда о своей несчастной судьбе, только что слез стало поменьше. От происходящего мне стало еще постыднее.

- П-привет... Подумал, вдруг ты составишь мне компанию?

- О, это очень мило с твоей стороны. А что у тебя здесь? - показала она на мою коллекцию.

- А, это... Да так, ничего, всего лишь коллекция камней.

Это было так удивительно и необычно — да я говорю про свое поведение в тот момент.

Я хочу, чтобы меня поняли, перед тем как расскажу, чем закончилась та история.

Несмотря на то, что рос я спокойным, порой даже чересчур, ребенком, мое поведение в обществе очень часто походило на взрыв бомбы в самом центре каких-либо событий. Дома спокойный и безмятежный, в школе и на прогулках я превращался в беса и мог кричать, драться и вести себя как совершенно другой человек. Несколько раз меня отводили к мозгоправу, чтобы он ответил моей ненаглядной матушке, что происходит с

ее единственным ребенком. Но тот отвечал (в силу своей некомпетентности, скорее всего, ведь речь идет о маленьком индустриальном городке), что «с мальчиком все в порядке, просто сейчас идет пора взросления, гормоны...» и прочее, и прочее... Отец никогда не обращал на это внимания, видимо, думая, что это все вполне нормально и вообще даже замечательно, что мальчик приходит раз в неделю как минимум с разбитым носом — будет или спортсмен, или человек, который хотя бы постоять за себя сумеет. Это-то меня раздражало до глубины души, хотя понимание пришло куда позже излагаемых событий. А на то время я был заложником собственных амбиций и желаний некоего тесного контакта, который бы смог вырвать мои мысли из этого разрушительного мира.

И вот, я стоял перед ней, боясь даже на секунду пошевелиться, чувствовал, как все сильнее бьется мое маленькое сердце, с каждым ударом разгоняя кровь все быстрее, набирает обороты и увеличивается в размерах.

Такой взрывоопасный... оказался повергнут всего лишь одним видом незнакомой девчонки. Зато, какой девчонкой она была!

Она мне действительно приглянулась. Виной тому было либо неосознанное влечение, либо подсознательная страсть к противоположному полу, которая, в силу возраста, все активней начинала требовать свое.

Удивительно было то, что огонь внутри меня затеплился тогда в первый раз, ибо я никак не могу сейчас припомнить ни одного похожего ощущения ранее, хотя свою жизнь в такие яркие моменты я вижу достаточно отчетливо.

- Э-эй! Ты что, уснул что-ли? - улыбнулась девчонка, пощелкивая пальцами перед моим лицом.

Как-то по-глупому восторженувшись, я уставился на нее, изобразив на лице самую спокойную улыбку, на которую оказался способен.

- Прости, просто ты... такая красивая... Ой! Что это я такое... Нет в смысле ты действительно...

Пока она смеялась, я уже начал жалеть о том, что вообще окликнул ее. И, как ни странно, это начало помогать — постепенно ощутил я некое подобие злости, эдакого «праведного гнева», который сумел прогнать колдовской морок из головы.

- Смеешься, значит? - надулся я, словно сам был девчонкой, и начал собираться, чтобы поскорее уйти прочь.

- Прости, не хотела тебя обидеть. Но, если это тебе поможет, то скажу, что мне тоже довольно неловко. Я даже чуть не споткнулась, когда ты окликнул меня.

Мы посмотрели друг на друга и улыбки связали нас на какое-то мгновение, когда я молча смотрел то на ее глаза, то на губы, такие аккуратные, по-девчоночьи милые и невинные.

Спустя час мы уже были за оградой лагеря.

Я даже не могу припомнить, как произошел наш побег, будто это все было частью потрясающего волшебства, или как телепортация из книг, которые я так любил читать дома ночами.

Мы брели по вечернему редкому лесу, который тонул в алеющих лучах солнца, стремящегося поскорее лечь на боковую. Как назло, этот день пролетал быстрее любой птицы, и очень больно жалили мысли о последствиях, которые не заставят себя ждать по возвращению.

И эти два ощущения сплетались в комок, где-то в районе горла, чуть ниже, заставляя меня чаще дышать и холодеть от озноба, несмотря на сохраняющуюся пока еще жару.

Мы все продолжали болтать ни о чем, как хорошие друзья, меняя темы часто и бестолково, порой даже не договорив ни о чем до конца. Это было потрясающе — я смело мог назвать эту милую девочку своей первой любовью.

Неведомая дорога сквозь разрозненные колонны тощих деревьев привела нас к маленькому озеру, настолько маленькому, что построй вокруг него купол — и вышел бы обычный общественный бассейн неправильной формы.

Но для нас это было сродни пляжу у голубой океанской глади — настолько все было неожиданно и по-детски романтично.

Гладь цвета осенней листвы приветствовала нас у травянистого берега, который сразу обрывался линией полупрозрачной воды. Скинув обувь, мы с незнакомкой отправились вдоль берега, ощущая прохладу травы, так освежающую тело после жаркого дня.

Голова кружилась от происходящего, казалось, что я парю над землей, с ее мягкой ручкой в своей ладони.

Я не чувствовал сексуального возбуждения, ведь в своих детских мыслях я лишь ловил каждую незнакомую эмоцию, каждый счастливый миг с ней. Тело мое было напряжено и натянуто, словно тетива арбалета, ту же гитарной струны, но тайное «я», этот похотливый зверь, что уничтожает невинные мысли, еще не осознавал себя внутри.

Сами того не заметив, мы перестали разговаривать, просто шли вдоль берега, любясь окружающим пейзажем и, украдкой, поглядывая за реакцией друг друга. Наши взгляды, словно одинаковые полюса магнитов, стремились один к другому, но расставались в самый последний момент. И вот, когда мы остановились под большим деревом, вековым дубом, свесившим свои могучие ветви над водой, они совершили невозможное.

В момент, когда взгляды сомкнулись в свои объятия, не знаю, кто был зачинщиком этого жеста, но я почувствовал ее тело в своих руках, ее лицо на своем лице, ее губы жадно искали мои, которые, словно не зная, что им делать, лишь хватали воздух с ее лица. Мы целовались неумело, но так горячо и страстно, как не было в моей жизни никогда, до самого конца; до момента, когда вся моя история подойдет к концу.

О, это ощущение полета, захлестнувшее меня в считанные секунды этого мгновения первого поцелуя! Я мог бы отдать все что угодно, лишь бы хоть на секунду вернуть его!

Но время шло, а мы все целовались, нещадно, все смелее, испивая соки друг друга, набираясь опыта прямо в этом любовном порыве, в этом бою. Это был даже не бой, напротив, это было примирение наших страхов, наших мыслей и желаний. Мы шли друг другу навстречу, заполняя пробелы во всем, чего так не хватало в жизни до этого момента.

Как вдруг...

- Постой! - сказала она, оборвав все феерию.

- Что случилось? - задыхаясь, спросил я.

- У тебя там все в порядке?

- Там? - переспросил я, не понимая о чем речь.

Она отстранилась от моего лица, не выпуская из объятий, словно боялась потерять (я и сам боялся того же, ка будто все окажется предательски реалистичным сном), и я почувствовал ее ладошку на своем ремне. Она прикоснулась к животу, остудив прохладой кожи, и направила вниз.

- Ты не знаешь, что бывает в такие моменты?

- Ну... знаю... вроде... но, - я мямлил какую-то несусветную чушь, пытаюсь собрать мысли в кучу, но, будучи настолько разгоряченным, это было все равно, что заполнить небольшой лужицей масла огромную раскаленную сковороду.

- Я тебе не нравлюсь? - с испугом в глазах спросила она дрожащим голосом.

Я похолодел. На секунду мне показалось, что мое тело остыло до пятнадцати градусов в один миг.

- Нет, нет, пожалуйста, не говори так! Ты — это самое лучшее, что происходило в моей жизни. Что мне нужно сделать? Я никогда раньше не оставался наедине с девушкой... Она покраснела. Именно в этот момент я, всего на одно качание маленького маятника в часах, подумал, что все происходящее — лишь ее озорная прихоть, а мне, маленькому мальчику, девственнику, вдруг удалось расшатать, растрогать ее душу. Это ощущение исчезло и я вновь прижал ее к себе.

- Что мне сделать? - прошептал я и, неосознанно, запустил свою ладонь под ее куртку. Она вздрогнула, но через несколько секунд ее дыхание участилось, и я почувствовал, как ее правая ладонь начала массировать меня там, внизу. Так продолжалось бы еще очень долго, но вдруг я почувствовал ее ногти на своей спине. Они впились в мою кожу что есть сил и тут...

До этого момента я был так сильно напряжен, что мышцы были готовы рассыпаться на сотни камней. Эмоции, возбуждение и счастье распирали меня изнутри, как воздух растягивает перекачанный мяч для волейбола. Но она сумела прорвать мою оболочку. Она сжимала мою спину очень сильно, я чувствовал реальную боль, которая расслабляла меня. Она забирала все напряжение, оставаясь на переднем, на единственном плане сознания. От наслаждения я закрыл глаза.

Почувствовав, как я возбужден, она вынула вторую руку из моих джинсов и, что есть сил, сжала ногтями мою грудь. Стон вырвался из моей груди где-то в области губ. Я даже не понимал, что происходит. Инстинктивно, я продолжал держать ее в своих объятиях и массировать ее мягкую женственность. Другой рукой я расстегнул ремень ее шорт и лишь прикоснулся к жару пониже ее мягкого живота.

От неожиданности она так сильно сжала меня своими когтями, что я не смог больше себя сдерживать и взорвался...

Спустя несколько секунд я нашел в себе силы, чтобы открыть глаза. Я лежал на спине, на жаркой земле, что жгла мою кожу, а моя любовница сидела на мне сверху и, опираясь на мою грудь, пыталась совладать с дрожью. Она кусала губы, тяжело дышала, ее слегка передергивало. Когда я смотрел на нее снизу вверх, то думал, что сейчас нет существа беззащитнее, вся ее женственная слабость сейчас вышла наружу, обнажив все секреты ее тела. Меня тоже трясло, глаза закрывались от слабости, но, совершив последнее усилие, я, приподнявшись, обнял ее и уложил рядом с собой. Тесно прижавшись друг к другу, мы погрузились в сон.

День догорел очень стремительно, не оставив даже пепла на горизонте. Когда я открыл глаза в первый раз, где-то вдали исчезал последний свет. Но мысли о возвращении в лагерь были вытеснены усталостью, и потому я лишь крепче прижал свое новое сокровище. Моя правая рука покоилась под ее головой, и любые попытки извлечь ее вызывали лишь недовольный стон, что очень возбуждало. Спокойствие вокруг дурманило и сгущающиеся сумерки над головой гипнотизирующе усыпляли. Я погрузил левую руку под ее куртку и погладил мягкие округлости груди. Она тихо простонала и накрыла мою руку своей. Сон снова захватил меня.

Когда я открыл глаза во второй раз, это произошло неожиданно быстро, казалось, кто-то вылил таз холодной воды мне прямо в лицо. Я вспотел и от холода пот съежился и застыл на моей спине. Меня бил озноб, от которого зубы стучали бешеным ритм в абсолютной тишине ночного леса. Я был абсолютно один.

Ни капли света не проникало в глаза, я почувствовал себя настолько беззащитным и слабым, насколько это было возможно в подобной ситуации, чувство, как первые

секунды в момент просыпания. Паника сжала мое сердце в холодные металлические тиски, страх окутывал.

Где-то в звенящей тишине я услышал звук осыпающейся почвы. Резко повернувшись в сторону шума, каким-то шестым чувством, подобным кошачьему зрению, я увидел очертания девичьего силуэта, во всяком случае, так мне показалось в тот момент. Глаза играли со мной в шарады, объединившись с предательскими тенями.

Я вскочил на ноги, и чуть было не обрушился на холодную землю. Мои ноги, словно две колонны, были тяжелы и отказывались сгибаться. Но, то ли страх, то ли желание выбраться прочь, но я рванул от блестящей водной глади в сторону мерцающих теней, среди которых виднелся едва различимый силуэт.

Я хотел закричать, но и тут неудача — вместо речи лишь невнятный хрип раздавался из саднящего горла. От холода и сна я превратился в заледенелую марионетку, способную лишь медленно идти к цели.

Боль была повсюду, как часть ночи. Каждый шаг отзывался ножевым ранением в суставах ног, каждый вдох и выдох набрасывали на горло тонкую металлическую нить. И даже в мыслях ничего кроме страха и боли не появлялось.

Беззвучно рыдая, я продолжал идти в пустоту, иногда отшатываясь от всплывающих перед мутным взором деревьев.

Где-то позади, на берегу прекрасного в лучах солнца озера, лежали мои камни, моя коллекция, которую безжалостно променяла моя судьба на акт взросления. Иногда я вспоминаю переливы этих пород и с ностальгией улыбаюсь навстречу прошлому. Но ни о чем не жалею.

Кое-как, сквозь темноту, я добрал до ворот лагеря. Сторож ухмылялся во все свои двадцать пять зубов, которые ему оставила старость. По всей видимости, он уже предвкушал, как известие о двух беглецах распространиться по всему лагерю из его уст. Он пробормотал что-то о том, что я задержался и долго искал дорогу после своей подружки, но я его уже не слушал. Я хотел поскорее лечь в кровать, но не от того, что чувствовал себя сонным; я лишь желал скорее согреться и нырнуть под тяжелое шерстяное одеяло. У порога общежития меня уже ждала смена караула из наших старших. Но, к моему превеликому удивлению, мне ничего не сказали.

Совсем. Не наказали, не отвели к директору лагеря, не поставили в угол. Все лишь смотрели мне в глаза с сожалением.

И это так и осталось для меня загадкой до самого отъезда домой.

И больше я не видел свою первую любовь. Она пропала — окончательно и бесповоротно, и, что страннее, так же быстро, как и появилась в моей жизни. Каждый день я не находил себе места — бегал и спрашивал всех, кто мог видеть ее — от детей до старших, от случайных посетителей до постоянного персонала нашего «санатория».

И мой мозг нашел свою версию решения моей проблемы. Каждый день я все больше замыкался в себе, стараясь не отвлекаться на внешний мир, лишь высекая контуры той самой, что сумела разжечь мой интерес к чувствам и эмоциям. И снова тьма пришла на помощь.

Она баюкала меня, подсказывала черты лица, тембр голоса и цвет глаз. Стоило прикрыть веки и... Она снова стояла передо мной и улыбалась, звала с собой на прогулку; или болтала без умолку, заставляя меня слушать интересные и нет истории. Но после заката, даже сквозь сон, я чувствовал, как ночь окутывает и сжимает меня ее руками, царапает мою спину и дышит прямо в волосы. Это было потрясающе, моя любовь навеки со мной, стоит лишь прикрыть глаза. Она всегда прикасалась ко мне одинаково, но от этого не менее возбуждающе.

Мы были идеальной парой.

Но все изменилось, когда я вернулся домой...

3.

Я вышел с вокзала и сразу понял, что что-то идет не так. Погода разом испортилась – первые капли стремительного дождя упали именно на меня, как знак свыше. Я стоял под неплотной стеной воды, пахнувшей дымом и стальной стружкой, ожидая, когда же родители встретят меня. Но все, что я видел — только другие дети, которые кричали и галдели, без конца они бросались на шеи мамам и папам, рассказывая наперебой правдивые и не очень рассказы об отдыхе.

Но проходило время и кучки семей сменились одиночно стоявшими силуэтами, среди которых затерялся и мой вид. Промокнув до нитки, не ожидая, что придется ждать настолько долго, я прошел к автобусной остановке, от которой должен был идти маршрут до нашего города и встал под старый жестяной навес, похожий на огромную банку, разрисованную неумелыми руками уличных художников и расклейщиков объявлений.

Усевшись на чемодан вместо черной от времени деревянной скамейки я снова закрыл глаза и попытался представить, как моя мама встретится с моей девушкой, которая не отходила от меня ни на шаг с того момента, как мы расстались. Но, то ли я слишком долго не был дома, то ли внешность любовницы отнимала слишком много сил, но я никак не мог представить себе маминого лица. В тот момент меня это вовсе не смутило, я лишь сконцентрировался на внутреннем диалоге.

Неизвестно сколько бы это могло продолжаться, но меня одернул не очень знакомый голос:

- Эй, парень!

Я открыл глаза и уставился на водителя автобуса, что встал секунду назад.

- Это вы мне? - неуверенно спросил я.

- Тебе конечно. По-моему тут больше нет никого с моего маршрута.

Я оглянулся по сторонам и понял, что и в самом деле, я остался последним на остановке.

- Похоже на то, - буркнул я, не решаясь садиться.

Водитель улыбался во все свои пожелтевшие от сигарет и кофе зубы, всем своим видом давая понять, что не причинит вреда, во всяком случае, не здесь.

- Запрыгивай.

- Но у меня нет денег, - еле слышно сказал я, почему-то стыдясь своих слов.

- Не беда, будем считать, что твой старик задолжал мне бутылку виски.

Слабо улыбнувшись, я все-таки прошел внутрь салона. Кроме водителя и меня, внутри больше никого не было. Возможно, что я себя успокаивал, но на секунду мне показалось, что лицо водителя мне знакомо и я уселся в самый дальний угол.

В салоне пахло освежителями, запах которых пытался победить едва уловимый аромат трубочного табака. Да-да, именно так, а не наоборот. Освежителя было так много, что горькие нотки табачного дыма ощущались приятней ванили.

Когда я сел на сиденье, дождь за окном все набирал обороты. Не верилось, что была летняя пора — жирные осенние капли разбивались о стекло и расплывались по четырем направлениям, которые становились ручьями и рукавами одной реки. Когда капли слились со стеклом в единую журчащую массу, я погрузился в сон.

Я и по сей день помню то, что мне приснилось тогда. Эта картина отпечаталась в моем мозгу настолько сильно, что сейчас я иногда задумываюсь о мистических реалиях нашей жизни, ведь в этом сне не было ни малейшей метафоры, все символы были ясны, как белый день.

Я стоял перед своим подъездом и смотрел в сторону автобуса, на котором приехал домой. Он собирался отъезжать, но в дверях застыл силуэт девушки. Это была она — моя идеальная пара, в самом расцвете своей красоты и реалистичности. Именно такой

она стала бы через несколько лет, если бы я продолжил высекать ее мысленную скульптуру из одного-единственного воспоминания. Стоило обернуться, как перед глазами появилась еще одна фигура. Это была моя мама. Именно такая, какой я запомнил ее в последний раз, даже в той же самой фиолетовой кофточке, которую она одела в день моего отъезда из дома.

А я стоял прямо на распутье, не зная, какую из женщин выбрать, мысленно понимая, что моя единственная — это лишь образ, который может испортить мне всю жизнь. Но я заставил сделать себя самый первый, самый сложный шаг. Ноги, как ватные, отказывались повиноваться, и все же я направился в сторону автобуса. Я шел медленно, но потрясающим образом за один шаг я приближался на три, а то и четыре метра к цели. Но стоило мне подойти к девушке на расстояние вытянутой руки, как я услышал ее голос, хотя губы ее не шевельнулись больше чем на грустную улыбку, из ее глаз брызнули слезы.

«Отпусти меня», - услышал я в голове голос ее взгляда.

И она исчезла. Вместе с автобусом, вместе с моими чувствами. Лишь эхо осталось.

«Отпусти меня...»

Развернувшись, я побежал к маме.

Я бежал, бежал, но никак не мог достичь ее объятий.

Когда я открыл глаза, то увидел тот самый подъезд. Дом.

В салоне было жарко, и от этой жары и воды в волосах, на одежде, я чувствовал себя, словно в супе. От головы шел пар, лицо горело. Глаза мои были полны ужаса, ведь в них все еще отпечатались обрывок сна, который резко мог стать реальностью.

Немного совладав с мыслями, я взял чемодан и вышел на воздух, под стучащие капли. Водитель автобуса, как выяснилось позже, действительно знал моего отца, но это не имело никакого значения, кроме того что уже прозвучало в моей истории.

Когда я зашел в квартиру, первое что поразило меня — стойкий запах алкоголя, как будто несколько бутылок крепкого напитка уронили прямо на пол и оставили под несколькими лампами, чтобы едкий запах спирта испарялся по всей квартире. Войдя в комнату родителей, откуда слышался более отчетливый запах, я увидел ужасную картину, которая заставила меня оцепенеть на месте.

Как будто я вернулся не в свой дом, не в тот самый уют, который был мне столь привычен, но в чужой, неизвестный мне своими нравами и внешностью. Всего лишь за пару недель произошло что-то, о чем я даже не догадывался в тот момент.

Перед расправленной кроватью стояло кресло отца, которое обычно находилось возле окна, вокруг него были разбросаны пустые бутылки, в одиноких лучах солнца, пробивавшегося сквозь тучи и грязные окна, они напоминали мне о потерянной коллекции камней. В кресле сидел отец.

Он спал. И совсем не был похож на того человека, которого я знал.

Вместо коренастого и высокого мужчины, кем я помнил его всю жизнь, в кресле расположился усталый старик. Его лицо лишь отдаленно было похоже на фотографии, что висели в комнате, оно заросло неровной и дурацкой бородой. Его любимая рубашка из серо-синей клетки превратилась в темно-серые лохмотья с пятнами на груди. Сейчас я вспоминаю эту картину, как жалкое зрелище.

Но в тот момент шок сковал меня по рукам и ногам. Совершенно непостижимым шестым чувством, я понял, что больше никогда не увижу своей матери. Стал ли вид комнаты с расправленной кроватью, все еще пахнувшей ее духами, дешевыми и почти никогда не выветривающимися, тому причиной или какое-то мистическое понимание, настигнувшее меня раньше всей основной информации, мне неизвестно до сих пор. Но я оказался прав.

Выудив из рук отца почти пустую бутылку виски, что вызвало несвязное бормотание в пьяном сновидении, я пошел на кухню. И там было также уныло, как и в следующие два года моей жизни. Те же пятна, тот же запах только плюс гора невымытой посуды и бутылочные осколки на столе, один из которых сразу же впился мне в ладонь, стоило мне только присесть. От обиды и вида крови я хотел заорать, что есть силы, заплакать и высвободить нахлынувшие эмоции на свободу.

Боясь до чертиков разбудить отца, я лишь сжал зубы и, когда приступ отошел, осушил бутылку в правой руке.

Для этого понадобилось больше одного глотка и вонючая жидкость, обжигающая кипятком, булькала в горле, заставляла кашлять, вызывая все больше отвращения и тошноты. Когда последняя капля ушла в пищевод, я помню лишь, что долго хватал воздух губами, пытаясь задуть пожар во рту, что привело лишь к нелепой отрыжке. Я встал и направился в свою комнату, но головокружение, это кружащее ощущение, которое закручивало весь организм, начиная от кишок, обрушило меня на пол, как сбитый вертолет.

Так начались два года моего безмолвия.

Хотите, верьте или нет, но за это время я произнес не более ста слов, по моим подсчетам, да и больше половины из них я сказал лишь своему дяде, который приехал в канун моего шестнадцатилетия.

Но, обо всем по порядку.

Уже через две недели после летних каникул меня определили в группу для детей с отклонениями, так было проще для учителей, таких же жителей маленького городка, где все друг друга знают. Все знали о моей проблеме, но никто не собирался говорить о том, что с моей матерью, и, уж тем более, никто не думал копаться в причинах моего молчания. Вместо этого все покачивали головой вслед нам с отцом, когда он забирал меня вечером со второй смены. Я не хотел идти домой один, это было негласное требование к родителю — хотя бы крупица тепла, пусть и без слов.

Отец вернулся на работу спустя неделю тяжелейшего и беспробудного пьянства, но это вовсе не значило, что он закончил бороться со своими демонами с помощью Зеленого-Змея. Что-то ужасное произошло в дни моего отсутствия, в этом я был уверен, ибо такой человек, как мой отец смог бы справиться с рядовыми ситуациями, даже с расставанием.

Мысли эти накручивали меня каждый день, мешали спать, пугали бессонницей и видениями в темноте, но тишина была отличным помощником для удержания психики в узде.

И ведь как странно — если бы кто-нибудь хотя бы на секунду догадался поговорить со мной о возникшей проблеме, кто угодно, пусть и незнакомец, возможно, это стало бы отправной точкой к установлению теплых отношений между мной и тем человеком, который изо дня в день превращался в неизвестного мне индивида. Вместо психоаналитика, которыми город кишит, как пираньями, в наше время, я получил лишь компанию из «таких-же-как-я» детей. Ведь в маленьком городе, где все знакомы, неважна проблема мальчика, что потерял очень важный кусок своей жизни. Потерял в прямом смысле этого слова — однажды оглянувшись, понял, что, неизвестным образом, он исчез, и мальчик даже не может вспомнить, где он видел его в последний раз.

Все будут жалеть тебя, подбадривать, хотя никто не захочет мараться в твоих проблемах лично.

Привыкнув к немым, глухим и умственно-отсталым мальчишкам и девчонкам, я понял, что совершенно неважно, как ты выглядишь в массе — важно лишь то, что у тебя внутри, то, что держит твой разум на плаву. Среди «таких-же-как-я» детей находились

интересные собеседники, да и просто хорошие ребята, которые стали для меня второй семьей.

Так все продолжалось. Изо дня в день. Каждый день по обычному маршруту: проснулся рано утром, осторожными толчками разбудил отца, спрятался в своей комнате под одеялом, в надежде уснуть, пока на кухне гремят чашки и прочая посуда. Потом наступала пара часов тишины — то время, когда отец ушел на работу, а мне еще слишком рано в школу. Но это не сильно меняло суть — на улице я не играл с другими детьми, либо по причине того, что они были в школе, либо, что более вероятно, из-за боязни близких контактов. Неважно, с чьей стороны эта боязнь проявлялась больше. Потом школьные занятия, больше похожие на игру «Положи шар в круглое отверстие, да не перепутай», как будто глухая девочка в четырнадцать лет не сможет запомнить решение линейного уравнения.

Именно поэтому мы сбивались в библиотеке после окончания первой смены, когда все исчезали оттуда, и таскали «взрослые», как мы их сами называли, книги. Мы садились в круг и читали шепотом, по одному абзацу, каждый раз передавая по кругу заветный том, чтобы глухие ребята тоже могли восполнить пробел. И ведь дело было даже не в прочтении книги, а в том, что она нам давала — частичку жизни, что проходила где-то «там».

В первой смене...

Тут-то и начали проявляться наши качества. Девочка, которая едва видела дальше вытянутой руки из-за порока век, писала потрясающие картины на листочках в клетку. Мой друг, что всегда переспрашивал любую фразу, сказанную чуть ли не в самое ухо, взялся читать вслух все подряд, заставляя нас припадать к его голосу, как к музыкальной шкатулке. А тот парнишка, которому взрослые пророчили самую тяжелую судьбу, что-то болтая об IQ около тридцати, читал нам стихи прямо из головы и они будоражили воображение и щекотали нервы образами и метафорами, на которые был способен не каждый поэт.

Мне же досталась неизлечимая графомания, бесталанная и скучная. Ведь я был лишь подставным лицом в этой компании, как волк в овечьем стаде, без физических недостатков, что переформировались у других в творчестве и взглядах на мир. Но, то ли из зависти, то ли из-за одиночества, что преследовало меня в моменты, когда я находился в месте, которое многие назвали бы домом, я начал писать дневник. Сначала робко, излагая лишь происходившие со мной за день события, но потом все смелее я становился в своих мыслях и писал то, что таилось в глубине моего сознания, самые глубокие и грязные желания. В один день, я испугался написанного до такой степени, что сжег все тетради до единой.

С тех пор у меня появилась эта отвратительная привычка: я исписывал тетрадь до конца и сжигал ее, потом печатал дневники на машинке и сжигал листы. И, в конце концов, пришел к идеалу.

Вот и сейчас я не уверен, захочу ли я оставить эту рукопись для себя, или же, привычным жестом, отменю сохранение файла при выходе? Но не могу остановиться, пока не опишу всю свою историю полностью.

Зачем я пишу свою собственную историю, зная, что могу удалить ее мановением руки? Потому что у меня еще есть время, чтобы разобраться в прошлом и найти решение, что же мне теперь делать в будущем, после всех последних событий; собрать все улики воедино, чтобы привести в исполнение приговор самому себе.

Сейчас, когда моя жизнь предстает в виде символов на мониторе, я все более ясно вижу, что все люди, которых я знал, не играют никакой роли в становлении меня, как личности, они настолько бесполезны, насколько это вообще возможно. Значение имеет

лишь Она. Именно Она превратила меня в того, кто сидит за этой клавиатурой, но мысли о Ней лишь останавливают меня. Нужно собраться, и навести порядок в хронологии.

Прошло время, прежде чем однотипные книги начали наскучивать нашей компании. Ведь все когда-то приедается, и то, что будоражило тебя новизной, со временем набивает оскомину и выглядит вычурным и неинтересным. Именно тогда мы начали таскать книги у самой библиотечарши — женщины лет сорока пяти, худой и с печатью тоски на лице. Она была так мила к нам, когда мы начали посещать ее уголья открыто, порой даже пропуская занятия, что говорило лишь о ее одиночестве. Она любила почитать любовные романы, все, как один, одинаковые и пустые, но для нас того времени это было сродни фейерверку летней ночью.

Близился день моего шестнадцатилетия, и глухой мальчишка читал нам вслух первую книгу, где не было размышлений о природе человека, о его положении в обществе... Там были лишь страсть и секс, и их присутствие производило неизгладимое впечатление. Как под дудкой крысолова, мы могли целоваться друг с другом, пока вслух произносились эти заклинания. Мы не знали, хорошо поступаем или плохо, но я и сейчас могу припомнить вкус губ и языка моей соседки справа, кажется, она писала песни и страдала от врожденной дистрофии.

Только мальчик-поэт лишь глупо улыбался и, казалось, не понимал, что происходит вокруг, пока однажды, в день моего рождения не подошел ко мне близко-близко и не сказал:

- С днем рождения. Ты мой лучший друг, - он сказал это с манерой присущей только ему - пропуская слоги и проглатывая гласные.

После этого он, стесняясь, прикоснулся своими губами к моим, потом, почувствовав, что момент длится все дольше, приоткрыл их, впустив дыхание.

Это был волнующий опыт в моей жизни, который, к сожалению или к счастью, более не повторился. Мой друг умер от порока сердца. Пожалуй, это было еще более несправедливо, чем то, что случилось с моей матерью на самом деле.

4.

Когда я начал ненавидеть своего отца?

Иногда мне казалось, что я всегда испытывал к нему негативные чувства. И, несмотря на то, что он очень редко трогал меня, обращался ко мне напрямую, все равно, глядя, как он терроризирует маму, я, не осознавая, копил в себе всю грязь, уничтожая любую надежду, забрасывая ее всем дерьмом, что попадалось на глаза.

Но, если рассудить трезво, моя злость начала проявляться лишь после того злосчастливого лета.

Итак, я учился с детьми, которые не были похожи на прочих школьников. У нас была своя компания, со своими интересами, и в их обществе я чувствовал себя по-настоящему отлично, в какой-то мере даже счастливо. Не хватало только одной детали. Приходя домой, я снова оказывался в царстве тишины и страха. В доме было темно, а я слишком сильно опасался того, что могло произойти, если бы я потревожил отца включением света самостоятельно. Когда он уходил в бар или на прогулку, в которых он тоже себе не отказывал, я сразу же принимался за уборку, начинал с открытия всех окон.

Сизый смог, врывавшийся в раскрытые окна, казался мне настолько свежим и чистым, я радовался, как малый ребенок, вдыхая холодные потоки. Иногда, отец не выходил из дома неделями, предаваясь собственным мрачным мыслям, что оставались мне неизвестными, ведь мы с ним совсем не разговаривали.

Мне даже было его жалко, я считал, что, отчасти, во всем происходящем есть и моя вина, ведь я понятия не имел, что случилось с матерью. Стараясь искупить эту вину, я и проявлял заботу в самых искренних ее проявлениях, атмосфера страха в нашей квартире делала узника из меня и злость копилась где-то глубоко-глубоко, не давая знать о себе.

Сколько времени проходило, для меня существовало будто две совершенно разные жизни. Одна — светлая сторона, в которой я находился в обществе друзей, где я мог представить себя в будущем счастливым человеком. И вторая — лишь тень настоящего существования, покрытая коростами вони, отвращения и злобы; мрак за грязными окнами делал каждую минуту, из неисчислимого их количества, проведенную посреди этого душевного холода, невыносимой.

Через какое-то время я стал замечать чужие туфли у входа, куртки. Женские принадлежности в прихожей и стоны, и крики за впервые закрытой дверью. Я затыкал уши и бежал в комнату, где спасением становилась лишь тьма. В отчаянии я забирался под кровать вместе с одеялом, который стал напоминать серую массу со сбившимися комками внутри, и там читал украденные из библиотеки книги в свете тусклого фонаря. Иногда я плакал, сидя на холодном полу от осознания того, что больше не нужен никому, кто стал мне так дорог. Даже то, что я ухаживал за своим тупым папашей, словно за раковым больным, уже оказалось бесполезным.

Шлюхи ходили к нему чуть ли не каждый день. Я чувствовал безразличие ко всему окружающему меня. Я был озлоблен настолько, что даже один раз сорвался на одном из своих друзей, на глухом мальчишке, которого совсем недавно перевели в группу. Он пел, словно ангел, но я был настолько озлоблен, что приказал ему заткнуться на глазах у всех. Позволив темной стороне своего существования увеличиться и потеснить территорию света в моей душе, я понял, в какого монстра меня превращает то, что творит моя квартира, мой дом, со мной. Я выбежал из библиотеки, не глядя под ноги, не осознавая, куда направляюсь. Бросился бежать дальше, прочь из школы, прочь из знакомого квартала, все дальше и дальше, пока глаза сами не начали прощупывать незнакомую территорию.

Раньше мы всегда приезжали на кладбище на автобусе. Маршрут не был длинным, но цветы, родственники и прочие атрибуты процессии или ритуала ежегодного посещения требовали транспорта. И вот сейчас я заметил знакомую остановку.

Кладбище когда-то располагалось на окраине города, но с вырубкой лесов и увеличением индустриальной и гражданской зон оно наступало, будто напоминая о месте каждого человека в конце жизни. Вход был большим, каменный забор прерывался на высокие арки, чем-то похожие на античные рисунки. Я прошел сквозь один из проемов и (я могу поклясться, что именно так и было) стоило мне оказаться по другую сторону, как пошел дождь. Он смывал с меня все печали и убаюкивал злость равномерным шепотом капель по асфальту.

Я стер слезы рукавом, чтобы не чувствовать вкус соли на губах, и остановился, подняв лицо навстречу влажным ударам. Дождь не хотел усиливаться, он лишь давал мне внутреннее спокойствие. Не смотря по сторонам, без мыслей, я направился к крылу новых захоронений.

И почти сразу я увидел несколько свежих, только недавно вырытых, могил, что глядели из земли своими черными проемами, зазывая тех, кому были предназначены. А перед ними стояли памятники, которых я не помнил раньше. Подойдя к группе «новичков» я, будучи совершенно неподготовленным, наткнулся взглядом на одну из фотографий. Это была моя мама...

До сих пор, до этой самой минуты, когда я пишу эти строки, я не помню, как оказался дома в тот день. Переступая порог, с каждым шагом я ощущал себя все более грязным, мокрым и совершенно пустым. Даже закрывая глаза, я видел эту грустную улыбку, знакомые черты, ямочки на щеках и, будто случайно попавшие в портрет, ключицы, к которым прижимался когда-то, обнимая ее.

Когда, уже дома, я пришел в себя, то услышал голос. Мне так не хватало голосов своих близких, что я даже не поверил своим ушам.

- Привет, чемпион! Ты выглядишь так, будто увидел привидение.

Это был мой дядя. Будучи братом отца, он был абсолютно на него не похожим, будто стопроцентная противоположность. Он был общителен, всегда весел и за его огромными очками, делавшими из достаточно спортивного человека книжного червя, всегда плясал огонек жизни. Огонек, который я терял с каждым днем, с каждой минутой.

Сначала я просто не мог поверить своим глазам. На секунду все пропало — дождь, кладбище, портрет на сером камне, покрытом мокрыми разводами. Я обнял этого человека и снова слезы брызнули из глаз. Только прижавшись к его груди, я вдруг осознал, насколько подрос за время, что мы не виделись.

- Ну, ну. Ты чего ревешь? Не рад видеть что ли? - и улыбнулся во все белоснежные тридцать два зуба.

- Нет, нет, конечно, рад, - выговорил я. - Просто сегодня был очень тяжелый день.

И это, черт побери, была правда. Он еще даже не закончился...

Я проснулся посреди ночи от шума на кухне. Судя по голосам, там сидели, пили и беседовали двое мужчин, два брата. Я не верил своим ушам — говорил мой отец, голос которого мне не доводилось слышать уже очень давно. И он рассказывал...

- Она вскочила и уже собиралась уходить. Кричала, что с нее довольно,- говорил голос, периодически давая волю скупым слезам. - Заперлась в комнате. Я был вне себя от злости, она била меня в виски, ослепляла меня. Я стучал в дверь кулаками и ногами, да так сильно, что даже в соседнем подъезде слышали бы.

Я прошел еще чуть-чуть по коридору в сторону кухни, стараясь, чтобы меня не было слышно. В полной темноте, что сопровождается тягучей, как кисель, тишиной, каждый звук заставлял лицо морщиться и ожидать чего угодно. И в этой самой тишине,

прерываемой лишь едва уловимым монологом, я ступал босыми ногами по липкому полу, и каждый шаг сопровождался противным скользким звуком, от которого у меня шли мурашки по спине.

- Она плакала за дверью, умоляла отпустить ее, не трогать. Иногда говорила совсем о другом. Но я не слушал, - снова всхлипы, - кричал, оскорблял ее, говорил, что она сука и уродина, что никому больше не нужна. Даже кричал, что убью мальчишку, если она уйдет.

У меня пошел холод по телу. Все кости разламывались от дрожи и напряжения. Так страшно, как в те несколько минут, мне не было никогда в жизни.

- Она собирала чемоданы или какие-то сумки. Когда распахнула двери, на ее лице уже не было видно и следа слез. Этим-то она и поставила меня в тупик. Я видел злость в ее глазах, но, в то же время, она была очень спокойна. И сказала, тихо, но очень отчетливо, что проведет ночь у подруги, а завтра заберет мальчика прочь из лагеря и увезет подальше от меня.

Пауза была столь внезапной, можно даже было сказать, что она «прозвучала». Через несколько секунд я услышал громкие глотки и звон посуды.

Когда голос продолжил рассказ, он постоянно прерывался, чтобы схватить побольше воздуха. Эти воспоминания мучили отца похуже любой пытки.

- Не дав мне возможности опомниться, она бросилась прочь, мимо меня, на лестницу.

Когда нажала на кнопку лифта, то поняла, что не дождется его. Хотела идти по лестнице, перехватила свои сумки. Но тут я нагнал ее... - в этом месте плач был уже явным. - Я не знаю как... Я просто не знаю! Мне кажется, что я не толкал ее! И это мучает меня. Изо дня в день я вижу перед глазами, как она падает вниз по лестнице, и каждый раз либо мои руки сталкивают ее вниз, либо пытаются схватить, чтобы спасти. Я не знаю правды, это губит меня...

По моему телу пробежала дрожь. Кулаки сжались до синевы в пальцах, до онемения. Как же я возненавидел его!

Нет, я больше не собирался плакать. Несмотря на то, что могло произойти дальше, я уже знал, что я хочу сделать потом, то, чего буду хотеть всю жизнь, если не сделаю сейчас. В тот момент все человеческое умерло в моей груди, оставив даже не инстинкт, а манию, расстройство, шизофрению.

Я выглянул из-за угла. Там, в полуметре, в лучах чистого лунного света, сидели они. Отец сжался в комок, стоя на коленях, и жался к груди своего брата. А дядя заметил меня. В его глазах проступил испуг и, он не хотел этого, но слова сами вырвались из его уст:

- Ты почему здесь?

Эта дурацкая фраза заставила моего отца вскочить и подойти ко мне. На его лице не осталось и следа той раскаивающейся умиротворенности. Лишь привычная гримаса отвращения.

- Подслушивать вздумал?! - вскрикнул он, сопроводив свои слова дополнительным аргументом в виде тяжелой оплеухи.

Меня ударило об угол, и мир в глазах поплыл.

- Хватит! Что ты творишь?! - дядя отшвырнул его в сторону комнаты. - Не смей! Я приехал сюда, чтобы забрать его в город, подальше от тебя. Поэтому больше не смей его трогать.

Несколько мгновений они смотрели друг другу в глаза.

- Валяй, - сказал отец и, хлопнув дверью, скрылся в темноте своей комнаты.

- Слушай, я в мотель, за вещами, - присев на колено, сказал мой «спаситель» мне в лицо, от него тоже пахло алкоголем. - Сиди тихо, уехать придется быстрее, чем я ожидал. Твой отец уже неуправляем.

Почему-то задержавшись на кухне, чтобы что-то скинуть в мусорный пакет, после он схватил куртку и выскочил прочь из квартиры. Лишь эхо раздавалось по пустынному подъезду в такой поздний час.

Я заглянул в комнату отца. Тот храпел, сидя в кресле, с едва заметно тлеющей сигаретой в руках. Глядя на него, такого жалкого и ненавистного, я все-таки решился. В ванной мы всегда вешали полотенца на жгут, натянутый между шкафчиками с принадлежностями. Он был прочный, потому что я не смог сорвать его руками. Срезав его большим кухонным ножом, я намотал оба конца жгута на ладони. Картина все больше прояснилась.

Я вошел во мрак комнаты. Он сидел на кресле, запрокинув голову, ведь именно так он любил курить — лицом вверх, чтобы по открытым дыхательным путям проникал сизый дым его дешевых сигарет. Инструкция по оказанию первой помощи пострадавшим от здорового образа жизни. Не мешкая ни секунды, я зашел за спинку кресла и, скрестив руки, накиннул петлю ему прямо под кадык. Первые несколько мгновений мне начало казаться, что все происходящее - лишь сон, потому что его тело никак не реагировало, но потом...

Он резко дернулся и попытался наклониться. Не знаю, откуда во мне взялась такая сила, что я смог удержать его могучее тело, но мне хотелось, чтобы это была вся злость и весь страх в моей душе, чтобы они вырвались на свободу через силу, твердость руки и ясность намерений.

Он все дергался, размахивая руками, пока не увидел мой силуэт в зеркале на стене напротив. На секунду он замер, не веря своим глазам, но это выражение пропало, а его лицо исказилось маской ярости. Его кулак врезался мне в висок, не так сильно, но ощутимо. От следующих ударов я уворачивался, как мог, и чувствовал, что он слабеет, промахивается, попадает мне вскользь по подбородку и носу. В зеркале я видел его вздувшееся лицо и шею. Глядя на то, как он мучается и понимает, что собственный сын ненавидит его до желанья убить, я начал осознавать то действие, которое осуществлял. Детский страх перед преступлением, перед смертью отца, уступали место чувству освобождения, которое заставляло задумываться, представлять картины будущего, где я был свободен от всякого страха и унижения.

Я упал на колени, уворачиваясь от уже теперь бьющих в хаосе, в предсмертной конвульсии, кулаков, развел руки вдоль спинки кресла, но до самого последнего момента не отпуская жгута. Когда все было закончено, я решил, что освободил не только себя.

Теперь нужно было найти что-то, чтобы сжечь квартиру. Похоже, дядя, нам придется задержаться на какое-то время.

5.

Моя жизнь в городе была похожа на сон. Я и понятия не имел, насколько другим может быть мое существование. Огромные дома, высокие, переходящие из одного в другой так далеко, насколько хватало взгляда. Запах промышленности сменился новым, доселе неизвестным мне ароматом, который я представил как «ветер новой жизни». Мне больше ничего не нужно было на этом свете.

Кроме, разве что, старых друзей. Они остались где-то там, далеко-далеко за двое суток пути по трассе. Даже воспоминания не грели сердце, ведь мы уезжали в такой спешке, из-за чего в голове все смешалось, отдельные отрывки не складывались в общую картину, они напоминали несимметричный калейдоскоп.

Два дня на организацию похорон, три дня на оформление документов о продаже квартиры, которая осталась в лучшем состоянии, чем я представлял себе, когда стоял на улице, глядя как алый ореол вырывается из наших окон. Пожарные приехали очень быстро и, уж не знаю, как они это сделали, но большая часть жилья была спасена. Лишь комната отца была превращена в камеру смертника, в ней сгорело практически все.

Дядя свидетельствовал, что отец был чертовски пьян, когда провожал его в мотель. И, скорее всего, уснул с сигаретой.

Как было противно слушать о том, что весь город знал о его пьянстве и поведении, но это все спускалось на тормозах из-за его горя, его утраты. Никто не хотел связываться с отчаявшимся человеком, особенно таким, который на вид выглядит уравновешенным, лишь по ночам пьянствующим напролет.

Всем было плевать на мальчика, живущем в постоянном страхе от созерцания настоящего отчаяния, причину которого он узнал лишь, когда терять уже было нечего. И что теперь? Когда мне исполнилось восемнадцать, я получил полное право распоряжаться денежными средствами от продажи квартиры и прочего имущества. Было ли это приятным — осознавать, что прошлое исчезло, осталась лишь его тень в воспоминаниях?

Дядя был идеальным опекуном для меня. Он хранил деньги в банке, чтобы я мог сосредоточиться на учебе, которую он же мне и оплачивал. Мне казалось, он чувствовал вину за то, что знал о сущности моего отца, но приехал за мной слишком поздно, оттягивая этот момент до последнего.

Никто не мог предположить такого исхода.

Обучение мое осуществлялось в виде особых курсов по ускоренному изучению современных методов заработка, на которые дядя делал огромные ставки, будучи человеком умным и следившим за ходом жизни.

Репетитор, мужчина лет сорока, никогда, наверное, даже во сне, не расстающийся с костюмом-тройкой, вбивал мне в голову веяния рынка, пытался до боли во лбу объяснять мне экономику, как науку, простейшими словами.

И, черт возьми, ему это удалось.

В двадцать лет я обнял напоследок своего старика, как я называл дядю уже давно, и купил себе двухкомнатную квартиру на другом конце города, почти в часе езды от старого жилища на метро. Мне нравилось метро, видимо, долгая поездка к адресу из объявления и стала последним камнем на весах правильного решения.

Когда я ехал в толпе людей, которая жила своими интересами, своими правилами, я чувствовал ее мысли, изучал каждого представителя рядом с собой. И это помогало мне держать свои собственные мысли на плаву, даже несмотря на то, что новых друзей за все эти несколько лет мне так и не удалось завести.

Конечно, в определенный момент, я начинал понимать, насколько моя жизнь отвратительно скучна. Ведь я нисколько не отличался от тех, кто приносил мне доход, я поддавался тому же веянию этого мертвенного ветра, что создавался самим существованием города.

А еще я не мог спать. Я выпивал две чашки отвратительного на вкус кофе из старой турки, которая когда-то украшала полку с посудой матери и, посреди ночи, садился за свой ноутбук.

Свет из окна служил мне ночником и, не глядя в экран, я погружался внутрь себя, чтобы выплеснуть все, что копилось во все остальные дни, когда я был лишь инструментом, возвращенным механизмом для бесцельного существования.

Я одевал наушники, чтобы не слышать ничего, кроме своего сознания и закрывал глаза, чтобы не видеть ничего, кроме своего прошлого и настоящего.

В этих письменах я снова оказывался маленьким мальчиком, стоящим на подоконнике и смотрящим во мрак, сквозь который проглядывался лишь силуэт земли. И каждый раз я прыгал вниз, внутрь своих мыслей, которые, порой, превращались лишь в несвязный поток фраз и предложений. Но в них была жива мама, отец, по которому я никогда не скучал, я снова был на берегу со своей единственной женщиной, которую я прогнал когда-то из своей головы, заполнив ее место лишь страхом на долгие годы.

Только в одиночестве я мог быть самым собой.

И конечно все это изменилось тогда, когда я встретил ту, другую.

После нашего расставания на кладбище я больше не мог заниматься ничем кроме ее поисков. Я перестал делать зарядку, перестал есть, мой простой, а бизнес начал сходить на нет без постоянной поддержки с моей стороны.

Каждый день я выходил из дома и вглядывался в лица прохожих, тщетно надеясь увидеть знакомые острые черты лица под черными волосами. Дело доходило до галлюцинаций, я был вот настолько близко к тому, чтобы подходить к девушкам, лишь отдаленно напомиравшим мою музу.

Хотя, правильной было бы сказать, убийцей музыки. Ведь теперь я не мог больше бороться со своими страхами с помощью письма. Чувство собственной ничтожности давило меня, искало малейший повод в мыслях, чтобы ударить побольнее. Словно в бреду, я видел в сером потолке последние минуты своего отца, но он смотрел прямо мне в глаза, и ему было все равно на удавку, он протягивал руки ко мне, будто хотел обнять, но, в последний момент, вцеплялся мне в горло и начинал душить. Я не мог пошевелиться, эта картина становилась все реальнее, она заставляла меня верить в существование призраков наяву.

В другие ночи я слышал в голове голос отца, как он рассказывает о смерти матери, и я видел, как ее хрупкое тело бьется о ступени, падает и снова бьется...

За два месяца я похудел на десять килограмм, хотя казалось, что уже некуда. Моя кожа была бледна, а взгляд устал. Жалкое зрелище.

В какой-то момент я понял, что все делал неправильно. Во время, когда мертвецы оживали вокруг меня, а тишина заполнялась голосами, я взглянул на события того вечера с новой точки зрения.

Я вспомнил ее грацию, плавность действий. Словно слепой в собственной квартире, ориентирующийся лишь по памяти и следующий рефлексам, также и она вела себя в тот день. Когда я видел ее лицо у выхода, мне открылась частичка ее настоящей сущности.

Слишком часто она прибегала к собственному лицемерию, пыталась сочувствовать другим, чтобы хоть как-то приглушить боль утрат, убежать от собственных призраков. Быть может, в глубине души, она и вправду желала быть той спокойной и нежной натурой, но жизнь решила иначе.

Но это мне еще только предстояло выяснить.
На следующий день пошел дождь.

6.

Я стоял на кладбище и не мог поверить своим глазам. Она была там.

Ходила тенью вдоль могил, не задерживаясь нигде больше пяти секунд. Я видел все тот же черный дождевик с капюшоном, из-под которого выбивалась густая черная челка.

Ее тонкие стройные ноги, затянутые в плотные колготки, опирались на черные сапожки ниже колена.

О, как она была прекрасна! Аккуратные, чуть заостренные, черты лица, тонкие губы и большие глаза на белоснежном лице. Я, словно зверь, желающий напасть на нечто прекрасное, совсем потерял голову в своем преследовании. Я прятался за могильными камнями, когда чувствовал, что она вот-вот обернется, старался ступать совершенно бесшумно, когда мы проходили по дорожкам, мощеным звонким камнем. Малейшая неосторожность — и даже дождь не смог бы спасти меня от обнаружения.

Я не знал, что делаю, но догадывался о том, что требовалось совершить.

Медленно, не дыша, я приблизился к ней на расстояние шага и почувствовал те же самые духи, едва слышимые и нежные, с тонкими древесными нотами. Когда я протянул руку, чтобы прикоснуться к ее плечу, то испугался, представив, как она вздрогнет и пошатнется в ужасе, поняв, что я преследую ее уже не меньше часа.

Но когда мой палец лишь коснулся ее плеча, она слегка задрожала и, обернувшись, сказала:

- Я узнала тебя. Ты даже не представляешь себе, как долго я тебя ждала.

На последней фразе ее голос дрогнул, и она обняла меня...

Я очнулся и обнаружил себя с все так же протянутой вперед рукой, так и не прикоснувшейся к ее плечу. Видение отпустило меня, оставив лишь некое разочарование, но мне стало ясно, что она своей силой испытывает меня. Я дотронулся до ее капюшона и потянул его вниз.

С шагом в сторону она быстро развернулась. Капюшон скользнул ей на плечи, и моему взору открылась ее истинная красота. Ее волосы были длинными и прямыми, они обрамляли белое лицо, как резная рама для прекраснейшего портрета.

- Это ты?! - ее фраза была возгласом не то удивления, не то злости от того, что ее отвлекли.

- Да я. И я искал тебя все это время, - я решил выкладывать все карты на стол. Ведь столь долгим было мое мучительное ожидание.

Она ничего не ответила, лишь улыбнулась, словно оценивая сказанное.

- И я хочу провести с тобой этот день. Как ты и обещала.

- Что-то я не помню, чтобы я говорила нечто...

- Ты сказала: «В другой раз». Так вот, он настал.

- Знаешь, ты стал другим. Похоже, одержимость пошла тебе на пользу.

Она ходила вокруг меня кругами, оглядывая с ног до головы. Я протянул руку и взял ее ладонь и, когда она остановилась, то притянул ближе.

- Может, просто ты хотела, чтобы я был таким для тебя? - слова сами сорвались с губ.

- А с чего ты решил, что я вообще хотела видеть тебя? Обычный парень, который лишь узнал о моем пристрастии. С чего ты вообще взял, что тебе есть место в моей жизни? - так же самоуверенно, что и в тот раз, она сказала это прямо мне в лицо, от чего мне стало совсем не по себе.

Но я понимал, что у меня в рукаве припрятан еще один козырь. Он не мог промахнуться, иначе меня ждала бы бессонная и очень короткая жизнь без нее.

- Потому что я понял тебя. Ты права, одержимость пошла мне на пользу. И я видел призраков, так же как и ты. Я жил с ними все то время, что ты покоилась в моей голове. Ее губы дрогнули, а страх поднялся прямо из глубин ее бездонных в ночи глаз. Мне кажется, она поняла, что я разгадал ее секрет и теперь с этим что-то нужно будет

делать. Ее взгляд испугал меня не меньше, ведь она могла лишь оттолкнуть меня и уйти прочь навсегда. Но интерес и одиночество превозмогли страх.

- Да что ты можешь знать? О, я понимаю, о чем ты! Не мог спать и они стали посещать тебя? Но это не дает тебе право ходить за мной и говорить, что знаешь обо мне все! Ты ничего обо мне не знаешь! Ни-че-го!

Я будто проглотил собственный язык. Ее волосы промокли, облепили лицо густыми прядями, не делая его отвратительным, лишь скрывая слезы, которые слышались в голосе.

Она пошла прочь из кладбища, но не быстро, давая понять, что хочет моего присутствия рядом. Когда я, по мужскому обыкновению, хотел остановить ее, она вырывалась и убегала вперед, но потом снова сбавляла шаг. Я слышал ее тяжелое дыхание сквозь притихший шум дождя.

Она вывела меня на центральную городскую улицу, где, на удивление, было не так много людей. Скорее всего, из-за дождя, в выходной день все прятались по домам, или же моя спутница действительно обладала некой силой, которая очистила тротуары, покрыв их туманной дымкой. Она шла вперед, не смотря по сторонам и не обращая внимания на прохожих. Я плелся следом и мог лишь догадываться, чем закончится эта прогулка.

Вдруг она остановилась. Будто случайно, совершенно не запланировав этого, она посмотрела направо, где горела единственная на ближайшие сто метров вывеска. Изящные неоновые трубки гласили «Le goût vers la vie» («Вкус к жизни» (фр.)), и это был ресторан в классическом смысле этого слова — место, где люди в костюмах едят дорогую еду и слушают дорогую музыку.

Она смотрела сквозь стекло и почти не дышала. Настолько ее заворожило это место, так непохожее на тот мир, в котором мы живем каждый день, проводя часы в бдении, которое и жизнью-то назвать сложно.

Она, в своих черных сапогах, в черном дождевике; я в черной ветровке, джинсах и кроссовках. А там взгляду открывался совершенно новый свет, другая эпоха. Окно было занавешено наполовину, но в щели было видно, и я знал, что она тоже это видит, как по ту сторону окна несколько пар, затянутых в классические вечерние костюмы и платья, кружатся в танце.

- Завтра в полночь приходи к северному шоссе.

Она пошла прочь. Я не решился идти следом.

Сердце билось с бешеной скоростью, но я успокаивал себя тем, что стал на миг ближе к ней и к ее призракам.

Северное шоссе — место, что пронзает зеленую долину за городом, так называемую из-за лужаек, которые, несмотря на близость к трассе, не погибли из-за шума автомобилей и их испарений. С холма рядом с шоссе открывается прекрасный вид на весь город.

Говорят, что туда любят съезжаться парочки, желающие уединиться.

Но мне не нужна была нежность или объятия. Я и сам не знал, чего хочу, лишь бы она была рядом.

В эту ночь я спал без снов, как будто провалился в глубокую бездну, на дне которой меня ждало еще одно утро. Теперь все начинало обретать смысл. Время тянулось медленно, я ощущал физическое присутствие своих мыслей, они кричали и звали меня на шоссе прямо сейчас, словно от этого моя спутница появится там раньше.

Нет, мне нужно было совладать с собственным нетерпением, иначе психологическая травма была бы мне обеспечена на долгое время. Я постарался привести себя в форму, сделал зарядку, принял душ и плотно позавтракал. Обычное утро, такое же, как и несколько месяцев назад.

Но после... Усевшись на диван, я понял, что не могу ни о чем другом думать, кроме как о предстоящей встрече. Попытки проанализировать все придуманное самим собой,

чтобы встретиться с ней, ни к чему хорошему не вели. Все что я знал — лишь собственный блеф, который, так или иначе, зацепил ее некой важной темой. Скорее всего, я оказался прав насчет тех мотивов, что заставляли ее приходить на кладбище. Тень последних событий начала приобретать четкость в моей голове, но становилось лишь хуже. Только выпавшись как следует, я начал понимать, что за бред вообще происходил со мной. Призраки? Ожившие воспоминания? Неужели умственное расстройство на почве поисков и бессонницы смогло довести меня до того, что я начал верить в какую-то мистическую чертовщину, и, более того, сам начал придумывать ее?! Но ведь она слышала это и не отреагировала, как обычный человек отреагировал бы. И что-то это должно было означать.

Говорят, что когда ты не спишь долгое время, мозг не расслабляется, а, наоборот, начинает понемногу усиливать свое воздействие, но, тело не автомобиль, его невозможно гнать от заправки к заправке без длительной остановки. И, опять же по слухам, сердце не справляется с нагрузкой, что требует мозг для подпитки своих возможностей. Неужели на какое-то время я попал в такое состояние своего разума, где мой мозг, на пике своих возможностей, дал мне осознание чего-то неизведанного ранее?!

О, черт, не может быть, что я снова начинаю верить во все это!

Именно так, в сумасшествии от ожидания, и прошел день. Как только солнце провалилось за горизонт, что в городе происходит гораздо раньше, из-за искусственно приподнятой линии заката, я направился к месту встречи. Моя квартира находилась в северной части города, что я принял за удачу, ведь я мог пройти до шоссе по свежему воздуху, чтобы проветрить мысли, а это было мне очень необходимо.

Я шел по темным переулкам, стараясь избегать неоновых огней и придорожных фонарей. Что-то было в них сегодня нехорошее. Улицы были непривычно пусты, а весь будафорский свет стал зловещим, словно лампа от насекомых. Но я не собирался становиться глупым мотыльком, что безвольно летит на губительный свет. Сегодня вечером я дышал воздухом темноты.

Высокие дома остались позади, сменившись на двухэтажные дома и прочие приземистые развалюхи, которые по доброй традиции располагаются на окраинах. И, в один прекрасный момент, все вокруг исчезло, сменившись лишь темнотой по обе стороны от меня и одинокими автомобилями, изредка мельтешащими на шоссе впереди. Фонари на столбах горели далеко не все, обозначая своим светом причудливый шифр или играя в чехарду. Лампы мигали, а тень прыгала то к одному столбу, то к другому.

Пока я шел, глядя вверх, и был ослеплен искусственными светилками, то совсем не заметил, как вдали показался девичий силуэт. Мои глаза видели тьму не настоящую, полную неверных фигур, разноцветных, как если бы мир вокруг был рисунком ребенка на темной бумаге. Когда я опустил глаза, сквозь радужную феерию проступило видение той, кого я ждал.

В свете уличных фонарей ее одежда — воздушное платье темно-синего цвета, но в ночи превратившееся в воздушный сгусток темноты, прямо поверх которого грубыми чертами ложилась черная кожаная куртка; весь этот наряд контрастировал с бледным лицом, которое будто сильнее насыщалось лунным светом.

Когда она подошла ко мне, к горлу подступил комок. Я снова подловил себя на мысли, что она не могла похвастаться какой-то волшебной красотой, однако ее внешность определенно обладала противоположным моему полюсу магнетизмом — так сильно меня влекла ее грустная улыбка, ее большие синие глаза, ее тонкая и изящная шея, и ключицы, приоткрытые воротом куртки.

И, конечно же, волосы, представшие передо мной во всей красе. С распущенными волосами моя спутница выглядела так по-настоящему, так живо, что когда легкий

ветерок отрывал ее лишь едва заметные в ночной феерии локоны, я чувствовал их движение каждым биением сердца, каждым вдохом.

Мы шли вдоль дороги прочь из города, и все дальше, даже когда исчезли последние заправки, редкие фонари перестали освещать наш путь и мир вокруг погрузился во мрак, лишь иногда рассекаемый лучами света от появляющейся, или вновь исчезающей за невидимыми облаками, луны.

Не понимая, зачем это делаю, я рассказывал спутнице о своей жизни. Держались за руки, это придавало мне уверенности в себе, что делала мой голос тверже, и, не считая шагов, наш путь становился все длиннее с каждым лишним метром моего повествования.

Слушая ее молчание, я становился более раскрепощенным. Может быть, я подсознательно боялся, что она раскроет любую ложь, любую фальшь в моем рассказе, и этот самогипноз вел меня по горькой дорожке правды. Не стесняясь дрожи в голосе, я рассказал о смерти матери и отца, рассказал о своей первой любви и о несчастных друзьях, ведь не каждый из них смог бы дожить до моего теперешнего возраста. Я рассказал, как мой дядя заботился обо мне, как я боюсь, что с ним что-нибудь случится, ведь он единственный человек, которого я знаю в этом мире.

С каждым шагом я чувствовал, как мне становится все легче, жизнь снова обретает важность, а интерес к ней заставляет мое сердце биться быстрее. С каждым словом я понимал, что именно это и есть любовь — непонятная и бурная. Никогда раньше я не был уверен в том, что завтрашний день будет лучше предыдущего.

Мы дошли до знака, что сообщал о десятикилометровом рубеже, и моя спутница остановилась. Всю дорогу она молчала, но я чувствовал ее по сбивчивому дыханию, по дрожанию ладони, когда я рассказывал о самом сокровенном, чего не знал никто, даже мой дядя, ставший кем-то даже лучшим, чем просто приемный отец. В некоторые моменты я останавливал повествование, чтобы вдохнуть побольше воздуха, и я слышал громкое и частое биение ее сердца, она принимала груз моей жизни на себя.

А сейчас она остановилась и посмотрела на меня. В ее глазах я видел отражение собственного лица, освещенного лунным светом, — такое маленькое и искаженное — такое же, как и моя важность перед вопросом, что я боялся произнести вслух.

Она положила свободную руку мне на грудь и спросила:

- Что ты почувствовал, когда понял, что твой отец мертв?

- Боль... и отчаяние, — произнес я, подумав лишь пару мгновений.

- И все? — ее голос был тихим, но пытливым, погружающим в самые далекие уголки мозга, где он звучал эхом, будто приказ. — Неужели не было легкости и свободы, чувства освобождения или отмщения за человека, которого так любил?

Я боялся ее слов. В ночи она вела себя совсем иначе, уверенно и твердо вопрошала об ужасных вещах.

- Почему ты спрашиваешь? — спросил я.

И она рассказала.

Она не помнила своего отца. Он был спортсменом, культуристом, всегда заботился о здоровом образе жизни. И умер в возрасте тридцати двух лет, через три года после рождения единственной дочери, от рака кожи. Тогда, в маленьком городке, мало кто знал об этом заболевании, и маленькую девочку с матерью вежливо, но настойчиво, попросили перебраться на окраину, где город граничит с лесом. Все не было бы так плохо, но врожденная непереносимость солнечного света оказалась единственным наследием отца для маленькой девочки.

Мать, любящая, но чрезвычайно сильно опекающая своего ребенка, запрещала ей выходить на улицу даже в пасмурную погоду. Девочка росла в четырех стенах, зная о

том, что происходит вокруг лишь из книжек, ставшими для нее настоящим атласом в окружающем мире. Выдумка сливалась с реальностью, картинки оживали в ее глазах, как по волшебству, а стоило отвлечься от чтения, как вокруг оставалась лишь вечно больная от работы мать. И жгучее солнце, которое играло с маленькой девочкой, звало на волю, она словно слышала его, но, каждый раз, нещадно наказывало, стоило лишь взглянуть на ярко освещенную поверхность, не говоря уже о выходе на свежий воздух. А зимой, на окраине города, когда снег ложился ровным белым полотном, и солнце насмешливо зажигало каждую снежинку в этом бесконечном поле, заставляя глаза слепнуть, девочка пряталась в подвале, и тогда тени вокруг оживали под слабыми лучами масляной лампы.

Реальность и жизнь разочаровали девочку. Они жестоко пошутили над ней, заставив все время находиться в окружении стен и пляшущих на них теней. Единственным настоящим другом для нее стала домашняя крыса, однажды появившаяся на крыльце дома девочки.

В тот день стояла ужасная солнечная погода, а девочка стояла в углу рядом с окном, из которого открывался вид на крыльцо и дворик перед домом. Ее глаза были прикрыты мамиными солнечными очками, большими и неуклюжими, но только в них девочка могла видеть то немногое, что приоткрывали ей окна дома, ставшего ее крепостью на долгие годы.

Стоя в тени уютных стен, она заметила странное движение во дворике. Маленькое существо, не боясь солнечного света, бежало прямо к крыльцу. Когда оно приблизилось к первой ступени, движение прекратилось. Девочка думала, что существо заблудилось, будучи ослепленным беспощадным светилом, но, спустя несколько минут беспрестанного наблюдения, она не выдержала и вышла на улицу.

Навес над крыльцом был специально сконструирован так, чтобы защищать тенью максимально возможную территорию. Девочка подошла к границе света и тени настолько, насколько это было возможно, и заглянула вниз, к концу лестницы.

Внизу, маленькая крыса лежала на земле и тяжело дышала. На ее мохнатом туловище явно виднелись следы крови. От неожиданности, девочка наклонилась и зацепила рукой дышащий комочек. Правая рука почти сразу покрылась неприятной краснотой, которая выглядела словно вареная колбаса, и чесалась ужасно.

- Наверное, она убежала от своих хозяев. - Сказала девочка матери.

- Тьфу, выкинь эту гадость. Это же крыса, ты не знаешь, где она была и какую только гадость не принесла на своем противном хвосте.

Хвост новоиспеченного питомца был розовым и лысым, если не упоминать о том, что добрая его половина и вовсе отсутствовала.

- Доченька, я ведь хочу, чтобы ты росла умной и здоровой. Ты итак должна понимать, сколько мама делает для тебя, а ты принесла домой такой рассадник заразы, да еще и руку поранила.

Но девочка не послушала маму и оставила крысу себе, спрятав ее в большом деревянном ящике в подвале.

С того времени она спускалась в подвал все чаще, зажигала свою масляную лампу, чтобы убрать ящик и насладиться игрой с маленьким крысенышем, который оживал и, в тусклом оранжевом свете, становился настоящим гигантом, и неважно, что лишь на стене.

И вот однажды, девочка, дождавшись, когда мама уйдет на работу, в очередной раз спустилась под землю, ее ждало разочарование столь сильное, что оно могло сравниться лишь с небольшим количеством случаев ее жизни.

Ее друг едва шевелился в своем домике. Его движения были скованными и слабыми.

Подергивая половинкой хвоста, он не мог шевелить задними лапами, и только мордочка дергалась к хозяйке, наполненная отчаянием, слишком огромным для такого

маленького существа. Целый день девочка не умолкала, сидя в подвале и выходя лишь затем, чтобы стащить немного пищи для умирающего питомца. Она плакала, поглаживала его ставшую жесткой шерсть, приговаривая ласковые слова, потом рассказывала ему истории из книжек, убаюкивала стихами и песнями, но любимцу становилось все хуже.

- Он начал кричать, - ее глаза были полны боли, но рассказ уже увлек ее в бездну воспоминаний. - Он кричал громко и страшно, почти по-человечьи. Черт подери, я даже в самых ужасных снах не могла представить, что это будет настолько ужасно! Только потом, спустя много лет, я узнала, что это был рак. Что крысы страдают им гораздо сильнее людей, и боль от ног, пораженных опухолью, поднималась в его маленький мозг.

Девочка гладила питомца, проливая на него слезы и поток утешительных слов, и одну-единственную просьбу к богу, о существовании которого она знала из книг. Она просила того, кто, в ее понимании, был существом, способным исполнить желание, о том, чтобы ее крыс скорее перестал кричать и выздоровел, но ничего не помогало. Наверху раздался голос матери. Она пришла с работы.

Девочка вся дрожала, прикрывая рот своему другу, боясь, вдруг, если мать узнает, что дочь не выкинула заразного питомца, это рассердит ее, она просто бросит его умирать на помойке.

В какой-то момент, наиболее жестокий, все остановилось. Звуки затихли, время превратилось в густой туман. Может это произошло из-за пелены слез, застилающих глаза девочки, но она почувствовала взгляд малыша в ее руках на себе. Он перестал кричать, его глаза были едва открыты, что лишь сквозь маленькие щелочки он умоляюще смотрел на хозяйку и на друга.

Ощущение исчезло. Малыш снова захотел кричать, и девочка, отвернувшись в сторону, роняя на землю десятки слез, сжала свои маленькие кулачки крепко-крепко... Она даже не услышала хруста за стеной своего плача.

- Когда я поднялась наверх, мать не поинтересовалась, почему я все в слезах и грязи. Она готовила ужин и просила не мешать ей. За окном сгущались сумерки и, одевшись, я вынесла под курткой тело своего питомца.

На улице бушевал ветер. Не ураган, но все же достаточно сильный, чтобы девочка испугалась, что ее унесет прочь от ее крепости. Но план уже сформировался в ее голове, и она не намерена была отступать.

Короткими перебежками от куста к дереву и дальше, она обогнула дом до безветренной стороны. Там, выкопав ладошками яму, достаточную для успокоения своего любимца, похоронила его. И, когда дело было сделано, она поняла, что произошло только что. Смерть друга освободила ее из уз страха перед окружающим миром. Она выскочила прямо в объятия ветра, сейчас девочка хотела, чтобы ее унесло прочь, далеко-далеко, где всегда ночь и где можно кружиться под музыку ветра бесконечно. Каждый миг нескольких минут девочка наслаждалась тем обилием шума, что окружал ее и резал слух, но был таким желанным. Каждый шаг по мягкой и податливой земле вызывал желание сбросить обувь, чтобы почувствовать холод ногами.

- Это было прекрасно. По иронии судьбы, один из страшнейших дней моей жизни, стал же и счастливейшим.

Мы шли обратно, с той же скоростью, взявшись за руки. Я чувствовал, какие эмоции бушуют в ее душе всем своим телом, от ушей до кончиков пальцев, которые она сжимала своей ладошкой.

- Через семь лет, когда мне исполнилось четырнадцать, несчастье приключилось и с матерью. Я смотрела в окно и видела, как она, в свой выходной, работает в саду, ее это успокаивало, а может, даже давало смысл в жизни. Как будто цветы и прочая зелень требует куда большего ухода, чем больная дочь, обреченная всю жизнь провести в стенах. Внезапно, она схватилась за сердце и упала навзничь. Я видела это собственными глазами, но ничего не могла поделать. Гадкое солнце даже не пряталось за тучей. Я видела тело матери размером со спичечный коробок. Я набрала все известные номера телефонов, но никто не отзывался. Лишь спустя два часа бесконечной паники и отчаяния, я, посреди жаркого лета, вышла на улицу в нескольких куртках с дождевиком поверх всего этого уродства, чтобы не зажариться на солнце. Но было уже слишком поздно...

Ее слова были ужасны, ужасны настолько, что мои грехи были лишь песчинкой в часах размером с тем, что ей довелось пережить. Она перестала говорить, поставила точку, не рассказывая о том, как она жила после всего произошедшего, не добавила ни слова о том, чем занимается, и что ее мучает.

Лишь рассказ о прошлом, послуживший мне опорой, которая помогла совершить лишь один-единственный шаг к ней в голову. Этого оказалось достаточно, что влюбить меня по уши.

Я смотрел на ее блестящие глаза, полные слез, на хрупкое тело и понимал, что с ней нам не суждено быть вместе из-за того, ведь мы уже знаем друг о друге слишком много. Но я мог надеяться на взаимность с ее стороны.

Я притянул ее поближе и осторожно прикоснулся, не поцеловал, а лишь слегка приложил свои губы к ее губам. Почувствовал вкус ее слез и вдохнул частое дыхание. Она хотела меня поцеловать, но я чувствовал то, что и ей открылось понимание того, как наши отношения становятся слишком большими друг для друга. Она прижала свою щеку к моей, и это прикосновение сказало мне больше чем тысяча любых слов, липнувших к языку.

Молния сверкнула, гром затих, и так же неизбежно она отстранилась от меня.

На ее лице улыбка была подобна лезвию бритвы, тонкая, жестокая, терзающая мое тело. Страх, что она со мной лишь играет, пробудился неожиданно, ведь я не задумывался раньше об этом.

Немного совладав с собой, я сказал:

- Что ты хочешь, чтобы я сделал для тебя?

- А разве ты должен что-то совершать? Это необходимо? - снова тихий спокойный голос.

- Я хочу быть с тобой до самого конца. Пока мы не поймем, что дальше будет лишь смерть, и ради этого я готов сделать все, что угодно.

На миг, как от дуновения ветра, ее взгляд дрогнул, когда прозвучало слово «смерть», несмотря на то, что наш оконченный разговор только и шел о ней. Это было странно, даже неуютно. Ее мысли были недоступны мне, но что-то ее задело,

Спустя некоторое молчание, она ответила:

- Я хочу, чтобы мы с тобой притворились кем-то другим. Только так у нас есть шанс узнать друг друга лучше. Ты помнишь, в тот день, когда мы встретились второй раз, я задержалась перед одной дверью?

Я лишь молча кивнул, понимая, что говорит она о ресторане «Le goût vers la vie», об острове прошлого в серых тонах настоящего.

- Там мы можем стать кем угодно. Ты можешь быть моим братом, любовником или

мужем. И лишь один танец расскажет нам больше, сделает нас похожими.

Последний танец

Дверь распахнулась, а яркий свет ослепил глаза, они, уже привыкшие к черно-белому фильму, не были подготовлены к такому удару. Цвета всех оттенков золотого окружали нас повсюду, музыка сочилась сквозь анфиладу впереди, звала к себе навстречу.

Швейцар приветливо улыбнулся и, ознакомившись с наличием наших имен в списке гостей, подозвал девушку из гардероба.

Я помог своей спутнице, которая назвалась Лилиан в этот вечер, снять пальто. Ее аккуратная прическа, уложенная волнистыми прядями набок, и темно-синее коктейльное платье сразу же привлекли мое внимание. Она была совершенно иной, настолько сильно отличалась от девушки, которая рассказывала мне об ужасных вещах и прижималась со слезами на глазах. Мне стало не по себе от мысли: «Неужели она все это время лишь играла со мной?» С какой умелой грацией она двигалась, разговаривала сейчас, все это придавало ей шарм светской львицы, но все-таки оставляло сомнения об ее истинной природе.

Я скинул собственное пальто и передал его даме, явно недовольной моим временным ступором.

- Позвольте, господа, я провожу вас к столику, - сказал внезапно появившийся из ниоткуда молодой официант.

Лилиан подала мне свою правую руку, и мы направились за проводником.

Роскошь окружавшего нас антуража поражала своей вычурностью и необыкновенной красотой. Я никогда раньше не видел столько картин, золоченых узоров на изумрудного цвета стенах, резных рам вокруг огромных зеркал, отполированных до такого безупречного блеска, что, казалось, будто ты смотришь сквозь окно в соседний проход, где, как нельзя кстати, проходят твои двойники.

Я никогда раньше бы не подумал, что внутри насквозь пропитанного мраком и суетой города находится такое изысканное и не вписывающееся в реальность место, похожее на дворец давно забытых правителей.

За анфиладой угадывался поворот в зал, свет оттуда плясал на стенах, его очень выгодно поглощали люстры со свечами над головой.

Когда мы повернули налево и увидели обеденный зал, я почувствовал, как кисть моей спутницы невольно сжала мою руку. Ее глаза расширились от удивления и восторга. Мне и самому стало немного не по себе — словно я обманом попал в место, куда мне запрещали идти всю жизнь. Было преступлением даже просто смотреть на всех этих людей, на украшения, окружавшие каждый столик, каждый декоративный элемент. В правой части зала располагались круглые столы с белоснежными скатертями, огромными букетами неизвестных цветов, которые пахли так тонко и ароматно, что создавалось впечатление, будто они же и являются фирменным блюдом.

Столов было больше двух десятков — настолько большим была эта часть помещения.

Но занятыми оказались не больше семи, что немного обескураживало, но все-таки успокаивало — ведь было бы глупо сделать что-то не так перед куда большим количеством посетителей. Все мужчины были в смокингах, и я, на секунду забыв о своем, немного опешил, почувствовав себя голым. Но нужно было идти дальше.

Слева, из-за небольшого насаждения комнатных растений, открывался вид на сцену и танцевальный зал, где пылающие страстью и некоторым опьянением от алкоголя и своей состоятельности пары двигались в такт живой музыке, исполняемой небольшим оркестром. Силуэты двигались влево-вправо, вперед-назад, каждый по своему, они то разделялись на два очертания, то снова сходились в единое целое.

Когда мы сели за стол и заказали основные блюда, нам принесли легкий аперитив — сок из несладких сортов винограда. Я чувствовал себя не в своей тарелке от происходящего, но это не мешало любоваться спутницей. Нежно-розовая помада

подчеркивала ее губы на белоснежном лице, линия черных волос плавно переходила в воротник платья без декольте, так уместно выделявшее ее утонченность. Моя ладонь еще помнила прикосновение к ее спине, прохладной, то ли от дождя, то ли от ее природного недуга.

- Здесь столько света, - сказал я. - Тебе неприятно?

- Нет, все в порядке, - немного подумав, ответила Лилиан. - По странности, моя кожа реагирует только на солнечный свет. Здесь я чувствую себя словно в раю.

Она улыбалась, уголки ее губ открывали маленькие ямочки на щеках. Она выглядела такой счастливой, а вместе с тем и я становился уверенней.

- Итак, Дезмонд, - произнесла она вскользь, сделав акцент на моем фальшивом имени. - Что ты чувствуешь, оказавшись в этом месте?

- Неловкость. До сих пор меня держит в тисках ощущение нереальности происходящего. Как сон, в котором становится страшно — а проснусь ли я вообще?

Она еще раз улыбнулась, но дерзко, как хищница, загнавшая жертву в ловушку. Ее глаза смотрели прямо на меня, она не опускала взгляд, читала мои эмоции, пила их прямо из моего сердца.

- Тот же вопрос и тебе, Лилиан, - я также выделил ее «имя», пытаюсь сделать эту фразу ответным уколом. - Ты так желала притвориться кем-то другим и вот — у тебя другое имя, твой вид уверенный и счастливый, но получила ли ты то, зачем пришла?

- Пока нет, - тихо ответила она, отведя глаза в сторону.

Она смотрела в сторону танцевального зала, на движущиеся тела, которые повиновались каждому изменению ритма, каждой ноте, как загипнотизированные. С каждым па, которое повторялось вновь и вновь, она делала вдох и задерживала дыхание. Лилиан, несмотря на мои опасения, в ней все еще угадывались черты той маленькой девочки, что играла в подвале с тенями. Будь ее воля — она бы с удовольствием взяла один из инструментов и также повелевала каждым движением танцующих.

Она заказала мясо слабой прожарки, так называемый «гаге», с ним подавались овощи, приготовленные на гриле. На тарелке это выглядело весьма изысканно, сочный стейк с кровью, аккуратно разложенные по цветам всевозможные стручки и кусочки овощей, соус из авокадо в отдельной емкости. Я же взял себе цыпленка с печенью и желтыми томатами «черри», во всяком случае, на бумаге это показалось мне наилучшим выбором.

Вино, по совету официанта, того самого парня, что проводил нас к столу, оказалось сухим и терпким, но оставляло приятное послевкусие и пьянило голову после первого же глотка.

Но, даже почувствовав легкость, я никак не мог разговорить Лилиан, даже имя ее казалось мне чуждым этой девушке. Она была хрупкой и нежной, но в душе таилась коварный хищник, а оружием могло оказаться любое слово.

Я находился на прекраснейшем свидании в своей жизни с той, кто заполнила всю мою жизнь, потому что прошлое растаяло после нашей встречи, но ощущение поддельности происходящего угнетало все вокруг. Мы, как пара, познакомившаяся вслепую, без знакомства, без переживаний. Не было больше нашего разговора на отшибе города, в темноте, пьянящей не хуже Кьянти на столе.

- Что будет потом? - выпалил я.

Она помолчала, представив, будто ей почудилась эта реплика.

- Ты хочешь знать, будет ли у нас секс? - ехидно ответила она своим вопросом.

- Это ли я хочу услышать от тебя? Хочу сказать тебе правду — я чувствую, что все это не по-настоящему, и никаким образом не относится к нашим реальным отношениям.

- Но ведь я сказала тебе, что хочу почувствовать себя другой. Ты понятия не имеешь, какая я, в кого ты влюбился, словно мальчишка в лагере в девчонку, которая отдалась

тебе просто от скуки. Я хочу быть такой.

Она злилась, и это возбуждало меня. Я понял, что нахожусь на верном пути к открытию ее истинной сути.

- Не боишься ли ты того, что узнав меня на самом деле, ты можешь столкнуться с чем-то настолько отличным от твоих представлений, что ты сам не захочешь быть рядом?

- Я лишь хочу понять то, что уже знаю. Хочу прикоснуться к тебе, хочу поцеловать и обнять и услышать вещи, которые ты никому не говорила раньше. И это я не об истории твоей жизни.

- То есть вместо того, чтобы забраться ко мне в трусики, ты хочешь трахнуть мою душу?

Я откинулся на стуле и расстегнул воротник. Бабочку пришлось развязать, она повисла по обе стороны шеи, как порванная удавка. Столь сильно она изменилась. Она играла, как хорошая актриса в неподходящем ей фильме, переигрывала, но была по-прежнему великолепна. И я боялся признаться даже себе, что теперь и эта ее сторона возбуждала неподдельный интерес. Я узнал совсем другую девушку, и чувствовал себя гадким изменником, но именно это и держало меня здесь.

Она замолчала. Вдруг она встала и пошла в сторону танцующих силуэтов. Я не знал, стоило ли мне идти за ней. Я смотрел то в сторону ее отдаляющегося силуэта, то на бокал с едва заметными следами помады.

Она подошла к мужчине, что стоял у стены рядом с танцевальным залом и курил то ли сигарету, то ли сигариллу, аккуратно стряхивая пепел в чашу рядом. После нескольких слов они направились куда-то в сторону, где за листьями одного из растений угадывалась табличка пожарного выхода. Лилиан еще раз обернулась и посмотрела на меня взглядом, что отличал ее от той, «другой» девушки.

Я подозвал официанта и попросил принести счет. В его глазах читалось недоумение, ведь в такой поздний час посетители ресторана заходили совсем не для того, чтобы просто поужинать. Но я все-таки настоял на своем и, через несколько минут, на столе красовалась кожаная книжка с пачкой купюр внутри. Я совершенно не думал о выпотрошенном счете в банке, который обеспечил проход в это изысканное заведение, мой новый смокинг и стоимость дорогих блюд. Я сидел и размышлял о том, что я, похоже, был единственным человеком в этом заведении, чью душу трахнули по-полной. Вывернули наизнанку и изнасиловали, да так, что ни один мозгоправ не вернет все на место, в том порядке, в котором я всю свою жизнь выстраивал каждый мельчайший случай, каждое мимолетное воспоминание. Когда официант пришел забирать книжку, он принес мне последний заказ — дорогую сигару из самого конца меню. Ловким движением он обрезал запечатанный кончик и подал мне ее для прикуривания. Я никогда раньше не курил даже сигарет, поэтому моя неопытность не обошла стороной этого услужливого парня. Огонь на деревянной спичке облизывал поверхность сигары, но никак не поглощал ее, не позволял моим легким вдохнуть густого едкого дыма.

- Вы позволите? - спросил официант, хотя я понятия не имел, о чем он.

Жестом я показал ему, что он вправе делать то, что захочет.

Он сел напротив, как раз рядом с бокалом, на ободке которого еще угадывались очертания розовых губ. В несколько движений и затяжек, кончик табачного изделия покрылся оранжевой чешуей и заполнил пространство голубоватым дымом, таким густым, что к нему можно было прикоснуться.

- Наше начальство давно уже отсутствует, поэтому мы с поварами предоставлены сами себе, - как бы невзначай сказал он, передав мне сигару. - Я Дэниел.

- Приятно познакомиться. Дэниел, - мы пожали друг другу руки.

- Проблемы со спутницей? - сразу же спросил он.

- Дэниел, тебе разве не нужно обслуживать другие столики, - надменно сказал я, увиливая от ответа. Меньше всего мне хотелось обсуждать произошедшее с

официантом.

- У нас почти на каждый столик есть свой официант. Поэтому вы — мои единственные клиенты на этот вечер.

Я наполнил бокалы остатками вина и передал ему свой. Сам же я взял бокал Лилиан.

- Думаете, она вернется? - спросил Дэниел.

- Нет, ошибаешься, я об этом не думаю. Я хочу выкурить эту сигару и отправиться домой, чтобы забыть об этом вечере и перестать притворяться.

- Знаете, тот мужчина, с которым вышла ваша девушка — он родственник владельца этого ресторана. Иначе мы бы просто не позволили им выйти через пожарный выход.

Но вас я могу пропустить, если хотите, конечно.

- Спасибо, я обязательно подумаю над этим.

Мы пили вино и курили эту вонючую сигару, передавая из рук в руки, как трубку мира. Кто-то из клиентов косо посматривал в сторону нашего столика, и я даже хотел сказать что-то о возможных жалобах, но передумал. Дэниел вдувал вид человека, который знает, что делает, несмотря на возраст такой же, как и у меня.

Через некоторое время, вряд ли оно превышало пару минут, но растянулось на часы, Дэниел вернул мне сигару, еще добрую ее половину, и ушел. За клубами дыма я не видел происходящего, и это было прекрасным моментом и поводом погрузиться в мысли. Но их не было. Как ни странно, я думал лишь о том, как хорошо сочетается вкус вина, которое мне не нравилось, со вкусом сигары, которая нравилась мне еще меньше. Вдруг я увидел Лилиан. Она медленно шла в мою сторону, ее взгляд соприкасался с моим в такте медленного вальса, который звучал на сцене. Ее волосы были также идеально уложены, но в них угадывались капли дождя, как крошечные алмазы в лучах агрессивного освещения, по ее плечам бежали тонкие ручейки, а на лице играла улыбка. Те же ямочки, но помада была другой. Похоже, что она покрасила губы повторно, взамен испорченного слоя. Алая полоса, пухлая и вульгарная, манила меня к себе.

Я затушил сигару, сильно, со злостью, вдавил ее в мрамор пепельницы, и пошел ей навстречу. Мы встретились как раз в центре танцевальной площадки и, не сговариваясь, прижались друг к другу. Несмотря на притупленные сигарой рецепторы, я все-таки учуял незнакомый запах — запах вишневого табака, исходивший от ее волос, кожи и этих алых губ.

- И что же ты сделала?

- Я просто немного притупила свою злость на тебя, - тихо и спокойно ответила она.

Мы кружились под огромной люстрой в центре зала, медленно, совсем не так, как окружавшие нас люди.

- Неужели мой разговор разозлил тебя настолько сильно, что ты... - и я замолчал.

Осознание того, что это был наш последний танец, и больше мы никогда не увидимся, вдруг постучало в мою голову.

Она вытолкнула меня на свежий воздух.

За пожарным выходом находился обычный тесный переулок, с обычными мусорными баками, грязью и лужами, что блестели всеми цветами радуги от масла или бензина.

- Ты же хочешь этого? - сказала она, прижимая меня к мокрой стене.

Она жадно впивалась в меня губами, то ли целуя, то ли кусая за подбородок, шею и уши. В какие-то моменты это было слишком, я даже чувствовал боль, но никак не мог совладать с этим порывом.

Я отвечал на ее поцелуи своими, мы тесно жались телами, от происходящего становилось жарко настолько, что дождь испарялся на наших волосах и коже.

Она немного отстранилась и разорвала нижнюю часть платья до пояса, после чего закинула свою левую ногу мне на бедро. Я схватил и принялся нагло лапать ее белую кожу, все еще холодную, как и раньше.

- Я столько всего натворила в жизни. А ты был единственным человеком, кто хотел узнать меня ближе.

Ее слова были похожи на лихорадочный бред, произнесенный в пылу страсти. И я совсем не знал, как на него реагировать.

Мои ноги промокли насквозь, ботинки были окончательно испорчены, но я думал лишь о своей правой кисти, что приближалась к точке в ее теле, окутанной жаром. Она извивалась на мне, давила прямо на землю, но я удерживал равновесие, аккуратно массируя ее трусски. Стон вырвался из ее горла, она глубоко дышала, но все еще пыталась что-то сказать.

- Пойми, ты должен стать таким же, как я, если действительно хочешь прочувствовать все, что испытала я в этой жизни. Пути назад не будет.

Я погрузил палец в ее лоно, горячее и манящее. Она стонала и бросалась в мои объятия все сильнее, словно желая слиться воедино, в единое естество. Кусала и пощипывала губами мою шею. Я чувствовал, что мы оба находимся на пике удовольствия.

Ее правая ладонь скользнула холодным прикосновением от моей щеки до kloкочущего пульса, я почувствовал укол, а потом легкость. Это было похоже на слабость, сон после долгой бессонницы, на наркотическую эйфорию.

Лишь потом я вспомнил сквозь алкогольный туман, что платье она не порвала, а аккуратно разрешила тонким блестящим предметом.

Пока мы двигались в такт, как одни из этих танцоров там, вдалеке, я чувствовал, что силы покидают меня, что оргазм все сильнее захватывает мое тело. Кровь в шее стучала быстро и сильно, пульс надрывался, как землетрясение. В глазах темнело.

Не отпуская ее спины, я слегка отстранился, продолжая двигаться.

На ее губах была кровь. Даже в кромешной темноте я смог бы отличить ее алую помаду от красной жидкости, стекавшей по ее губам, по тем самым ямочкам.

Моя кровь.

Она снова бросилась на меня, желая закончить начатое, что бы ни являлось ее целью.

Ее тело дрожало от удовольствия, я, не чувствуя ни ног, ни рук, продолжал входить в нее на автомате. Голова холодела, а дыхание сбивалось и пропадало через такт...

Когда мы достигли пика, она громко вдохнула, это очень было похоже на захлебнувшийся крик.

Я упал на землю, сидя, не думая, накинул брюки. Застегнуть их уже не представлялось возможным, тело немело, глаза окончательно закрывались от мрачной неги.

Из последних сил я поднял голову вверх и посмотрел на нее, она удалялась в сторону улицы, но обернувшись, я увидел лицо той робкой девушки, что заворожила меня своей простой красотой и неизведанным страхом.

Вдруг стены вспыхнули огнями. Красный сменялся синим и наоборот, и снова, и снова.

Она побежала прочь, без туфель, без пальто, которые остались в гардеробе. За ней побежал мужчина в одежде полицейского, но это уже было неважно для меня. Даже моя задница перестала держать меня ровно, и я свалился на бок.

Последнее, что я увидел — это тело, угадывавшееся в темноте между мусорными баками. По темно-коричневым ботинкам я опознал в нем человека, курившего вишневые то ли сигареты, то ли сигариллы.

Эпилог

Врачи сказали, что шрама не останется. Обосновали это тем, что надрез был выполнен профессионально и аккуратно. Скальпель так и не нашли, возможно, он был для нее чем-то особенным, как талисман.

А еще они сказали, что теперь моя жизнь относится к одному из чудес света, слишком уж много крови я потерял на момент, когда патрульный увидел падающий на асфальт силуэт в переулке.

За эти два месяца, что я провел в больнице, они только и делали что говорили, говорили, но я не слушал их. Мои мысли были заняты другим.

Я не думал о мотиве, который подтолкнул Лилиан на такой поступок. Напротив, отчасти мне даже стало ясно, что все ее личности, успел я с ними познакомиться или нет, все они – лишь плод ее игривого желания перевоплотиться в другого человека. От начала и до конца все было безумной постановкой. А я случайно попался на роль статиста, который возомнил себя в главной роли.

Все было игрой, кроме одной мелочи...

Поздним вечером я все-таки добрался до своей квартиры. Счета, счета, электронное письмо от дяди, который даже понятия не имел, что со мной случилось, поэтому и не навещал. Никаких следов возможного взлома, которого я, почему-то, даже ждал. Первым делом я сел за ноутбук — банальная моторика, не оставившая меня даже после длительного отсутствия. Включив его, я обнаружил себя в полнейшей пустоте. Не хотелось работать, и плевать, что после такого долгого перерыва все придется начинать с самого начала. Не хотелось смотреть новости, произошедшие в мире за последнее время.

Смешно признаваться, но даже желание самостоятельно снять напряжение, которое терзало меня в госпитале, улетучилось.

И я понял, что мне необходимо.

Я открыл новый текстовый документ и решил выплеснуть все значимые события своей жизни туда, в экран, в горящий поток информации. Но на этот раз по-настоящему. Оставить все как есть, ничего не удаляя.

Месяц я писал свою хронику. Я засыпал за ноутбуком, я ел в этой же комнате, иногда расхаживая с тарелкой в руках, обдумывая, что я хочу поведать себе дальше. Несколько раз, от истощения, находясь в бесконтрольном состоянии, я просто отключал свою печатную машинку, не сохраняя ничего, как трус, как в старые добрые времена. И тогда, преодолевая сон, подкрепляясь злостью на самого себя, я снова продолжал вести внутренний монолог. Голос в голове не затыкался, он все нашептывал: «А ты помнишь? Помнишь это?»

Мое тело стало похоже на белоснежный саван, плотно окутавший скелет. Даже еще бледнее, чем в день выписки. Знали бы доктора, как глубоко в задницу я закинул их предписания о правильном питании, чтобы восстановить баланс веществ и насыщенность крови.

Изо дня в день мне становилось все труднее дышать, легкие стали слабы, как у больного пневмонией. Но история гипнотизировала меня. Мне казалось, что я знал больше, что я заглянул в душу каждому человеку, которого я встречал на своем жизненном пути.

Иногда я смеялся от созерцания написанных моментов моей жизни, что вызывали смех. Иногда плакал, читая о том, что заставляло меня плакать.

Однажды утром я проснулся от чувства, будто кто-то жег мое тело огромной лупой, как муравья. Вскочив на кровати, я понял, что это внезапно взошедшее в наших краях

солнце. Организм начал задыхаться, тело трепетало под назойливыми лучами, как шипит мясо на костре.

Я задернул шторы, но это не помогло, температура не спадала, мне становилось душно. Пришлось сломать кровать и сделать из нее подобие ящика, в который помещалось мое тело.

Я начал писать только ночью. Это сокращало общее время, проведенное за воспоминаниями, но ночью я и чувствовал себя лучше — свежесть из раскрытых окон радовала меня, тело бодрилось. В некоторые ночи я даже выходил на прогулку и за припасами и не возвращался до самого утра.

Во время одной из таких прогулок я задумался о предписаниях врачей. Мне стало страшно от того, насколько худым и бледным я становился. Мне нравилось мое существование, оно было явным подтверждением моей теории об усиленном обращении к мозговой деятельности уставшим без сна организмом. Но пугало меня то, что в один определенный момент я мог просто растаять, не проснуться или не поднять свое тело из кровати.

В момент размышлений показался силуэт впереди. Это был парень лет двадцати пяти-восьми. Он был пьян.

Когда мы поровнялись, он специально толкнул меня плечом.

- Эй, какого хрена! Ты что себе позволяешь?

Я ни слова не ответил. Немного испугался, но мозг работал на полную катушку, предсказывал все, что происходило вокруг. Я знал, что он делает в этот момент, провоцирует, ищет приключений.

И так же я знал, что силой мне его не взять, особенно в том состоянии, в которое я себя поверг взамен чистого разума.

- Значит, в молчанку будешь играть? Посмотрим, как тебе понравятся такие игры.

Что-то щелкнуло, и в его руке блеснула полоса. Он сделал шаг вперед, а я чуть-чуть попятился. Адреналин опьянил мое измученное тело, как алкоголь на голодный желудок, в висках стучало, а руки и ноги наливались теплом.

В момент, когда он сделал рывок, я поймал его движение взглядом и толкнул его ногу, занесенную для шага. Он потерял равновесие и упал на дорогу. Когда его тело коснулось земли, послышался хрип. Я поспешил перевернуть его и увидел нож с выкидным лезвием, торчащий из его правого плеча. Он лежал на спине, глядя на рукоять без лезвия, что вошел в его тело глубоко настолько, что я не мог оценить его настоящую длину. Он не мог кричать, видимо, от удара о землю.

Я вытащил нож, с трудом, длиной лезвие было около пяти-шести дюймов.

И когда свет попал на оружие, я увидел пятна крови на нем. Они казались густыми, медленно скапывающими на куртку моей первой жертвы. Повинуясь мимолетному импульсу, находясь под действием наркотического адреналина, я всадил лезвие в аорту этому проходимцу.

Кровь заструилась, разошлась лужей за секунды, а я, как ребенок, который только что разбил вазу, не знал что делать. Совершенно не соображая, я упал на колени и принялся пить эту жидкость прямо из его шеи. Она была теплой, даже горячей, обжигала небо и пищевод, но вместе с жадными глотками в меня поступал алкоголь. Голова кружилась от неудобного положения, ноги затекли в один момент, но я не мог остановиться. Я продолжал пить до тех пор, пока неведомая сила не отдернула меня от тела и меня не вырвало. Стараясь, чтобы все выпитое не ушло с рвотой, я заткнул рот рукой и глотал позывы желудка. Через минуту все было кончено.

Тело я скинул в канализационный люк.

Она не вралась насчет непереносимости солнечного света. Может быть, обман заключался в причине, почему у нее было это заболевание, но суть от этого не

менялась. Светило ненавидело меня, оно не хотело, чтобы я творил эти ужасы под его лучами, не осквернял старый-добрый свет. Но меня это устраивало.

После третьей жертвы, парня из бара, который хотел излить мне свою историю об ушедшей девушке, я впал в спячку. Мне было плохо, но не от крови, а от того, что я напоил его чуть ли не до преждевременной смерти.

И когда я выпался, я снова стал обычным жителем. Из зеркала на меня смотрел худой парень, с нормальным цветом кожи, со здоровым румянцем. Неужели кровь привела меня в порядок так быстро?

Я записался к психологу и настоял на том, чтобы наши приемы были в вечернее время, после захода солнца. Два сеанса мы просто разговаривали на отвлеченные темы, он, словно профессиональный сапер, прощупывал территорию вокруг, прежде чем приступить к работе.

В конце третьего сеанса я задал вопрос:

- Доктор, а что вы думаете о вампиризме?

- О, ну что вы, Дезмонд, это всего лишь сказки, которыми пугают детей в европейской глубинке, да по которым потом снимают дрянные фильмы.

- Но если бы вампиры существовали в наше время, какими бы они были, по вашему мнению, конечно?

- Однажды студентка задала мне такой вопрос. Я не ответил сразу. Нужно было немного подумать над ответом, чтобы он был верным, даже невзирая на шутливость самого вопроса. Я искренне полагаю, что такие люди очень больны. Полагая, будто убивая других, они забирают жизненную силу, так называемые вампиры лишь усугубляют свою болезнь, берущую начало в комплексе неполноценности, мании величия и хроническом одиночестве. Они хотят видеть себя творцами новой расы, но я не думаю, что они хотели бы общаться между собой.

Я был шокирован и не знал, как стоит отреагировать, чтобы не выдать себя. То есть я — обыкновенный псих? О нет, доктор, вы заблуждаетесь. Кровь помогает мне держать в узде тот разум, что я взрастил.

Вслух я лишь задал следующий вопрос:

- А что насчет инициации? Ну, вы знаете, что существует много легенд, о кольях, о крестах, о боязни солнца. Как можно объяснить передачу этого через укусы?

- Эффект плацебо. Представьте себе, что вампир-донор растит себе будущего преемника и рассказывает ему все то, что, по его мнению, должен знать каждый вампир. И это происходит не раз и не два, а после акта инициации жертва начинает бояться всего происходящего вокруг, ведь нападение, испытание крови, насилие — это огромный стресс. Дальнейшее доделывают стереотипы о представлении вампиров в современном обществе.

Я улыбнулся. Забавно было слушать его потуги. Даже само слово «вампир» из его уст вызывало у меня ненависть.

- Дезмонд, а почему вы спрашиваете?

Сейчас я поставлю точку в своем повествовании.

Несколько предложений — и все будет кончено. Но только здесь.

Я уже собрал самые необходимые вещи, выкинул все оставшиеся; лишь стол и стул в комнате, чтобы я мог дописать последние строчки.

Не могу сказать, что бегство дается мне с трудом — дорога зовет, шепчет и дарит новые надежды. Дядя продаст мою квартиру и перешлет мне деньги в любую точку мира.

Оказывается, секретарша моего психолога поссорилась со своим мужем и задержалась допоздна в офисе. И в то время, когда я хотел спрятать труп доктора, я понял, что клавиши ее компьютера нещадно набивают свою чечетку. Я оставил тело и ушел через окно.

Теперь я отправляюсь в путешествие по стране. Что оно сулит? Мне неизвестно.
Я знаю лишь одно – эта история будет издана, а потом опубликована в интернете и ей
суждено стать мифом, выдумкой, городской легендой.

Моя история.

История Дезмонда Блэка.

ХРАНИТЕЛЬ

1.

В комнате пахло сыростью, а ощущение плесени во всех углах раздражало присутствием чего-то враждебного.

Сержант открыл глаза и уставился в грязный потолок, который никогда не был белым. Лампы дневного света мерцали всеми оттенками желтого и не слепили. Холодный пол впивался в спину.

Он поднялся на ноги, с трудом, и осмотрелся. В четырех стенах, лишь местами покрытых почерневшим от влаги кафелем, не было ничего кроме маленькой тумбы и двери. Дверь привлекла внимание Сержанта — она абсолютно точно была заперта, но не это заставило его задуматься. Тяжелая, металлическая дверь, укрепленная толстыми балками, никак не вписывалась в антураж то ли тюремной камеры, то ли комнаты в заброшенной психиатрической лечебнице.

Он подошел к двери и удостоверился в своей правоте — дверь плотно сидела на своем месте, не поддаваясь ни на йоту. Тогда Сержант осмотрел ее внимательней и заметил маленькое отверстие, прикрытое тонким листом алюминия. Похоже на замочную скважину, но без отверстия под ключ.

Сержант пытался вспомнить, как он оказался в этом месте, пока разминал уставшие ноги, обходя дверь из стороны в сторону. Но память была чиста.

Сержант знал, кто он, осознавал свои навыки. Но никаких следов воспоминаний о том, где он живет, с кем знаком, и как, черт подери, оказался в этом месте. Некто выкачал всю эту информацию, оставив лишь пустой шаблон идеального служителя закона.

Лампы гудели и потрескивали в такт мерцанию света, но Сержант держал свои эмоции под контролем. Судя по толщине двери и стен — кричать было бесполезно.

Единственными, кто его мог услышать, были крысы, чье назойливое пищание доносилось из стен.

Он решил осмотреть тумбу — единственный предмет интерьера в комнате. И первый же ящик содержал в себе что-то из его прошлой жизни. Черный, как смоль, табельный пистолет, который Сержант узнал бы из тысячи. Это было похоже на встречу со старым товарищем, ощущение единства, как и то, что можно было понять о прохладе этого оружия, даже не беря его в руки.

Сержант взял свой пистолет, извлек магазин, повинуюсь одним только рефлексам, и передернул затвор, извлекая патрон из ствола. Но ствол был пуст, а магазин - заряжен наполовину. Семь капсул со смертью, семь маленьких блестящих поделок, холодных и бесчувственных.

Повинуясь тому же импульсу, Сержант вернул обойму на место, перезарядил оружие и, не задумываясь, выстрелил в отверстие в двери.

Пороховые газы сразу ударили в нос, а когда бесконечное эхо утихло, то на месте алюминиевого листа зияла черная дыра с рваными острыми краями. Что-то щелкнуло, и дверь распахнулась.

2.

Врач проснулся от звука выстрела, тихого, но вызвавшего вибрацию не только металлического настила под спиной, но и в самом теле. Он попытался вскочить на ноги, так как это обычно было, когда он просыпался в своей кровати. Вот только вместо кровати была старая медицинская каталка, скрипучая и неровная, поэтому Врач упал прямо на кафельный пол, сырой, с разводами грязной воды с влажной пылью и песком.

Когда Врач поднялся на ноги, то обнаружил себя в небольшом помещении, которое он не спутал бы больше ни с чем — так часто он бывал в подобных.

Морг. Три каталки, каждая с каким-то своим уникальным изъяном, как с собственной историей болезни, будь то отсутствующее колесо или покосившаяся рама. Несколько отверстий в стене, именно таких, откуда выкатывают тела умерших, некоторые были без дверец.

- Эй! Здесь есть кто-нибудь?! - от ужаса происходящего закричал Врач, и тут же поплатился — эхо жестоко наказало его за столь громкий крик.

Когда сотни одинаковых голосов стали все тише, а звон в ушах рассеялся, Врач подошел к огромной, около трех метров в ширину, металлической двустворчатой двери, и начал стучать в нее.

- Выпустите меня! - стал он кричать в такт ударам, не обращая внимания на боль в ушах и устрашающие отражения собственного голоса, которые все плотнее прижимались к нему, смешивались со стуком и превращались в дьявольский смех. Через несколько минут он, в тишине, сел на пол и уставился на ниши в стене. Что-то подсказывало, что они пусты, но гнетущая атмосфера страха и кричащего одиночества заставляла бояться даже малейшей вероятности нахождения в комнате с трупом. Заставив себя отбросить мрачные мысли, Врач поднялся и в первой же прикрытой нише обнаружил медицинский нож. Стандартный хирургический скальпель, такой же, каким Врач сотни раз рассекал тела на своем столе в больнице. Но стоило ему прикоснуться к холодному блестящему предмету, как одна деталь заставила обернуться в сторону двери.

Странная щель, не замочная скважина, а именно щель угадывалась в монолитном полотне двери.

Врач подошел к ней и, не понимая, зачем это делает, вставил нож в отверстие.

Из стен раздался тонкий щелчок, и одна створка подалась вперед. Скальпель с мелодичным звоном упал на кафель.

- Кто здесь?! - послышался голос из-за двери. Не близко, но достаточно, чтобы можно было различить слова.

Врач сжал металл в руках и вышел наружу.

4.

Актриса лежала на некоем подобии кровати, с дешевым матрасом, набитым чем-то комковатым, а оттого жестким. Она уже бросила все попытки выйти наружу из этого номера. Дверь была заперта, ключей у нее не было, и единственным развлечением было самокопание: почему она здесь, в каком-то отеле без окон.

Мрак разгоняла пузатая лампа на прикроватном столике, ее свет заполнял не больше трети площади, но этого было достаточно, чтобы хоть как-то отвлечь мысли от приступов никтофобии, которой страдала Актриса с самого детства. Она откуда-то знала об этом, хотя совсем не помнила ни своего имени, ни мест, где бывала, где выросла.

Все происходящее казалось ей дурным сном, кошмаром, настолько реалистичным, что бояться его попросту не хотелось. Как по сценарию, она помнила лишь некоторые черты своей личности, и надеялась, что ее история еще возьмет свое место и расскажет обо всем остальном.

В полной тишине, она лежала и смотрела на желтый потолок, на котором не было даже неработающей люстры. От скуки она поднялась с кровати опять, как в тот раз, когда только пришла в себя. Остаточное алкогольное опьянение придавало смелости.

Вдруг, правой ногой, она ощутила крупный предмет, торчащий из-под кровати. Его было невозможно разглядеть, и Актриса решила наклониться, чтобы поднять его.

Это оказалась сумочка. Ее сумочка. Уже старая, но очень дорогая, она напоминала о днях ее триумфа, когда ей не нужно было заигрывать с каждым режиссером, сценаристом или просто оператором, что было самым унижительным в ее профессии.

Удивляясь, как строки сценария ее жизни всплывают в голове, Актриса открыла сумку.

Но внутри была лишь губная помада, складное зеркальце и пилочка для ногтей. Не зная, что с этим делать, Актриса в отчаянии села на край кровати и, сгорбившись, опустила лицо в ладони.

В этот момент раздался звук отпирающейся двери. Она громко отворилась и в коридорном свете Актриса в первый раз увидела, насколько странной была дверь.

Толстая, из массивного металла, она никак не могла быть дверью в номере отеля.

За ней показался мужской силуэт. Потом еще один. И пока первый возился с ключом в двери, из-за спины второго вышел высокий чернокожий мужчина с пистолетом в руках. Он был в полицейской форме, которая не скрывала узлы мышц на руках и могучую грудь.

- Мэм, вы в порядке?

3.

- Стой!

Кричали из-за спины. Писатель опешил, не ожидая встретить кого-то еще в этом странном доме. Когда он обернулся, то увидел двух мужчин в сумраке прохода. Они приближались.

Когда Писатель проснулся, он обнаружил себя в маленькой комнате с кроватью, тумбой, на которой стояла горбатая лампа, состоявшая из шарниров, и большой серой дверью, чьи очертания едва были различимы в тусклом свете.

После нескольких минут изысканий и тщетных попыток понять собственное местоположение, Писатель обнаружил в тумбе толстую тетрадь, ручку и свой диктофон. В другом ящике лежала связка ключей. Немного полистав тетрадь и удостоверившись в ее чистоте, Писатель решил больше не оставаться в этой давящей комнате и, взяв диктофон, отворил дверь третьим подошедшим в скважину ключом. За дверью показался проход, освещенный круглыми светильниками, с равным расстоянием между ними - около десяти метров, что создавало странную аллею, из светлых и темных промежутков.

Проход этот был не менее странным, чем все остальное — его концы заворачивались в стороны, сворачивались в круговые движения, как в огромной башне. Других дверей не было видно.

Осторожно ступая, подсознательно стараясь держаться на свету, Писатель начал свое шествие по коридору. И стоило ему пройти не больше трех светлых пролетов, как его окликнули со спины.

Мужчина был высоким, на голову выше самого Писателя. Когда он понял, что этот неизвестный чернокожий, как выяснилось под одним из освещенных участков, мужчина, держит в вытянутых руках пистолет, Писатель почувствовал сильнейший приступ страха. Что может ожидать человек в таком гнетущем месте от странного незнакомца с оружием?

Писатель поднял руки. Испуг постукивал в висок, вступая в резонанс с сердечным ритмом, мигрень сразу же начала сверлить череп.

- Кто ты? - спросил человек с пистолетом.

- Я не знаю, не стреляйте, - в голосе Писателя чувствовались срывы, он не мог это контролировать. - Я не помню. Я... Я — Писатель.

Мужчина подошел уже совсем близко, и стало видно, что он одет в полицейскую форму.

- Все в порядке, я не буду стрелять, если ты сам не наделаешь глупостей, - сказал он, опуская оружие. - Я — Сержант, а там — Врач. Ты что-нибудь помнишь?

- Нет, - ответил Писатель, только сейчас заметив второго мужчину, а точнее — молодого парня лет двадцати пяти в когда-то белом халате, который теперь покрылся серыми пятнами. - Я проснулся в комнате, никогда тут раньше не был. Нашел в тумбе ключи и вышел. Какое странное место.

- Да уж, - сказал Врач, подойдя ближе. - Там, - он махнул в сторону, откуда они пришли, - наши комнаты и тупик, точнее — дверь на чердак, заваренная насмерть.

- Ты видел еще кого-нибудь?

- Нет, вон там моя дверь, я только вышел.

- Хорошо, нам нужно осмотреться. Держитесь ко мне поближе.

Сержант пошел вперед, за ним направился Врач, держа правую руку в кармане халата. Писатель посмотрел им в спины, пытаясь разобраться в собственных мыслях, и отправился следом. Страх отступил, но еще не было уверенности в странной компании, в которой он оказался.

- Эй, Писатель! - раздался голос Сержанта. - Здесь еще одна дверь!

5.

- Сколько тут может быть людей? - спросила Фотограф.

- Нужно идти дальше. Никто не знает, как мы очутились здесь, поэтому единственный способ выяснить — это попытаться выбраться наружу, - Сержант был зол. И хотя пистолет его покоился за поясом, правой рукой он постоянно потирал рукоять.

Девушка-фотограф стояла у входа в свою комнату и осматривала своих спутников, стараясь подметить все мельчайшие детали.

Сержант — высокий черный мужчина в форме полицейского, похоже сильно нервничал. Всем было не по себе в этом коридоре, но скорее от Актрисы можно было ожидать истеричного поведения. И он постоянно озирался по сторонам, его взгляд так и бегал в разные стороны, это было вдвойне отчетливо видно в полумраке, где белки его глаз, резко контрастируя с темной кожей, были видны, словно светлячки посреди облачной ночи. Может быть, профессия заставляла Сержанта недоверчиво относиться к каждому из присутствующих, но Фотограф ощутила что-то в его поведении. Эта черта смутно поднималась из памяти, но нечетко, как расплывчатый силуэт в густом тумане. Актриса же держалась неплохо, в своем красном вечернем платье она выглядела пришельцем из другого мира. Ее туфли, столь же насыщенного цвета дорогих спортивных автомобилей, что и платье, висели на лямке дорогой кожаной сумочки, черной и странно блестящей в тусклом свете. Ее босые ноги уже потемнели от грязного пола, который, судя по всему, был холодным, потому что тело этой хрупкой женщины, лет тридцати, было покрыто мурашками. Но она старалась не дрожать, не привлекать внимания.

- Позволь... - пробормотал Писатель, снимая свой серый пиджак, с заплатками из дешевой и очень толстой кожи на локтях. Пиджак смотрелся на Актрисе вполне нелепо, но это было неважно, когда своей улыбкой она дала понять, что очень благодарна такому проявлению внимания.

Фотограф разглядывала Писателя не без интереса. Очень худой мужчина, на вид ему было больше тридцати лет, что вполне могло оказаться обманом, ведь неправильная осанка и бледное лицо говорили о сидячем и затворническом образе жизни, который не красит никого. Писатель явно заискивал перед Актрисой, смущенно отвечая кривой ухмылкой на ее прекрасную звездную улыбку. Это могло быть даже милым. В своей голубой рубашке и потертых джинсах он походил на школьника из числа тех, кто никогда не имеет большого числа друзей.

- Там еще комната! И большая дверь, похоже, за ней какой-то зал, - сказал Врач, показавшись из-за очередного круглого поворота.

Врач предстал самым странным персонажем. В грязном халате, идеально выглаженных брюках и черных ботинках, в которых можно было увидеть свое отражение. Его лицо было сосредоточено на каждой детали, куда бы он ни смотрел. Никакой дрожи в голосе, никаких лишних движений — в его грации было что-то от дикого хищника семейства кошачьих. Прямая осанка, которой мог позавидовать даже Сержант со своей выправкой, ухоженное лицо и аккуратные руки с длинными и тонкими пальцами. Врач будто изучал каждого ничуть не меньше ее самой, Фотографа.

- Так пойдемте же скорее! - сказал Сержант и, снова положив руку на пистолет, пошел вперед первым.

Коридор плавно выпрямлялся, свет ламп больше не выглядывал из-за круглых стен, теперь его можно было увидеть как аллею из желтых столбов посередине прохода. И в самом конце угадывалась дверь. Такая же, как и та, что несколько минут назад разделяла комнату Фотографа с ее приторно-алым освещением, освещением в проявочной мастерской, с этим тоннелем.

Когда спутники приблизились к предпоследнему лучу света, раздался крик:

- Эй! Есть кто-нибудь?! Пожалуйста, выпустите меня отсюда!

Крик доносился из-за двери справа. Это был мужской голос, надрывный и отчаянный. Не оставалось сомнений, что человек, хозяин этого голоса, уже не первый час пытается выйти на контакт. Крик был очень тихим, никто даже не оспаривал того факта, что металлические двери в этом странном месте плохо проводят любые звуки.

- Эй! Ты меня слышишь?! - крикнул Сержант в ответ.

Сначала тишина, потом ответ:

- Слава Богу! Вы пришли, чтобы выпустить меня отсюда?

- Сиди спокойно, у нас есть ключи, - еще раз подал свой низкий, командный голос Сержант. - Иди сюда, скорее! - это предназначалось уже Писателю, который, не прячась, тарашился на Актрису.

Писатель достал из кармана джинсов вязанку ключей и подошел к двери.

б.

Клерк практически выпал из двери прямо на Писателя. По его несчастному виду было понятно, что он готов обнять крепко-крепко каждого из спасителей. Но Писатель отстранился от новоиспеченного подопечного.

Клерк был грузным, низкого роста мужчиной, и самой яркой чертой его внешности была, несомненно, лысина. Небольшая, но ее расположение прямо посередине головы, а также нелепая маскировка в виде зачесанных сальных волос, сразу обращали внимание к себе. Маленькие круглые очки скрывали за собой такие же маленькие круглые, полные суеты, глаза.

- Где мы? - только и спросил он, часто дыша чем-то, отдаленно похожим на освежающие леденцы.

- Никто не знает. И никто не помнит, как тут оказался, - сразу ответил Писатель, поскольку он был ближе всего к этому толстяку в белой рубашке с кругами влаги на шее и животе.

Клерк растерялся. Было видно, что он ожидал спасательную бригаду, которая сразу расскажет обо всем, что происходит вокруг, и сопроводит его в госпиталь, или, что еще лучше — сразу до домашнего адреса. Но теперь, когда он понял, что находится в компании из людей, знающих о происходящем не больше него самого, ему ничего не оставалось, кроме как быстро-быстро скользнуть взглядом по спутникам и облизывать и без того раздраженные и обветренные губы.

- Так что же, нас не спасут? - жалобно спросил Клерк.

- От кого или от чего тебя должны спасти? - раздраженно произнес Сержант, протискиваясь мимо Писателя. Ему наскучил этот недо-диалог, поэтому он выпрямился и сложил руки на груди перед Клерком. - Мы сами ищем выход. А если ты вздумаешь паниковать, то... - он выдержал небольшую паузу, повернувшись так, чтобы бегающий взгляд собеседника наверняка скользнул к кобуре, после чего добавил, - ...то тебе лучше остаться в комнате.

Клерк несколько раз сделал тяжелую серию вдохов-выдохов и ушел в конец колонны, туда, где молча наблюдала за происходящим Фотограф. От нее не укрылся также тот факт, что Клерк задержал свой взгляд на Актрисе, а точнее — на вырезе ее платья. Он, в своей, пропитанной потом, рубашке подошел к Фотографу и сказал, протягивая ладонь вперед:

- Привет, я Клерк, а тебя как зовут?

Фотограф постаралась сделать как можно более надменное лицо и, не сказав ни слова, прошла вперед. Клерк остался стоять, смотря ей в спину. Он видел девушку в отличной спортивной форме, которая подчеркивалась тонкими джинсами в облипку и футболкой с модным, хоть и практически нечитабельным принтом. Маленький рост только добавлял ей женственности, и, пусть ее нельзя было назвать красавицей, она была очень привлекательной и сексуальной.

Клерк на секунду оглянулся на свою комнату, в которой он сидел не меньше часа, пытаясь пробить путь наружу, но, помявшись, все-таки решил отправиться следом за командой.

Его ручка, толстая, достаточно тяжелая, с гравировкой на приятном металле, неудобно легла в кармане, поэтому Клерк запустил руку в штаны, чтобы поправить ее.

3.

Дверь в зал заклинило. После нескольких поворотов ключа, створки нарушили тишину своим могучим гулом, как чудовище, просыпающееся после древнего сна. Но даже совместными усилиями не удалось раскрыть путь к возможной свободе больше, чем на несколько сантиметров.

Писатель переводил дыхание, глядя на то, как Врач обнимается с дверью, выбирая лучшее положение для наблюдения за происходящим позади нее.

- Что видно? - спросил Писатель, пытаясь нарушить неуютное молчание и прогнать страх от еще гуляющего эха открывающейся пасти.

- Там темно, но я вижу диван, или даже два, не знаю. Может, это один большой. Вижу стол. И где-то в темноте вижу блеск, похоже на фонарь, потухший. Там точно главный холл.

- Нам нужно найти какой-нибудь рычаг, - вмешался Сержант.

- Думаю, если бы у нас был рычаг, то вопроса могло не быть, - ляпнул Писатель, о чем тут же пожалел. Сержант подошел к нему и обрушил вес и мощь своего взгляда на неподготовленные глаза Писателя.

- Думаешь, ты шутник? Так вот — это все, - он окружил жестом мир вокруг себя, давая представление о серьезности своих слов, - не шутка! Поэтому советую тебе не раздражать меня.

Писатель ничего не ответил, чувствуя, как дрожит его взгляд под натиском. Зрачки непроизвольно забегали, и он опустил глаза, выскальзывая наружу. За этим поражением наблюдали все присутствующие, отчего ситуация становилась еще более жалкой.

1.

Сержант не хотел насмеяться над умником-Писателем открыто, но, в глубине души, он видел, насколько жалок этот худощавый выскочка, который возомнил себя главным в команде, хранителем ключей. Проводив взглядом его спину, Сержант подумал, что, в другой раз, нужно будет забрать ключи себе.

- Дай попробую, - сказал Сержант, достаточно грубо отталкивая Врача от дверей.

Упершись в массивную плиту, он напряг все свои мышцы, до ноющей боли, пытаясь продавить, пробить себе путь наружу. Но дверь не поддавалась, будто усилия даже самого могучего мужчины будут не более чем ударом ладонью по стене.

- Я не думаю, что сила здесь поможет, - тихо и спокойно промолвил Врач. - Посмотри — эта дверь вовсе не похожа на старую настолько, что может просто взять и заклинить. Сержант ничего не ответил. Его голова была окутана туманом неизвестного происхождения — глаза слегка слезились, а дыхание то учащалось, то замирало на болезненном вдохе. Он не хотел, чтобы кто-нибудь заметил его недуг, думая, что это пройдет само по себе, но прошло уже достаточно времени, а вместо трезвости рассудка, появилось лишь тошнотворное головокружение и судороги в левой ноге.

- Тогда нужно найти что-то, что поможет открыть эту дверь. Я не собираюсь торчать в этом сыром тоннеле, - через некоторое время молчания сказал Сержант.

Конечно, он сказал так лишь для того, чтобы подчеркнуть свою неприязнь к этому месту — в тоннеле было достаточно тепло, можно даже сесть на пол и передохнуть, но в данный момент никто из присутствующих не хотел проверять этого.

Следующие полчаса пролетели в поисках различных механизмов, рычагов, чего угодно, что поспособствовало бы в продвижении к следующему этапу неизвестности.

Сержант остался у дверей, изредка толкая их с различной интенсивностью, то одну створку, то другую, а то — и обе одновременно. На самом деле, он хотел лишь остаться наедине со своей болью — тремор в ноге пьянил рассудок, Сержант стискивал зубы до треска в ушах, но боль отпускала лишь для того, чтобы снова нахлынуть с новой силой. После нескольких глубоких вдохов-выдохов все отступило, оставив лишь дрожащую легкость по всему телу, словно после марафона. Мышцы немного расслабились, словно размокли от пота, и Сержант сделал несколько шагов к спутникам.

- Нашли что-нибудь? - стараясь скрыть дрожь в голосе, спросил он.

Врач, как ближайший к нему человек, удостоил вопрос лишь отрицательным поворотом головы. Он изучал стены, кирпичик за кирпичом, прощупывая и простукивая каждый миллиметр.

Остальные уже скрылись за поворотом, потому не слышали вопроса. Сержант был не на шутку раздражен их бесполезностью. Что они желают там найти? Сержант слышал лишь бормотание, отражавшееся от стен тоннеля, которое становилось лишь громче.

Сначала из-за поворота выплыла Актриса в своем неуместном красном платье и пиджаком Писателя поверх плеч, делавшим ее похожей на школьницу после выпускного, полного алкоголя и глупых поступков. Ее туфли торчали из карманов пиджака, как роговые наросты, а сумочка торчала из-под полы пиджака, покачиваясь, создавая ей теневой танец в неярком свете круглых ламп.

За Актрисой шел Клерк, сверкая своими круглыми очками, которые раздражали Сержанта так сильно, как звон в ушах, как чесотка, впрочем — как и их носитель.

Жирдяй будто олицетворял собой все то, что Сержант когда-либо ненавидел, пусть и не помнил этого.

Фотограф шла в конце, как всегда сложив руки на груди, издали становясь похожей на малолетку, из-за своего маленького роста. В глубине души, Сержант находил это куда более привлекательным, чем зрелая роскошь Актрисы, но он старался не думать об этом в подобной ситуации.

- Мы ничего не нашли, - сказала Фотограф, глядя в пол.

- Как будто вы пытались, - буркнул Сержант, едва слыша собственный голос из-за головокружения.

- Что? - недовольно спросила Фотограф, поднимая глаза. - Да в чем твоя проблема? Если ты в форме и у тебя пистолет — это еще не значит, что можешь строить из себя крутого героя. Мы должны держаться все вместе, а не копить злость друг на друга. Писатель ушел, а у него ключи...

Но она не договорила, Сержант подошел к ней на расстояние вытянутой руки и грубо прервал:

- Если понадобится — придет, никуда не денется...

- Не меня ищите?

5.

Фотограф смотрела, как Писатель вышел следом за группой. На рубашке цвета неба, если смотреть сквозь грязные очки, появились темные разводы, как если бы он все это время лежал на грязном полу, превратившись в брата по несчастью для Врача. В руках он нес два стержня, похожие на обрезки трубы одинаковой длины. Подозрительный металл не был ржавым, его фактура лишь поглощала свет ламп вокруг, что выглядело немного жутковато. Два осколка темноты.

Пение металла звонко прокатилось по всему тоннелю, когда они упали на каменный пол. Писатель, не говоря ни слова, подошел к двери, даже не посмотрев на Сержанта, который оцепенел от происходящего, и начал шарить руками под дверью, вдоль нее, до самого верха, едва дотягиваясь до края.

Фотограф подошла к трубам, едва заметным на полу из-за своей нереальной черноты.

- Что это? - спросила она.

Никто не ответил.

- Вы что, глухие? - уже громче сказала Фотограф.

- Это ключи, - усмехнулся Писатель, не отвлекаясь от своего странного занятия. - Они лежали у тупика в тоннеле. - Он обернулся и, увидев, что все смотрят то на него, то на лежавшие предметы, сказал. - Да не бойтесь вы их. Видимо, они лежали в какой-то смоле, которая застыла очень ровным слоем. Именно поэтому никто не заметил этих труб в темноте.

Под «никто» он подразумевал Врача и Сержанта, или, что более вероятно, именно второго. Сержант понял значение последней реплики и едва заметно сжал кулаки. Фотограф все больше боялась Сержанта, замечая в нем странные изменения, которые становились для нее все очевиднее с каждой секундой. Его мучал недуг, который он тщательно скрывал, но девушка видела покачивание в походке из-за сдерживаемой хромоты. Она сама удивлялась, как отчетливо может видеть своих спутников, не прощая ни малейших огрехов, скользя по их внешности и поведению взглядом, как объективом.

«Видимо, это профессиональное», - только и приходило ей в голову.

- Так что же нам делать с этими трубами? - спросил Клерк. Похоже, нетерпение выбраться на свободу так и чесало его во всех чувствительных местах. Он снова облизывал губы и потирал ладони.

- Когда я открыл дверь Клерка, то заметил, что с обратной стороны было отверстие, но не под ключ. И мне вспомнилось нечто подобное и у Актрисы. Мне кажется, что каждый мог выбраться из своей комнаты без посторонней помощи. Тогда я и понял, что если выберется лишь один, то ключ от этих дверей, - Писатель похлопал по металлическому ребру, - должен быть или здесь, или в тоннеле.

- Но здесь мы ничего не нашли, - пробормотал Сержант с хрипотцой в голосе и прокашлялся.

- Именно. И, кажется, я нашел нечто большее.

Фотограф подошла ближе к двери — ей было любопытно и, отчего-то, даже приятно наблюдать за этим мужчиной — не лидером, но достаточно смышленным, чтобы вести за собой людей благодаря совсем другим качествам, отличным от силы и воли. Но ее еще больше пугала возможная реакция Сержанта, и страх этот нарастал с каждым мгновением, стоило ей задержать взгляд на его лице, на косые линии бровей, что нависли над глазами в раздражении, на стиснутые то ли от боли, то ли от злости зубы. Писатель молча указывал пальцем на две борозды в полу, в том месте, где лежали осколки камней и фрагменты досок, которые он убрал в сторону.

- Они открываются на себя, - тихо сказал Писатель, глядя на Сержанта.

4.

Когда пыль рассеялась по углам, опала к ногам, а звук, солидный и грузный, растворился в тишине, Актриса стала первой, кто прошел в холл. Так получилось случайно, но, сохраняя чистоту окутавшего незваных посетителей безмолвия, она, ступая босыми ногами по холодному камню, ничего не могла поделать с приступом любопытства.

Уже через несколько секунд прелюдия тишины будет разрушена булькающими от эха шагами, что сольются в один сплошной дождь, разговорами и восторженными заявлениями. Но, лишь на мгновение, Актриса смогла погрузиться в неизвестность, столь интимную и личную, и воспоминания начали играть с ней в кошки-мышки, ассоциируясь с каждым предметом интерьера.

Актриса прошла к фонарю и нащупала ручку, за которую он был подвешен. Немного испугавшись неожиданной остроты теплого металла под рукой, она поняла, что это крюк в стене, удерживающий фонарь на себе.

Остальные спутники уже прошли внутрь вслед за Актрисой, что вела их своим силуэтом, даже в темноте играющим с воображением своими алыми контурами.

Когда глаза привыкли к темноте, развеяв черный, аж до темно-синего оттенка, полог, стали видны очертания стен, колонн и другой черноты, что таилась вне поля зрения, скрывая другие секреты.

- Кажется, я нашел спички, - раздался голос Врача. Он звучал отовсюду — от каждой колонны, от потолка, невидимого в темной дали, некоторые нотки звучали даже из прохода, будто они решили вернуться без него.

- Так давай же их скорее, - подначивал его столь же невидимый Писатель.

Теплая рука прикоснулась к плечу Актрисы, заставив ее вздрогнуть и обернуться, но только лишь для того, чтобы увидеть лишь пятно пепельно-черного лица, которое могло быть кем угодно.

- Вы позволите? - прозвучал голос Писателя, тихо, только для нее.

Скрипнула маленькая дверца в руках Актрисы и, не смея сопротивляться чиркающему звуку, огонек в руках мужчины с голосом Писателя соскочил с деревянной палочки на застывший, черный фитиль.

2.

Четыре квадратных оконца с огнем позади совсем не разгоняли темноту, а лишь создавали внутри нее маленькую зону, с намеком на тепло и безопасность. В самом центре этого пятна плыла Актриса, ее платье отражало свет с таким неуловимым эффектом, что казалось, будто это она излучает оранжево-красное свечение. Рядом, словно неуверенный мотылек, держась на самом краю ореола, шел Писатель. А остальные члены группы уже успели разойтись по темным углам, и теперь приближались к приковавшему внимание фонарю.

- Здесь где-то должен включаться свет, - предположил Сержант, заслонив собой добрую половину маленького солнца.

- Да, нам нужно пройти вдоль стен, поискать что-то вроде выключателя, - как эхо тут же отозвался Писатель.

Траектория движения оранжевого круга на полу изменилась в сторону дверей, превратившись в ручной электрофонарь — тусклый свет ламп из предыдущей комнаты пробивался сквозь них ленивым лучом.

В свете квадратных прорезей клубящаяся темнота таяла, подобно туману, обнажая стены помещения. Не оставалось ни малейшего намека на то, что группа людей попала в некое подобие особняка, но, с неизвестной чудовищной целью, переоформленного в подобие тюрьмы. На стенах еще оставались огромные картинные рамы, пустые и оттого отвратительные в своей ущербности, между картинами виднелись резные узоры на стенах, но уже порядком облупившиеся, да так, что на них не хотелось задерживать внимание.

Пока спутники проводили свою экскурсию, Врач направился в сторону самого черного облака. Он старался не подходить к зоне освещенности, отчего его глаза были привычны к свету на весьма комфортном для зрения уровне. Слева он видел стойку, высотой ему по грудь, достаточно длинную — десять шагов от начала и до конца. Справа — пара диванов друг напротив друга, разделенных лишь низким журнальным столиком из неизвестного материала.

Врач уже перестал слышать голоса людей за спиной, они были вытеснены чудовищной силы напором давящего звона, который поглощал все вокруг. Даже видеть стало труднее, все больше разноцветных пятен портило обзор, как разводы бензина на воде. Где-то вдали раздался возглас, но такой неяркий и призрачный — как если бы Врач находился под водой.

И через секунды тысяча солнц взорвалась над головой.

Потом, Врач мог поклясться, что в этот момент он даже услышал сильнейший взрыв. Свет появился внезапно, белоснежный, настолько чистый и сильный, что темнота даже не успела попрятаться в тени столов, диванов и колонн. Врач ослеп, глаза слезились, а веки дергались от боли.

Над головой мерцало огромная хрустальная звезда, суперновая, состоящая из двадцати пылающих невероятно сильным электрическим светом лучей.

1.

Сержант зажмурил глаза. Это было несвоевременно, свет успел поразить его раздраженную сетчатку, дрожь в руках усилилась, к ней также добавились озноб и прохладное недомогание. Сержант готов был отдать все, что угодно за возможность узнать, что с ним происходит и как это прекратить.

Выждав несколько секунд, он открыл глаза, уставившись в пол. Пол был теплого кремового цвета, не ярким, но к такому мощному освещению глаза привыкли не сразу, отчего любые цвета казались болезненно резкими и яркими. Когда комната предстала перед Сержантом во всей своей красе, в цветах, верных и неискаженных предательскими тенями, даже он удивился, в насколько роскошных апартаментах они все оказались.

Огромная люстра сияла подобно радуге, которая сконцентрировалась в каждом стеклянном камешке, коих были тысячи, и все они отражали и преломляли сильнейшие лучи двадцати ламп. Высокий потолок обрушивался на группу, а точкой удара должны была быть эта громадная люстра.

Остальное убранство также говорило о принадлежности помещения к какому-нибудь особняку или даже замку. Резные рамы, оказавшись рассекреченными, уже не пугали своей стариной, наоборот, приковывали внимание, заставляли задуматься о произошедшем путешествии в прошлое. Да, они были пусты, как порталы в другие миры, но эта пустота смотрелась подобно отдельным произведениям искусства, инсталляции в пределах одного зала.

- Чтоб я сдох, - только и вырвалось у Сержанта.

- Другими словами — это прекрасно, - подвел черту Писатель.

Сержант ничего не стал отвечать на эту колкость, он был рад тому, что недомогание слегка отпустило его, и можно трезво рассуждать о происходящем.

- Это же потрясающе! - восхищалась Актриса, бродя вдоль стен. Ее голос стал звучать увереннее и спокойнее.

Весь зал был одним сплошным полем для прогулок — из мебели выделялись только три дивана, один стоял в углу и, по виду, был мягче остальных, барная стойка, длинная и величественная, как если бы она была вырезана из одного массивного дерева.

Немного разбавляли пустоту стулья, пара табуретов и журнальный столик на колесах.

Группа оказалась в огромной гостевой комнате.

3.

Писатель немного побродил по залу, представляя, каким он мог быть в другое время, в другую эпоху. И, конечно же, в других обстоятельствах, когда группа напуганных и ничего не помнящих людей не бродила по нему лишь в поисках выхода, практически не обращая внимания на красоты.

Внимание Писателя сразу приковали пустые рамы на стенах. Их было около десяти, если сосчитать все, что попадали в поле зрения, и выглядели они отличнейшим примером инсталляционной работы. Будто некто, владеющий этим зданием, решил отринуть все нормы и понятия о красоте, сорвать картины, уничтожить их немое величие, оставив лишь пустые глазницы стен.

Писатель ни на чем не мог сконцентрировать свое внимание, его манило в одинокую тишину, которая ассоциировалась лишь с его комнатой, пусть она и была чем-то вроде тюрьмы.

И он направился прочь из холла.

В который раз, пройдя по каменной кладке и аллее из тусклого света, он увидел дверь своей комнаты и испытал некое подобие теплых чувств. Что это? Возвращение домой? Или ему была настолько противна нынешняя компания, что возвращение в темницу казалось более удачным вариантом развития событий?

Прикоснувшись к холодной ручке, Писатель подумал, что в этом доме он чувствует, как чуждое становится нормальным, поглощает его и его мысли. Что же происходило с привычными вещами? Терялись ли они в потоке всего нового и необузданного?

Писатель сел на кровать и, достав из кармана диктофон, решил чем-нибудь поделиться с возможными будущими слушателями. И он придумал новый рассказ:

«Он очутился в доме не случайно. Более того, он бы не удивился, даже глазом не повел, если бы этот дом вдруг оказался картонным строением, созданным лишь для того, чтобы поместить его, Алекса, в себя. Ведь так очевидно – после всего, что он успел совершить, повинаясь животным инстинктам, определенно – подобное наказание было оправданным и ожидаемым. Если не сегодня, то обязательно завтра. Или в другой день, когда Алекс будет предаваться размышлениям о никчемности своей жизни и о взорванных в пух и прах отношениях со всеми знакомыми и близкими людьми. Этот день должен был наступить.

Но он никогда не думал, что наказание может быть настолько суровым...

Сьюзан была здесь вместе с ним. Ходила молча, ничего не замечая, но каждое движение отдавало привкусом ржавчины ее голоса. Лишь по ночам она входила в его комнату совсем другим человеком. Призрак той, кого он когда-то полюбил, забирался под одеяло, тело было неожиданно горячим и страстным, а отвращение – приятным. Ужаснейший кошмар каждого мужчины – жить в одном доме со своей бывшей женой, которая все еще требует от него интимной близости, неестественной, насколько вообще может быть секс с человеком, потребовавшим развода по причине собственных измен.

Но, в этом была вся Сьюзан, она умудрилась обставить все так, будто Алекс сам толкал ее к загулам своим постоянным прозябанием на работе и недостатку внимания.

Он не хотел думать. Виски в голове неплохо справлялся с функцией подавления мыслей. Мыслей, воспоминаний, личности.

Алекс хотел секса. И даже не стыдился мысли, что Сьюзан в роли партнера на сегодня – вполне подходящий вариант. Как говорится, *no hard feelings...*

Он уже представлял, что она опять входит в комнату, видел ее ореол в свете прямоугольника двери...»

И Писатель понял, что действительно видит девичий силуэт в открытом проходе...

5.

Фотограф побродила вместе с остальными по преобразившемуся залу, но противное ощущение пребывания в тюрьме, пронизывающее хуже, чем зубная боль, все еще было где-то в подсознании. Дело было не только в отсутствующих воспоминаниях и предвзятом отношении – сама атмосфера этого места была неприятна Фотографу, она давила неосязаемыми пальцами в глаза, в уши, неслышные звуки создавали головную боль и дрожь. Люди не должны находиться здесь, решила она для себя. Никто из живых людей.

Совершая один из шагов, глядя себе под ноги, Фотограф заметила, что силуэт Писателя удаляется вдоль по коридору, идет дальше и дальше, как уверенными шагами он ступает в одиночество и полусвет, пока не исчезает за поворотом.

Отчего-то Фотограф захотела пойти за ним, неизвестно на что рассчитывая. В ее мыслях не было места какому-то расчету, только эмоциональный порыв, желание привязаться к человеку, который создает впечатление возможного защитника.

Возможно, в подобном отчуждении, инстинкты диктовали ей свою волю.

Пройдя по знакомой аллее грязно-желтого освещения, Фотограф увидела приоткрытую дверь, из-за которой доносился голос Писателя.

Это казалось удивительным – человек разговаривает сам с собой, будто не было ничего более удивительного и странного во всем происходящем. Но именно такая мелочь сразу откладывалась в голове гадким семечком.

Приоткрыв дверь еще на несколько миллиметров, она увидела его лежащим на кровати, с диктофоном в руках. Почему-то даже голос его изменился, когда он заговорил о несуществующих людях, о нереальном мире. Писатель будто растворялся в собственной речи, становился свидетелем в параллельном мире своих героев.

Фотограф не была уверена, что слышит все слова именно так, как они должны были звучать – они собирались комками в единые, совсем неразличимые звуки, лишь отдаленно напоминаящими раздельную речь.

Она открыла дверь и услышала лишь несколько последних фраз, что-то о сексе... Это показалось ей забавным и, выждав несколько секунд, она вошла в комнату.

- Знаешь, если бы не выражение твоего лица, я бы решила, что все это представление только для того, чтобы заманить меня в комнату, - съехидничала Фотограф, глядя, как Писатель поднимается из своего лежачего положения.

- Какое представление? - спросил Писатель, жестом приглашая ее сесть рядом.

Его кровать была мягче, во всяком случае, так ей казалось, по остаточным воспоминаниям от момента, когда она сегодня (или уже вчера?), проснулась.

Они смотрели друг другу в глаза, боялись обронить лишнее слово и нарушить эту тишину, создать неловкость. А молчание все затягивалось петлей-удавкой, их глаза дрожали, бегали взглядом от одного зрачка к другому, словно хотели уловить мысли. В руках у Писателя щелкнуло, да так неожиданно, что Фотограф вздрогнула. И пока еще мурашки не перестали бежать по ее коже, Писатель поднял руку с диктофоном и произнес:

- Когда она вошла, то почувствовала легковоспламеняющееся желание, которое захватывает ее волю. Желание забыть обо всем, что их связывало, и просто поцеловать его губы, как когда-то...

Писатель улыбнулся, повторно нажав на кнопку аппарата. Что-то в его голосе было гипнотическое, будто этот диктофон писал летопись их группы, или, может быть, только их двоих.

Она приблизилась к нему, почувствовала запах кожи и волос, но он совсем не отталкивал, и, стоило ей закрыть глаза, почувствовала вкус жестких губ.

6.

Клерк заглянул в дверь одного из своих спутников. Почему-то он сразу догадался, что она принадлежит Писателю. Так же, как и в его собственной — все окружение подчеркивало черными линиями одиночество и замкнутость.

Лампа на тумбочке неровно дышала, заполняя лишь часть комнаты мерцающим светом.

Писатель и Фотограф смотрели на него.

- Что ты здесь делаешь? - спросил Писатель.

- Я просто немного отлучился от группы, - автоматически начал оправдываться Клерк. Он не мог понять, откуда эта покорность, ведь всех выбросили просто в идеальные условия для того, чтобы скрыть личность.

Как ни прискорбно, невозможно держать все под контролем, мы так и лезем наружу из собственной черепной коробки, вместе со всеми комплексами и слабостью, а любая маска – не больше, чем простыня в кинотеатре. А ты – киномеханик, смотришь на себя лишь через крохотное смотровое окно.

Писатель посмотрел на Клерка злобным взглядом, взглядом человека, которого только что обворовали. Клерк потупил взгляд и пропустил Фотографа, когда она прошла мимо. Краем глаза он заметил, что она обернулась и с полуулыбкой проводила взглядом Писателя.

«Как же это произошло? Мы все, возможно, на грани жизни и смерти, а он...» - думал Клерк, смотря, как Писатель встает, поправляет одежду.

- Не нужно меня преследовать! - жестко отрезал Писатель. - Я не спасал тебя. Кто-нибудь другой все равно бы открыл дверь, поэтому ты мне ничего не должен.

Клерк не сразу понял, о чем говорит его собеседник. Когда до него дошло, он почувствовал себя оскорбленным такими словами — он просто надеялся подружиться с Писателем, ведь тот был совсем не таким, как остальные члены группы. Не такой озлобленный и помешанный на исполняемости приказов, как Сержант, не такой нелюдимый, как Врач... Про отношения с местными дамами Клерку даже не хотелось думать.

1.

Сержант стоял у входа в зал и ждал, когда вернется Врач. Он нашел какую-то щель в стене, но она была недостаточного размера, чтобы крупный Сержант мог хотя бы попытаться пролезть в нее.

- Да что же он так долго?! - Сержанта трясло. Он не понимал, что происходит — его тело бил озноб, а руки тряслись, словно листья на ветру, что становилось скрывать все сложнее.

Для него самого было тайной, что же такое с ним происходит. Он не хотел спрашивать у других спутников, не испытывают ли они чего-то подобного, вдруг все они находятся под действием каких-то препаратов? Но он не хотел, чтобы другие узнали о том, что он — Сержант — главный член команды, может дать слабину. Даже если все больны, Сержант собирался скрывать это до последнего.

Врач вынырнул из проема в стене, будто из водной глади посреди ночи. Сначала из темноты провала показалась рука в уже давно не белом, а серо-черном халате, следом, с натужными звуками и едва различимыми словами — голова Врача.

- Это еще одна комната! - выпалил он, еще даже не успев вынырнуть из провала.

- Что?! - практически одновременно проскандировали Сержант, Актриса и вернувшаяся Фотограф.

Врач вылез и начал бесполезно отряхивать одежду.

- Там, за проемом, коридор, почти один в один такой же, как и в другом крыле, с нашими комнатами. Но он короткий — и в конце одна-единственная дверь.

- Что за ней? Ты попробовал связаться с тем, кто внутри?

- Да, но дверь не такая. Она больше и массивнее. Кажется, меня никто не услышал за ней.

- Хорошо, нужно придумать что-то с лазом, - подытожил Сержант.

Проем представлял собой просто вертикальную щель в стене, в которой угадывалась раздвижная дверь, но только не было ни одного намека на створки.

Сержант еще раз попробовал сдвинуть стены в стороны и — они подались! Немного, на долю миллиметра, но Сержант все же почувствовал движение. От нахлынувшего адреналина он перестал чувствовать дрожь и озноб, все, что ему нужно было — открыть эту чертову дверь.

- Врач! Она подается! - сказал он, и Врач тотчас же подлетел на помощь.

- Давай, на счет «три»! Раз! Два! Три!

В глубине проема раздался оглушительный грохот. Сержант точно знал, что это за звук, несмотря на амнезию. Выстрел он смог бы различить даже за сотню метров.

3.

Писатель остановился, как вкопанный.

- Что это было? - послышался вздрогнувший голос Клерка за его спиной.

- Похоже на выстрел, - тихо ответил Писатель, прислушиваясь и ожидая возможного продолжения.

- Откуда ты знаешь? Ты что-то помнишь? Я вот никогда не слышал выстрелов раньше...

- Ничего я не помню... - огрызнулся Писатель. - Откуда, например, ты знаешь, что не слышал выстрелов раньше?

Писатель не стал дожидаться нелепого ответа и побежал по коридору. Интуитивно он старался бежать не быстро, чтобы шаги не стучали по полу, словно отбойные молотки. Но он понял, что его усилия тщетны, когда услышал, как позади, все отдаляясь и отдаляясь, пыхтит и стучит ногами Клерк.

Почему-то первые мысли Писателя были заняты не прозвучавшим выстрелом и не пистолетом Сержанта и им самим, а Фотографом. Он не хотел, чтобы ей причинили вред, а, похоже, что Сержант не очень-то хорошо отнесся к ним обоим.

«Что за глупости?» - успел подумать Писатель перед тем, как перед его глазами открылся холл.

Он увидел Сержанта и Врача где-то поодаль — они, громко крича, пытались раздвинуть стены, женщины стояли рядом и что-то говорили, не менее нервно и громко.

Стрелял не член группы.

4.

Актриса первая подошла к двери. Остановившись, она осмотрела ее и увидела, что Врач не ошибся — дверь действительно сильно отличалась. Высотой около двух с половиной, может быть трех метров, она закрывалась на винтовой замок с большим колесом, который будоражил в ее памяти что-то связанное с кораблями, хотя она не была уверена, что сможет описать, как выглядит хоть один «корабль».

И дверь была открыта.

Врач подошел последним, он помогал Сержанту протиснуться в щель, которую они смогли раскрыть лишь до какой-то «мертвой зоны». Никто не решался войти внутрь, стояли, будто боялись самой тишины перед прыжком в неизвестность.

- Я могу поклясться, что...

Сержант шикнул, давая понять, что сейчас не самое лучшее время для нарушения тишины. Не говоря ни слова, он жестами показал Врачу и Писателю, чтобы те раскрыли дверь, а сам вскинул свой пистолет наизготовку.

Не без усилий, они смогли открыть дверь, прячась за ней и ожидая чего угодно.

Сержант стоял и смотрел на шесть мониторов перед собой, метрах в пятнадцати, настолько большой была эта комната.

Мониторы пестрили черно-белыми огоньками, а один и вовсе был пробит, но не выстрелом, а, судя по всему, ударом рукоятки.

Шесть мониторов, в едином массиве, стояли на хлипком столе, который даже не пытался скрыть тучу проводов за собой, а над всей этой конструкцией возвышалась надпись.

ХРАНИТЕЛЬ СМОЖЕТ ОСТАНОВИТЬ

Слово «ОСТАНОВИТЬ» оканчивалось жирной точкой, переходящей в засохший ручей до самого пола. Под столом лежало тело мужчины.

Это можно было понять только по одежде, так как то, что оставил от головы револьвер, зажатый в правой руке трупа, невозможно было опознать по половому признаку.

Останки того, кто застрелился, все еще скапывали с потолка, уродливым узором распластавшись по нему, как по картине импрессиониста. Свет в комнате был красновато-серым, от капель крови на лампе.

Актриса почувствовала странный запах, который был неизвестен ей вовсе не из-за амнезии — запах спекшейся крови и гари, словно от жженных спичек. Он не был противным, как запах бензина — кого-то воротит, а кто-то хочет подсознательно чувствовать его снова и снова.

Но запах заполнял легкие, душил, вполне ощутимо подползал к горлу приступом тошноты. Актриса чувствовала, как ей становится все хуже, в глазах темнеет...

б.

Клерка почти вырвало, когда Актриса повалилась на него. Нельзя было сказать, что он отреагировал молниеносно, слишком уж был тугодумным, но, по стечению обстоятельств, она упала прямо в его руки.

- Ребята! Ей плохо, помогите! - воскликнул он, укладывая ее на пол, не в силах держать ее на весу.

Писатель подошел к Актрисе и приложил к ее шее два пальца. Врач появился из-за его плеча и сказал:

- Да что ты творишь?! У нее обморок.

- Просто решил проверить, - пожал плечами Писатель, поднимаясь.

- Ее нужно уложить куда-то, - сказал Врач.

- В холле был диван. Мы вытащим ее через проход? - спросил Клерк, представляя, как с трудом будет нести ее через лаз, в который сам едва протиснулся.

Врач сверкнул взглядом в сторону Клерка и приподнял Актрису левой рукой. Правой рукой он зарылся в ее волосы у виска. Через мгновение она уже хватала воздух ртом, держась рукой за грудь.

- Что случилось? - только и сказала она.

- Ты упала в обморок. Лучше выйди наружу, если не переносишь запаха и вида крови.

- Нет, все же было хорошо. Я не чувствовала какого-то сильного недомогания. И запах не такой противный. Все очень быстро навалилось — я даже не успела ничего понять, - растерянно пробормотала она.

- Так оно обычно и бывает, - ответил Врач с улыбкой и, прежде чем подняться, аккуратно провел рукой по ее щеке.

Клерк смотрел на происходящее и не понимал, почему все его спутники ищут близости, или же это обычное поведение Врача, которое показалось ему двусмысленным.

1.

Сержант даже головой не повел, когда Актриса свалилась в обморок.

Он, как замороженный, смотрел на экраны, на надпись, на тело под столом. Красные световые пятна болтались и ползали по стене, как новогодние игрушки, они гипнотизировали и раздражали Сержанта.

Что-то зрело в его голове, как будто похожее на ответ.

Дрожь сникла, потихоньку отступила, прячась от резкого прилива адреналина. Теперь Сержант хотел лишь узнать, что произошло в этой комнате, его не отпускало ощущение, что мониторы когда-то показывали их, людей из группы, комнаты. А если это было так, то человек на полу — один из тех, кто устроил происходящее вокруг.

Фотограф ходила по периметру комнаты, пока остальные возились с Актрисой. Около десяти метров в ширину и пятнадцати в длину — комната была подобием бункера, или так казалось из-за толстой двери и освещения с «привкусом» крови.

- Не трогай здесь ничего! Слышишь?! - рявкнул Сержант, злобно смотря на Фотографа. Она решила не опускаться до ответа и продолжила изучать комнату. В углу справа, ближе к входу, располагался двустворчатый шкаф с дополнительными ящиками внизу. В дальнем левом углу, рядом со столом с мониторами, располагалась кровать, обычная, из металлических трубок со старым серым матрасом с пятнами сырости и дырявым одеялом. Никакого белья не было.

В столе было три ящика. Сержант открыл первый — пусто. Второй также не показал ничего интересного.

Когда Сержант открыл третий ящик, хотя он не хотел этого делать, представляя пустоту, как и в предыдущих, его глаза наполнились удивлением вперемешку с гипнотическим вниманием. Когда, то ли из-за тени в памяти, то ли из-за рефлексов, но Сержант ощутил некое узнавание того, что лежало в ящике. Как только он понял, то сразу же, с силой, захлопнул ящик, боясь, что кто-то мог увидеть то же, что и он.

4.

Актриса смотрела на Врача, который практически сразу отстранился от нее. Это было странно после его последнего жеста, поразившего своей прямотой. Она была симпатична этому мужчине, симпатична как женщина, что вызвало целую бурю эмоций.

Актриса не знала, о чем думать в подобной ситуации — местоположение группы до сих пор оставалось неизвестным, а надеяться на обнаружение выхода тоже не приходилось. И в отчаянии, которое слилось со всеми остальными эмоциями и чувствами, она вдруг ощутила симпатию к человеку, оказавшемуся в таком же положении. Общий страх сплотил их вдвоем, чего нельзя было сказать о группе.

Сержант по-прежнему был мрачнее тучи, он хотел бы грызться со всеми, но не мог себе этого позволить — и это сразу бросалось в глаза. Что-то в его поведении менялось с каждой минутой и это пугало Актрису. Поначалу, увидев в этом мужественном и сильном мужчине лидера, она не боялась потерять надежду на освобождение, но сейчас ей стало казаться, что этот дом давит Сержанта своей мрачной атмосферой и постоянными происшествиями. Он стал нервным, постоянно озирался по сторонам и обшаривал взглядом не только окружение, но и всех своих спутников, будто боялся удара в спину. Когда Актриса входила в комнату с трупом, она прикоснулась к руке Сержанта, случайно, но все равно обратила внимание на то, что его кожа была натянута от напряжения, покрыта мурашками, а могучие мышцы дрожали.

Врач был все таким же молчаливым и нелюдимым, эта черта характера, скорее всего, не изменится ни при каких обстоятельствах. Он появлялся из ниоткуда и также внезапно пропадал, как кот, который всю свою жизнь провел в одиноком блуждании в поисках пищи. Актрисе бы хотелось задержать его на несколько мгновений, чтобы узнать лучше, но он был слишком осторожен для этого.

Писатель выглядел слишком смешным, особенно в контрасте с тем, кем он хотел казаться. Его манеры, вычурное поведение и попытки быть лидером вызывали лишь улыбку, с которой можно смотреть на детей с недостатком внимания. А у Сержанта такие жесты и вовсе отражались злобой на лице. Ему не стоило играть с этим негром, но Писатель, пытаясь быть бесстрашным авантюристом, упорно лез в яму с проблемами.

К Фотографу Актриса относилась с одновременным презрением и осторожностью. Эта мелкая девчонка, гораздо старше своей внешности (в этом Актриса была уверена на все сто процентов) постоянно лезла во все, что происходило вокруг, сканировала своими маленькими глазами каждый миллиметр, отчего у Актрисы порой мурашки по коже прыгали. Актриса даже думала, что она знает немного больше, чем все остальные.

2.

В комнате с мониторами начинала кружиться голова. Врач не знал, почему это происходило, то ли атмосфера смерти уже заполнила пространство между четырьмя стенами, то ли бесконечный двуцветный калейдоскоп от кружащейся лампы играл с мозгом в «Твистер». Неизменной оставалась только неприязнь к этому помещению, полному неизвестности плюс одно мертвое тело.

Врач опустился на одно колено, но, увидев, что кровь, этот горячий каучук красного цвета, все еще расплзается в разные стороны, решил отойти подальше. Осторожно, нависнув над телом, Врач позволил себе перевернуть его. Его глазам открылось отвратительнейшая картина.

Лицо у этого несчастного просто отсутствовало, что было не удивительно, если учесть размер пистолета, но от мышления Врача не увильнула одна деталь, хотя он не мог объяснить, почему он так решил. Ведь револьвер мог снести череп таким образом только, если бы выстрел был произведен в затыльную часть головы. Врач еще раз решил повернуть тело. Теперь это было не так просто – окоченевшие руки мешали совершить небольшое движение. Врач напряг мышцы так сильно, как сумел, и слегка приподнял спину и шею, стараясь не запачкать свой грязный халат еще и кровью.

- Так и есть... - прошептал Врач.

В темечке было видно ВХОДНОЕ отверстие.

- Что такое? – спросил Сержант, который так и не вышел из этой душегубной комнатухи.

- Посмотри на дырку в голове. Что скажешь? – спросил Врач.

Сержант не сразу сообразил, о чем Врач хотел ему намекнуть, но понимание все-таки пришло к нему. Глаза Сержанта округлились, он не мог выдавить и слова. Он присел рядом с трупом, даже не боясь запачкать свои брюки, и осторожно прикоснулся к волосам трупа, чтобы повернуть голову.

- Черт! Этого не может быть! Мы же зашли сразу после выстрела.

- Боюсь, что может, Сержант. Либо он решил вынести себе мозги очень экстравагантным способом, либо отсюда есть еще один выход...

б.

Клерк шел по залу. Его прогулка растянулась до бесконечности, он уже перестал слушать и считать собственные шаги, а каждый вырез в картинных рамах он знал, как свои пять пальцев.

Ему было стыдно возвращаться к группе. То ли остатки воспоминаний сделали из него жалкого червяка, каким он, судя по всему, был в прошлом, то ли характер было просто невозможно изменить ни при каких обстоятельствах.

Клерк представлял их лица перед собой, не понимая, что подсознательно искажает их в ужасных, насмешливых гримасах. Они все смеялись над ним, каждый взгляд и излом губ в злых улыбках говорили об этом. Когда Клерк вновь поднимал голову, отрывая взгляд от мраморного пола, он видел их гримасы в прямоугольниках на стенах.

Он смотрел на них, в эти подобию телевизора, и видел лишь их смех. Они с отвращением глядели на него, эти огромные лица, все пять, сверкали глазами каждый раз, когда Клерк пытался сбежать из их поля зрения, но там где пропадало одно лицо, сразу начиналось другое, еще более насмешливое и неискреннее, а из-за того – озлобленное.

Клерк словно слышал их смех, он отражался в стенах этого огромного помещения, заполнял его уши, сколько бы ладони не сжимали голову; он проникал внутрь головы и тела, дрожью отзывался в груди и ногах.

Клерк сел на пол, отвернулся от взглядов и зажал голову между коленей. Дыхание сразу же перехватило из-за круглого живота, поджавшего легкие. Но Клерку было плевать, он хотел унять голоса в голове. Все громче и громче они сливались в монотонный гул, неразличимый и густой.

Клерк поднял голову и...

Он понял, что гул действительно распространялся по комнате, по всему залу, как мяч, отталкивался от одной полированной поверхности и стремился к другой, по пути еще тысячу раз отразившись от каждого препятствия.

Фотограф выбежала из комнаты с трупом. Она что-то кричала. Заткнув уши ладонями. Но никто ее не слышал. Врач упал на пол, кажется, он подвернул ногу, но его руки все равно сжимали голову, тщетно пытаясь защитить ее от могучего и низкого звука.

Сержанта не было видно, как и Писателя. Только крик Актрисы был единственным звуком, едва различимым во всем мире громогласного зова.

3.

Писатель был возбужден, как никогда раньше в жизни; короткой, не больше нескольких часов. Он вошел в зал, когда все стихло, но в памяти отчетливо запекся вид его спутников, лежащих на полу, их лица, полные боли и тихого крика.

Странная прозрачная стена, образовавшаяся вокруг него, защитившая от воздействия силы, что пронеслась по огромному помещению прямо перед Писателем.

Его голова пыталась понять то, что произошло в эти несколько минут. Казалось, будто память снова вырезали, но в момент бодрствования, настолько силен оказался шок.

Он помнил, как вышел из зала, убрал руку в карман, хотел что-то сделать, все как в тумане.

Когда он услышал отголосок приближающегося грома, он обернулся и...

Дорогу ему преградил водопад. Это было сущей правдой, он даже прикоснулся к этой субстанции – прозрачной, тягучей, но не липкой. Она текла прямо из потолка, не имевшего никакой щели, и пропадала в массиве каменного пола. Медленно и густо, как в стазисе, эта прозрачная стена шевелилась, не пускала Писателя в холл. Но он бы и не пошел, слишком он был ошарашен увиденным.

Когда все стихло, стена исчезла. Казалось, что он моргнул и смахнул ее молниеносной темнотой. И он задумался, а была ли она на самом деле, или ее появление – лишь иллюзия, плод разгулявшегося воображения?

Он вошел в зал и первый же шаг, его звонкий стук, развеял морок. Писатель вспомнил.

5.

Фотограф поднялась, сначала на колени, потом, с огромным трудом, - на ноги. Слегка покачнувшись, она постаралась вспомнить, о чем она думала перед ударом. Но она не успела привести мысли в порядок, когда почувствовала, как руки Писателя, неожиданно сильно, схватили ее за плечи и, слегка встряхнув, повернули лицом к нему. - Послушай... Я понимаю, насколько странно это звучит, но... - он перевел дыхание, будто взял небольшой тайм-аут, чтобы переварить и подготовить грядущие слова, - это я вызвал гром!

Она не знала, что и ответить, ведь была совершенно не готова к этому сообщению. Как можно обдумать ответ на слова, которые даже в перспективе не могут всплыть в голове?

Сначала, Фотограф хотела переспросить, но, обдумав вопрос, поняла, что слышала всю фразу целиком и уточнения будут бессмысленны.

- То есть... как? – промолвила она чуть слышно.

- Я... Я не знаю. Помню, что хотел записать какую-то мысль на диктофон и...

Писатель достал диктофон, нажал кнопку. Раздался звук, похожий на трение электрической кофемолки, если бы его можно было сделать тише раз в десять. Когда он нажал кнопку еще раз, Фотограф услышала голос, который так заворожил ее в прошлый раз. Он одновременно и принадлежал Писателю, и был слишком не похож на тот голос, который она слышала из его уст. Конечно, диктофон искажал звучание, но у Фотографа не оставалось сомнений, что Писатель полностью менялся с этой штукой в руках.

«Он уже не мог находиться в старом холле, каждая деталь напоминала о минувших днях, а в них не было ничего хорошего. Во всяком случае, ничего лучшего, чем происходящее сейчас. В его голову стали закрадываться мысли, как продать дом, как преодолеть огромные от него расстояния, лишь бы память не пыталась его измученную душу. Но, понимая, что пока существует этот дом, воспоминания будут всплывать в омуте мыслей.

И тогда, закрыв глаза, он представил, что дома нет. Что он начал не просто разрушаться, а *исчезать*, таять во времени и пространстве. И все начиналось с этого самого холла. Громогласный рев, неестественно мощный прокатился вдоль стен, и они задрожали в его голове. Он представлял, как звук, вибрация самого существования, пронеслись и начисто стерли все картины, как и воспоминания о них. Остались лишь рамы, но без своего содержания они были не больше, чем фантики на ветру, серые и пустые.

Рев все усиливался...»

Диктофон щелкнул сам по себе и воспроизведение остановилось.

- И тогда я обернулся и увидел вас... - Писатель решил не упоминать о прозрачной преграде, думая, что она лишь почудилась ему.

Фотограф обдумывала информацию. Голос Писателя на записи, вкупе с содержанием и звуковыми искажениями, создавали жуткую атмосферу, ей даже показалось, что воздух стал тяжелее, сердце ее забилось чаще, а лицо покрыла испарина.

- Но это же невозможно, - сказал Фотограф, стараясь чтобы их никто не услышал.

- Я не пытаюсь объяснить этот факт, просто хочу, чтобы ты сказала мне, что я не сошел с ума. Я видел, как вы все корчитесь от боли, но не мог ничего поделать, а если это еще и моя вина, то...

Фотограф вспомнила, что она увидела несколько минут назад, пока память ее не отшиб порыв ветра и могучего крика из ниоткуда.

- Послушай, - память действовала на нее, как стимулятор, ее глаза округлились, выражение лица стало озабоченным. Руки ее пытались помочь рассказать что-то важное, другого объяснения тому, что она била ладонями по плечам Писателя, не находилось. – Я вышла из той комнаты, когда все началось. Я помню, что случайно увидела Сержанта в углу, там где стол с ящиками. Сначала мне показалось, что он что-то ищет внутри, но когда я подошла...

Она остановила рассказ и несколько раз вдохнула – похоже увиденное очень сильно поразило ее, она не хотела говорить необдуманных вещей.

- Там был белый порошок... А он наклонился и...

5.

Писатель слушал Фотографа и даже не сразу понял, почему она остановилась. Ее глаза застыли, но смотрели они не на него, а куда-то вверх, хотелось поднять голову и посмотреть, что же она там увидела. Потом он посмотрел на левую руку на ее плече. Это был рефлекс, обусловленный странным ощущением влаги на коже.

Его рука была в крови.

Глаза фотографа закатились, обнажив белки, и тело обмякло, Писатель даже не успел отреагировать; она упала на каменный пол. Писатель же лишь продолжал смотреть на нее, уже после падения, лишь изредка переводя взгляд на окровавленную ладонь.

Он не слышал ни выстрела, ни последующих криков. В голове до сих пор звучали ее последние слова, которые она не успела сказать, что-то важное, во всяком случае, достаточно для того, чтобы кто-то желал отнять жизнь за эту информацию.

- Что ты сказал?! – кричал Сержант, подходя к Писателю. – Что ты сделал со мной?!

Его лицо было влажным от обильного пота, рубашка также покрылась темными пятнами, словно от кровавых подтеков. Но страшнее всего выглядели его глаза. Они были полны гнева, большие и смертельно-белые, что еще больше выделялось на блестящем от пота лице. Он выглядел очень не здорово, что мог подтвердить любой, даже увидев Сержанта в первый раз, настолько его облик был неестественным.

Писатель не сразу сообразил, что это могло быть от того порошка, про который заговорила Фотограф, прежде чем... Он не мог думать о ее теле, лежащем на холодном полу, прямо у ног. Мысленно, кровь уже начала заливать ботинки, но посмотреть вниз оказалось невозможно. Инстинкты самосохранения взяли верх в его голове и ноги сами понесли в сторону тоннеля. Спотыкаясь от резкого движения, он побежал так быстро, как смог.

- Куда же ты?! – с гневной насмешкой закричал демон в теле Сержанта в спину Писателю. Его надрывной, с хрипотцой, голос пронесся по проходу, обогнал Писателя и окружил его миллиардом отражений, каждое из которых было все более злым и пугающим. – Ты же можешь превращать мысли в реальность! Так давай, вытащи нас! Последовавший затем смех напрочь выбил дух у Писателя. Но он продолжил бегство и, очнувшись только в теперь уже своей комнате, упал на пол. Кровать не привлекала его своей мягкостью. Он собирался лежать на холодном полу, пока кто-нибудь не взорвет дверь снаружи.

Выстрел опять оказался неслышным, но он дал о себе знать звуком разбивающейся лампы над головой. В этом участке тоннеля мгновенно стало темно, и Писатель подсознательно приказал телу прибавить скорости.

Дверь!

Собрав последние силы в кулак, Писатель встал и задвинул дверь на свое место. Но она не закрывалась, не защелкивала свои запоры и вовсе не подавала никаких признаков запираения. Поддавшись мимолетному импульсу, Писатель достал диктофон и нажал кнопку. Щелчок прозвучал неожиданно звонко.

«Старая добрая комната. Только с ней у него были связаны теплые воспоминания. Ведь здесь он творил, создавал чудесные картины, наполнял их жизнью, какими бы они не оказывались. Он был самим собой, что всегда доставляло истинное удовольствие. Но, стоило перейти порог, как дверь захлопнулась, неведомой силой зашвырнув его внутрь, и раздался звук запирающихся засовов. Ловушка!»

И после следующего щелчка, Писатель понял, что дверь больше не открывается. Ловушка стала для него спасением.

Он упал на кровать и закрыл глаза, почувствовав влажные капли между веками.

2.

- Что ты творишь?! – крикнул Врач, подбежав к телу Фотографа. Его страхи подтвердились – она была мертва. Лицо, умиротворенное и спокойное, не было изуродовано выстрелом, отчего казалось, будто она лишь спит.

Но кровавые подтеки на рукаве, оставшиеся после объятий, подтвердили страшнейшие догадки. Врач достал из-за пояса пистолет, обнаруженный рядом с телом в потайной комнате, и, не раздумывая, навел его на Сержанта. Но тот отреагировал совсем не так, как рассчитывал Врач.

Сержант шел прямо на него, смотря в лицо, или в дуло пистолета. Его не переполнял страх, на его лице вообще не отражалось эмоций. Лишь неестественный взгляд вселял ужас. Это был совсем другой человек, или зверь, разницы не ощущалось. В Сержанта вселился демон, который заставлял его делать все эти вещи. Когда он уперся лбом в дуло пистолета, Врач почувствовал, что начинает терять сознание. Его грудь наполнилась усиленным сердцебиением, сбитым дыханием, а в глазах помутнело.

- Ты хочешь выстрелить? Давай! – и он снова рассмеялся этим дьявольским смехом, не отрывая огромных, белых и как будто влажных глаз. На него смотрела Смерть.

Врач опустил пистолет и попятился.

- Нет, я не буду стрелять... - прошептал он, представив на секунду, что произойдет дальше, если вдруг выстрел в голову не остановит этого монстра.

- Вот и отлично, - тихо, но жестко, Сержант поставил точку в этой ситуации.

Он подошел, и ударил Врача головой в нос. Тот упал на пол, кровь мгновенно брызнула на камень.

- Ах да, чуть не забыл, - пробормотал Сержант так, чтобы все услышали. Он направил пистолет, как всем показалось со стороны, на голову Врача и спустил курок. Выстрел изуродовал руку Врача, пистолет отлетел в сторону, куда-то в тень барной стойки. –
Никогда не поднимай на меня оружие.

Клерк и Актриса в немом ужасе смотрели на происходящее.

3.

- Нужно отвлечься! Нужно перестать думать об этом! – Писатель вслух заставлял себя прийти в порядок. Мысли превратились в сплошной хаос, вращающийся вокруг одного обстоятельства.

Фотограф была мертва! Как? Почему? За что? Он не находил ответа на эти вопросы, лишь больше гнева скапливалось в его голове, постепенно она наполнялась фантазиями, как Сержант умирает тысячей способов, страдая каждый раз все больше и больше. На несколько мгновений Писатель даже начал радоваться, что обладает возможностью управления происходящим.

Но потом он задумался. А так ли это? Действительно ли он может влиять на ход событий, создавать определенные ситуации, или это лишь его фантазия или плод воображения. Случай в холле мог быть лишь галлюцинацией, а запираание двери...

Черт, да ведь в таком шоке можно представлять себе что угодно!

Он постепенно терял сознание. Волнение вызвало повышенное давление, жар колотил его тело, перемежаясь с ознобом; ему хотелось лишь лечь и уснуть. А еще лучше – не проснуться потом, чтобы этот кошмар, наконец, прекратился.

Он снова и снова открывал и закрывал глаза, выдерживая разную паузу, но, в каждый раз, он видел лишь тот же черный потолок, с одиноким светильником посередине.

Он понял, что не сможет просто так исчезнуть, хотя, это было очевидно. Мозг Писателя отказывался принять происходящее после такой встряски, но с этим невозможно было ничего поделать. Осталось лишь унять все эмоции и подумать о том, что еще можно сделать.

Он открыл тетрадь и начал писать:

«Я в тупике. Забавно...

Что именно, спросите Вы? Ничего, кроме того, что я нахожусь в ловушке, в которую сам себя загнал. И смешнее всего то, что, как мне кажется, я обладаю всем необходимым, чтобы изменить ситуацию, подчинить ее себе.

Но я не могу этого сделать. То ли не знаю, то ли не хочу.

А еще я не могу перестать думать о ее смерти. И это выводит меня из колеи. Я пишу, чтобы не видеть, как она падает на пол, чтобы не помнить, как я просто стоял и смотрел, даже не понимая, что происходит. Но даже на бумаге... Не понимая, о чем пишу, я лишь смотрю сквозь чернила и...

Она все падает... и падает... снова... кровь на моих руках...»

Писатель закрыл глаза. Бесшумно, без всхлипов, звуки, больше похожие на тихий смех, исходили прочь нервным тиком. Он просто не мог сконцентрироваться на том, чтобы дышать часто и неровно. Будто в коме, его лицо твердело, переставало подавать какие-либо сигналы, эмоции отключались, превращая Писателя в бездушного манекена.

Сколько прошло времени, пока он сидел так, сомнамбулой, глядя в закрытые глаза? Но его слуха донеслись крики в коридоре. И они приближались к его комнате.

За мгновение, его восприятие прояснилось, он очнулся совсем другим человеком. Тем, кто знает, что нужно делать прямо сейчас, в эту секунду. Не зная, что произойдет, но, понимая, что ключи он потерял в зале, когда убежал от демона в теле Сержанта, Писатель поднял диктофон и прижал тетрадь с ручкой к груди. После щелчка, он замер. Ясность пропала, он вдруг понял, что не знает, что сейчас должен сказать.

- Вот дерьмо! – только и произнес он раздраженно.

Злость, скопившаяся в груди, выступила катализатором его мыслей. Он очень ярко себе представил, как проносится вдоль тоннеля с комнатами, холл находится под ним, а его взгляд все плывет к тайной комнате, оказывается внутри нее и...

Писатель произнес:

- Он даже не подозревал, что перемещения реальны, пока, однажды, бесшумный вихрь не подхватил и, за мгновение ока, не перенес в совершенно другое место, оставив лишь наедине с шоком от произошедшего и ворохом новых возбужденных мыслей.

И ничего не произошло. Писатель испугался не на шутку, ведь он даже не представлял себе, что будет делать, если его план провалится. Он был так уверен, что является кем-то особенным. Он только сейчас смог признаться себе в этом, когда осознал полностью противоположную правду.

Писатель знал, что является таким же жалким существом, как и Клерк, с амбициями на сотню человек, но вот возможности... И, когда фантазия предложила ему возможность почувствовать себя по-настоящему особенным человеком, то мозг, по всей видимости, изо всех сил уцепился за эту возможность.

От разочарования, в понимании скорейшей гибели, он сел на кровать и закрыл лицо руками. Он не собирался рыдать или придумывать пути отступления. На секунду даже попробовал представить и ощутить, как Сержант откроет дверь ключом и, не раздумывая, всадит пулю в его голову, как это произошло с Фотографом. В этот момент он собирался подождать своей участи, как мужчина.

Через несколько секунд он открыл глаза и обнаружил себя в комнате с мониторами.

1.

Сержант не думал о происходящем, не пытался проанализировать ситуацию. Он чувствовал себя настоящим богом положения. Откуда только он решил, что ему нужно вдохнуть этот порошок в комнату? Но этот маниакальный порыв, такой требовательный, полностью привел его тело в норму. Дрожь исчезла, никакого озноба, только ровное, быстрое и бодрое биение сердца.

Но, более того, его зрение обострилось, оно приобрело небывалую четкость, слилось с остальными чувствами воедино, образовав нереальную картину вместе с ясными мыслями.

Он знал, что ему нужно делать. Как никогда раньше.

Даже войдя в тоннель, Сержант наслаждался яркостью происходящего вокруг. Мир приобретал необычно насыщенные цвета, темнота просто перестала существовать под натиском такого взгляда.

Его грудь дышала ровно и глубоко, а мышцы были полны сил, внутри них томилась закаленная мощь, которая так и просилась на свободу.

Сержант даже не догадывался, что произошедшее с Фотографом, да и вообще все метаморфозы, связанные с его перевоплощением, до чертиков пугали всю остальную компанию, в его голове не было места зазрениям совести. В момент, когда он спускал курок, он еще думал о том, что эта сучка может растрепать лишнего, заставить всех отправиться на поиски этой мощи, которую он собирался присвоить себе без остатка. Что-то подсказывало, что его тело скоро снова потребует зелья, но это не смущало Сержанта – он знал, что сам захочет подобного подъема еще и еще раз, пока не сольется с силой в единое целое.

- Иди вперед! – уверенно приказал Сержант Актрисе, кинув ключи.

Она не ожидала такого обращения, к тому же ее тело было сковано страхом и ожиданием, что этот монстр в любой момент захочет, ни с того ни с сего, разнести голову любому из уцелевших, и ключи упали на камень.

- Подними их! – в голосе Сержанта звучало раздражение. Невооруженным взглядом каждый видел его нетерпение поскорее расправиться со своим врагом, который даже ничего ему и не сделал.

Актриса вставила ключи в замочную скважину. Отчего-то ей стало жалко Писателя, ведь он не заслужил такой участи. Потом она посмотрела на Врача в конце колонны – его рука была перевязана обрывком ее платья. Когда она увидела его, разбитого и раненого, то, сжав ключ в ладони, резко повернула его и распахнула дверь.

- Здесь никого! – изумленно сказал Клерк.

3.

В углу комнаты стояла кровать и Писатель сразу же устроился на ней, если так можно назвать то, как он упал в жесткий матрас лицом, и вдохнул его вонючую пыль. Перевернувшись, он был вынужден откашляться, потому что мерзкий запах никак не хотел покидать носоглотки. Потолок был таким же черным от плесени и старости, как и во многих других помещениях этого ужасного дома.

Что же пошло не так? – думал писатель, вспоминая все события, которые продлились какое-то время назад. Но ответ никак не мог прийти в голову, как и осознание того, что время тоже размазалось, потеряло свою истинную сущность, как только его перестали считать. В мире без солнца, не имеет значения, сколько прошло секунд. Все решает только желание. Желание спать, желание есть, желание справлять нужду. Но Писатель поймал себя на мысли, что эти естественные оправления организма не тревожат его тело.

Возможно, что прошло не так много времени, но тогда ситуация представилась со стороны еще более жесткой реальности – значит, они начали грызться друг с другом за столь короткий промежуток времени...

Мысли плясали, все никак не могли сконцентрироваться на чем-то одном. Тогда Писатель заставил себя вспомнить о последних словах Фотографа, как бы это ни было больно. Она говорила что-то про порошок в столе в этой комнате. Он встал на ноги, но почувствовал лишь безразличие, мгновенно отразившееся в ватных мышцах и нежелании больше сопротивляться. Он подумал и о том, что, возможно, именно смерть сможет вытащить его из этого кошмара.

И опять неизвестное желание, моментальный импульс, прогнал этих гнусных червей из головы, и Писатель направился к ящику, глядя во все еще мерцающие мониторы. Они завораживали, гипнотизировали и отвлекали. Количество подсказывало о том, что эти экраны как-то связаны с ними, с группой. Но теперь, когда они наполнены лишь беспорядочным узором бело-черных точек, эта загадка останется неразгаданной. Теперь эта головоломка была подобна разбитому монитору – несмотря на его рабочее состояние, паутина из трещин была отдельной помехой к открытию правды.

В ящике стола действительно покоился небольшой, чуть больше ладони, мешок с порошком настолько белым, что каждая отдельная пылинка, опустившаяся на него, сразу же контрастировала на его фоне. Пакет был заполнен лишь наполовину, что навевало на определенные мысли – кто же успел опустошить его. Но появлялся и другой вопрос – что именно этот порошок делает с человеком? Если действия и вид Сержанта являлись его действием, то Писатель ужаснулся мысли о том, что эта отравка может сделать с группой людей.

Но совсем другая деталь привлекла внимание Писателя. Ящик плохо поддавался, поэтому его пришлось распахнуть с силой. И в самом конце ящика, скрываемом тенью от крышки стола, виднелась небольшая щель.

Писатель вытащил ящик полностью и, не найдя другого решения, высыпал порошок вместе с пакетом прямо на стол. Сверху на бурлящую и дымящуюся горку опрокинулось фальшивое дно ящика и тонкая тетрадь.

Ящик упал на пол, когда Писатель взял тетрадь, почему-то обеими руками. Он подумал, что в ней изложено что-то настолько важное и нужно заботиться об этих знаниях.

7.

Я не знаю, как меня зовут.

Я не знаю, как я здесь оказался.

И, что самое пугающее, я не могу выбраться из этой комнаты.

Такое ощущение, что я здесь уже несколько дней, настолько одиночество в замкнутом пространстве оттягивает время. И эти шестеро на мониторах все еще лежат без сознания. Если бы они не ворочались во сне, то я бы уже давно решил, что они все мертвы, а все происходящее вокруг – какой-то ужасный эксперимент. Вот только что можно изучать, наблюдая за человеком, смотрящим на мертвецов?

Когда я очнулся в этой комнате, то не придавал значения странности моего положения. Мне было плохо, все тело трясло, а ноги отказывались удерживать тело в стоячем положении. Да и окружение было странно похоже на мое жилье из прошлой жизни. Во всяком случае, так мне казалось в тот момент, когда думать совершенно не хотелось из-за отвратительного самочувствия.

С каждой секундой становилось все хуже. Закрывая глаза, я представлял падение потолка, удары молотком прямо внутри головы. Головокружение то отпускало, то снова подбрасывало мое зрение и мысли. Тело было лишь якорем, удерживавшим настоящего меня от исчезновения, отлета души...

Когда стало немного легче, я, испугавшись, что это состояние улетучится, решил встать на ноги, чтобы найти лекарство. Голова таяла на плечах, и с полузакрытыми глазами я прошел к столу, даже не заметив мониторов (хотя как такое можно было не заметить!).

И в ящике стола я нашел порошок.

Сначала, как только я употребил его, то подумал, что это настоящее лекарство. Но очень быстро изменил свое мнение. Организму стало гораздо легче буквально в тот же момент, как только стоило мне вдохнуть его в легкие. Откуда-то этот процесс казался знакомым, хотя жжение в носу и непрекращающийся чих подсказали, что была допущена ошибка.

Потом я позабыл обо всех своих тревогах! Это ощущение было не просто сродни эйфории – оно приносило удовольствие от каждого шага, от каждого движения руки и поворота головы. Мышцы были полны энергии, мысли стали ясными и прозрачными, а настроение явно улучшилось.

И именно в момент своего внутреннего триумфа я понял, что нахожусь в ловушке.

Описать свои ощущения лишь как замешательство – это слишком большая ложь.

Внутри моего несчастного тела словно образовалось две личности, две стороны конфликта, не желающие уступать друг другу.

Мне хотелось вырваться наружу, я был полон сил, казалось, что я смог бы уничтожить все преграды на пути. Но вторая моя половина понимала всю безысходность после нескольких попыток выбраться наружу.

Когда я принимаю порошок, время летит словно пуля.

Кстати, о пулях. Я нашел пистолет под кроватью. И теперь, когда действие лекарства заканчивается, я чувствую глубокие изменения в себе, заставляющие меня думать об ужасных вещах.

Мне кажется, что я неизлечимо болен, и лишь этот порошок может держать мое тело в состоянии, лишь отдаленно напоминающем здоровое. Я чувствую себя механизмом на батарейках, умирающим каждый раз, когда их заряд подходит к концу.

Это происходит внезапно, как по щелчку пальцами. В один момент я превращаюсь в слабого и разбитого человека. Мои мысли пустеют, их ясность улетучивается в момент.

Мне кажется, что пистолет мне оставлен только для того, чтобы я прекратил свои мучения. Значит я прав – моя болезнь неизлечима...

Они уже давно начали бродить внутри моих экранов, но это мало меня заботит. Я хочу понять природу своего состояния, продержаться без порошка. И если я почувствую, что болезнь прогрессирует – я убью себя.

Секунды подобны вечности... Я чувствую что-то инородное в груди – оно стучится изнутри, заставляет дыхание быть прерывистым, из-за этого мне не хватает воздуха. Голова кружится, похоже, что начинается кислородное голодание. Кажется, я кричал, я раз за разом спрашивал воплем, что со мной происходит, но ответа не было.

Глаза слипаются, я чувствую настолько сильную слабость, что даже не могу разлепить веки для нормального зрения. Подумав, что это все из-за голода, я содрал немного кожи с живота, чтобы заставить мозг думать, что желудок наполняется. Я жую ее и не чувствую вкуса. Как не чувствую боли. Рассудок мутнеет и...

Это невероятно!

Я увидел нечто волшебное, манящее, как спасение!

Я лежал на полу и смотрел в стену, когда она вдруг залилась светом и озарила какую-то надпись. Я не мог ее различить, слишком уж ярко горели буквы. Я видел очертания каждой, но больной рассудок не мог соединить их в слова.

И тогда я запустил руку в собственный живот, откуда я недавно вырвал кусок и, как сумасшедший художник, бросился на стену, отчаянно полосуя ее руками, очерчивая буквы кровью.

Я почти закончил. Но я чувствую, как болезнь поражает мозг все сильнее. Все сильнее. Все силь...

4.

Волочиться за Сержантом было не трудно. Похоже, что он увидел в Клерке настолько беззащитное существо, что отдал ему пистолет и, даже ничего не пригрозив, повернулся спиной. Клерк думал о том, чтобы выстрелить ему в спину, но решил отказаться от этой затеи.

Он чувствовал, что с Сержантом сможет почувствовать себя нужным, а если – нет, то всегда найдется время вынести кому-нибудь череп.

- Эй, Актриса, - сказал Клерк шепотом, боясь, что Сержант услышит.

Но тот был слишком занят поиском Писателя. Они прошли все комнаты до завала и теперь направлялись обратно к залу, по-прежнему проверяя все двери.

Актриса и не думала откликаться. Ее раздражал Клерк, который только расцвел от того, насколько жалким он оказался, что Сержант даже не побоялся оставлять его в тылу с оружием в руках. Ее внимание было привлечено Врачом, который казался совсем пропавшим. Его лицо побелело, даже приобрело синеватый оттенок, что могло быть причиной большой кровопотери. Но он не делился своими переживаниями и самочувствием. Он просто шел, прихрамывая, в конце колонны, Актриса держалась рядом. Сначала она хотела помочь ему идти, приобняв за плечо, но Врач отказался от поддержки, убрав ее руку.

- Актриса, - сказал Клерк чуть громче, все еще озираясь на Сержанта. – Я могу помочь Вам.

- Можешь? – глаза Актрисы сверкнули злобно и отчаянно. – Так давай же, спусти курок. Неважно в кого – в меня или в Сержанта. Мне кажется, что это не имеет значения.

- Что ты такое говоришь? Сейчас мы найдем Писателя, а он уже вытащит нас.

- Что?! – чуть ли не вскрикнула Актриса. – Ты сам-то веришь в то, что сказал. Сержант не в себе. Что-то превратило его в маньяка. Он идет за Писателем только для того, чтобы убить его.

Клерк хотел что-то сказать, но его толкнуло прямо в стену, его нос больно врезался в сырой кирпич.

Сержант залепил пощечину Актрисе, да такую сильную, что она завалилась на пол.

- Что ты там мелешь? Повтори!

Она посмотрела на Сержанта снизу вверх, даже не пытаясь подняться. На женском лице проступили слезы, но не от боли или отчаяния. Это был лишь предательский рефлекс, ведь ее глаза, губы, морщинки вокруг носа – все выражало лишь лютую ненависть вкупе с разочарованием. Ей было все равно на то, что произойдет потом.

- Я сказала, что ты – больной убудок, превратился в ничтожество, которое действует изподтишка! Ты даже самого себя не хочешь спасти, тобой движет лишь злость, которая даже не принадлежит тебе! Что ты нашел в той комнате?! Может наркоту?! Сержант вздрогнул.

- Я ведь припомнила что-то из прошлого. Думаешь, я, Актриса, не догадалась бы, что за порошок упоминала бедняжка Фотограф?! Но ты слишком туп, чтобы...

Сержант навис над Актрисой всем своим могучим телом, она чувствовала его противный запах от слишком обильного потоотделения, ее голова моталась влево и вправо от ударов крепкими кулаками. От смеси запаха и головокружения Актрису затошнило. Вдруг эти удары прекратились и последнее, что она услышала перед тем, как звон в ушах заполнил собой весь фон, был крик Сержанта.

В абсолютной тишине, будто в другом мире, она увидела, как Врач стоит рядом с этим чернокожим монстром и прокручивает что-то блестящее в его боку. Сержант повернулся, но Врач, сделав невозможный, казалось, маневр, вонзил скальпель в глаз. Актриса видела, как Сержант вопит, что есть сил, но не слышала этих воплей. Ох, как она жалела об этом!

Еще один маневр от удара и Врач вонзает лезвия прямо в щеку Сержанту. И получает мощный удар в висок, который обрушивает тело в сером халате на пол. Актриса видит лезвие в открытом от крика рту Сержанта, для нее это противное зрелище, но, зная, что случится теперь, она не может отвернуться.

Сержант поднимает пистолет и, не задумываясь, стреляет один раз. Второй.

Третий.

Актриса хотела закричать, заплакать, но лишь тьма в закрытых глазах встретила ее объятиями.

3.

Когда все закончилось, глаза снова сфокусировались на происходящем, а тошнота спала, Писатель сразу же бросился к Актрисе, которая почему-то оказалась не в его руках, а рядом, на полу, в нескольких метрах. Писатель боялся признаться самому себе в том, что до последнего момента не верил в удачное перемещение вдвоем, но ведь получилось!

- Очнись! У нас получилось! – почти кричал Писатель, радуясь, как ребенок, произошедшему.

Актриса не сразу подала признаки жизни, но когда она открыла глаза, ее удивление граничило с ужасом – настолько она была не готова к созерцанию потерянного спутника.

- Что произошло? – спросила она, приподнявшись.

- Мы переместились! – воскликнул Писатель, беря Актрису за плечи, будто пытаясь придать более весомое значение своим словам. Конечно, от его внимания не ушло то, как она попяtilась, когда его ладони прикоснулись к плечам.

Ей понадобилось несколько мгновений, чтобы осознать. Писатель нервно кусал губы, смотря ей в глаза, на подбородок, снова в глаза. Внезапно, ее лицо налилось красным и она вlepила своему спасителю пощечину.

- Так, значит, ты все-таки можешь управлять происходящим?!

Писатель даже не успел осознать ее реакцию, не то, что ответить. Он обиженно смотрел на ее контрастную перемену, потирая лицо. Как странно он видел ее, даже не удивившуюся его способностям.

- Похоже, что да... - неловко ответил он.

- Тогда какого черта ты медлил?! Врач... О, Боже! – она заплакала. – Он умер из-за тебя!.. Из-за твоей трусости... Он умер...

Пока Актриса рыдала, создавая болезненное эхо даже своими бесшумными всхлипами, Писатель почувствовал себя виноватым. Ведь получается, что она права. Да, он не сразу осознал свои возможности; да, он думал, в первую очередь о собственной потере и спасении... Но ведь он заставил мониторы работать, он мог вмешаться раньше.

- Ненавижу тебя... - раздалось из-за баррикады сложенных ладоней. – Ты мог спасти его...

- Хватит! – резко оборвал ее стенания Писатель. В этот момент он даже сам не понял, что на него нашло, но чувство уверенности и жестокого эгоизма опьянило его. – У нас нет времени терзать друг друга тем, что нельзя изменить.

Он встал с колен, бросив спутницу на полу, и подошел к мониторам. А там Сержант угрожал Клерку могучими кулаками, пока тот, в свою очередь, закрывал лицо руками, что-то нервно и быстро бормоча. Писатель не знал, стоит ли жалеть его, но глядя на унижения, ему становилось не по себе, а к горлу подступал ком, может даже от стыда.

- Я знаю, что нужно делать! – радостно сказал Писатель, удивившись подобной идее.

- И что же? – тихо и без интереса спросила Актриса.

- Я стану, как он! Если это сила, то она поможет мне! Я – Хранитель!

1.

- Эй, урод!

Крик прокатился по всему огромному дому. Это ощущалось всем телом – вибрация, настолько сильная, что Сержант вот-вот ждал нового приступа, подобного тому, что случился в холле со всеми.

Внезапный прилив ярости ослепил глаза чернокожему полицейскому. Он начал чувствовать дрожь, но не понимал, отчего она – то ли действие зелья подходило к концу, то ли адреналин разрывал мышцы на части. Он снова начал потеть так сильно, что влага заливала лоб и уши, но это было неважно.

Этот слабак бросил ему, Сержанту, вызов.

Улыбнувшись и сжав в твердом кулаке рукоять пистолета, Сержант направился к звуку. Он даже не вспомнил о том, что буквально несколько минут назад, по словам Клерка, Писатель появился из-за его спины, взял Актрису на руки и внезапно исчез, что-то пробормотав в кулак. Так же его не заботило кровотечение из живота и глаза. «Пока нет боли – нечего и задумываться о ней», - так думал Сержант.

Писатель стоял посередине зала, держа одну руку за спиной. Он улыбался, его глаза смотрели прямо на врага, а на лице было несвойственное выражение лица. Сержант сразу догадался, что произошло, но не боялся. Ему казалось, что порошок может придать силу только ему одному.

Было видно по лицу, что Писатель собирается вступить в разговор, но Сержант и не думал предоставлять ему такую возможность. Он собирался действовать быстро, ведь дело не только в той силе, что может дать зелье. Сержант собирался действовать так, как ему подскажут мышцы, рефлексy и инстинкт, а Писатель не выглядел похожим на человека, который может похвастаться наличием всех трех факторов.

Оказавшись в метрах пятнадцати от цели, Сержант остановился. И, как он подозревал...

- Ну и что мы будем с тобой делать? – спросил Писатель, пытаясь побороть эмоции и совладать с рвущимся наружу зверем.

Стоило ему чуть отвести глаза, что не ушло от пристального внимания Сержанта, как он поднял руку с пистолетом и спустил курок.

Раздался щелчок, но Писатель попятился назад. Еще щелчок, еще. Они были похожи на крики рассерженного ребенка, тщетно пытающегося заполучить желаемую вещь.

Поняв замысел Сержанта, Писатель убрал руку из-за спины, так, что стал виден некий предмет в его кулаке, который он сразу поднес к губам и начал бормотание. Но Сержант не собирался предоставлять заминки, хотя отсутствие патронов обескуражило на мгновение.

Зарывав, как тысяча демонов, он бросился вперед, будто желая задавить противника всей своей могучей массой. Но, приблизившись, он занес кулак и молниеносно обрушил его прямо Писателя, в его руку с предметом.

Послышался хруст пластика и хрип Писателя, подобный музыке для ушей разъяренного Сержанта. Пролетев добрых пять метров, Писатель упал к стойке. Его лицо было полно растерянности и непонимания происходящего. Похоже, что он начинал терять сознание.

Теперь уже Сержант мог позволить себе разговор.

- И о чем же ты думал, червяк?! Думал, что сможешь принять немного силы и сразу станешь лучше меня?

Смех Сержанта прокатился по всему залу. Вкупе с его окровавленным видом и изуродованным лицом – он был похож на существо из преисподней, бессмертное и жестокое.

Писатель пополз за стойку.

- Куда же ты?! – не прекращая смеяться, сказал Сержант. – Быстро же я выбил из тебя спесь. Теперь ты видишь, что значит – вступить в бой с Хранителем?!
Писатель скрылся за стойкой. Сержант направился за ним, осторожно заглядывая за преграду. Писатель сидел на полу, рядом с женской сумкой, которую актриса, скорее всего, выронила, когда на группу накатил приступ.
Сержант схватил своего врага за горло и, приложив максимальные усилия, поднял обеими руками. Лицо Писателя мгновенно побагровело, его глаза наполнились красителем цвета крови и закатились. Сержант праздновал свой триумф.
До тех пор пока пилочка для ногтей не превратила его мир в непроглядно-черное ничто.

4.

Актриса подбежала к Писателю, когда тот поднялся из-за стойки после падения Сержанта на пол. Перед ее глазами до сих пор стоял его силуэт, корчащийся от боли, как он хватается то за изувеченное лицо, то, наоборот, шарит ладонями по воздуху. Она не могла понять, умер он или всего лишь потерял сознание, но она надеялась, что теперь он точно не создаст новых проблем.

Писатель же выглядел немного лучше. Хотя на его лице образовался огромный подтек от удара о собственный диктофон, усиленный кулаком Сержанта. Но, с этим нелепым увечьем, улыбающийся Писатель выглядел даже забавно.

- Мы сделали это! – промямлил он, стараясь не двигать больной челюстью.

- Ты сделал это! – ответила актриса.

Она не знала, как они будут выбираться, но, во всяком случае, теперь это казалось более простой задачей, чем раньше.

Она пропустила Писателя вперед и вернулась к стойке, желая забрать свою сумочку.

Когда он снова поднялся с колен, ее встретило дуло пистолета.

Клерк смотрел на нее жадным взглядом, а Писатель лежал у его ног без чувств.

- Что ты?... Зачем ты сделал это?! – крикнула она.

Ее самые страшные мысли снова обретали очертания реальности.

Клерк не знал, что должен сказать, это виднелось в его глупом лице. Что-то заставило его вырубить Писателя. Что-то заставило его наставить дуло на Актрису.

И он сказал.

6.

- Думаешь, что ты лучше меня, да?! Я понял, я понял! Кто я в этой группе! Глупцы, они дрались друг с другом за право быть старше, за желание командовать другими! – он рассмеялся, так не похоже на самого себя, после чего продолжил. – Но именно я должен быть Хранителем! Я был послан в этот дом, чтобы остановить все эти распри, я должен был вытерпеть унижение и несправедливость! И теперь, теперь-то ты слышишь меня?! Ты будешь считаться со мной, сучка! Ты должна считаться, я покажу тебе, что значит не обращать на меня внимания и трахаться с кем попало!

Актриса плакала, ее тело теряло силы с каждой секундой. Она не знала, что заставляет этого нелюдимого человека говорить такие слова, но всякая надежда оставила ее мысли. Она опустила глаза и упала на колени. Теперь не осталось даже сил рыдать, слезы сами текли по ее щекам – так же безвольно, какой стала и она сама.

- Хватит рыдать! Ты будешь моей! Я останусь здесь – в этом доме. А ты будешь подчиняться всему, что я скажу тебе!

Он подошел ближе и ударил ее по лицу свободной рукой. Актриса упала на пол и, лежа на боку, только смотрела в пустоту, в ее глазах не осталось ни света, ни картин реальности.

- Вставай! – крикнул Клерк, хватая ее за шею. Было видно, что этот жест дается ему с трудом, но ему удалось приподнять ее тело над землей, чтобы усадить.

Увидев лишь пустоту в ее глазах и полную отстраненность от происходящего, Клерк подумал, что она теряет сознание и еще раз ударил ее по лицу. Она снова упала на пол.

- Вот сука! Вставай! Не вздумай отключаться!

Он резко дернул ее вверх, да так сильно, что вместо стона вырвался лишь хрип из ее горла. Следующим жестом он, что есть силы, дернул ее платье, хотя жест вышел неловким и неверным, порвать платье не удалось. Он еще раз схватился за жесткую от грязи и крови ткань. Но его остановил крик из-за спины.

- Хватит!

0.

Хранитель стоял посередине комнаты, неподвижно, олицетворяя собой своеобразный символ памяти. В его руках не было ни диктофона, который разлетелся на части от удара Сержанта, ни тетради, которая была утеряна и забыта.

Сила взбурлила внутри него с такой мощью, что не оставалось ни малейшего сомнения в его величии. Ярость бурлила в его сердце, а чувство всемогущества пьянило, заставляло мысли искажаться, а реальность – кипеть в абсолютном подчинении.

«Он был жалок и слаб, когда понял, насколько ошибся. Упав на колени, он думал, что сможет вымолить себе прощение, или, хотя бы, смягчить уготованную участь. Но это было невозможно».

Слова Хранителя раскатами грома трясли весь дом, вибрации такой силы могли разрушить его до основания, но они были предназначены только для одного человека. Забавным могло показаться то, что этот человек, ради которого сама ткань бытия была готова порваться на мириады частиц, валялся на полу, целовал холодный камень и плакал, как маленькая девчонка. Пистолет, оброненный им, лежал рядом, словно намекая на возможный выход из положения.

«Прямо над их головами, в порывах ветра, появившегося из ниоткуда за доли секунды, за короткое мгновение, начало образовываться нечто прекрасное, и, в тоже время, могущественное. Сначала они увидели небольшую трещину в потолке. Она начала расширяться, и иллюзия померкла – трещиной был рассечен сам воздух. Она все увеличивалась и увеличивалась, пока не достигла метров пяти, не меньше, в длину. Тогда она стала раскрываться, будто невидимые руки пытались отворить двери в пространстве. Не было никаких рук – лишь пульсирующая тьма, настолько черная, что в ней угадывались оттенки темно-синего и фиолетового. Портал опускался все ниже, желая пожрать само сущее, а начать непременно с фигуры, распластавшейся на полу».

Хранитель практически не смотрел на открывшуюся червоточину. Зачем, ведь он итак знал, что именно из его мыслей воплотилось в реальность. Нет, ему нужно было наблюдать за своей жертвой, корчащейся в предсмертной агонии. О да, он знал, что умрет, и от этого месть Хранителя обретала все больший смысл.

Внезапно, их взгляды пересеклись – нечеловеческий и полностью отстраненный взгляд Хранителя и слабый, безвольный, полный слез раскаяния, взгляд маленького человека, боящегося своей смерти.

На какой-то миг, жертве показалось, что все стихло, ветер успокоился, его шум исчез, а черная дыра над головой не потрескивала разрядами статического электричества. И в это мгновение, которое пришлось очень кстати, Хранитель, лишь губами, сказал:

«Убей себя»

Жертва посмотрела на пистолет и снова на Хранителя.

«Нет, пожалуйста...» - прошептал он.

И ураганный порыв снова ударил жертву в лицо. Хаос усилился.

Из последних сил, преодолевая силу ветра, маленький человек пополз к пистолету. Два метра казались ему марафоном, но желанная цель заставляла совершить усилия, достойными даже для самых могучих представителей рода людского.

3.

Клерк вынес себе мозги. Удивительно, но он сделал это сразу, не оттягивая неизбежное, не пытаясь еще раз умолять его, Писателя, взглядом.

Смотря, как его окровавленное тело лежит на полу, он не думал об Актрисе, не думал обо всем, что произошло. Все его желания были направлены на то, чтобы остановить мрак, заполнивший собой уже почти все пространство над головой.

- Стой!

Чернота все приближалась, теперь уже не в виде некоего портала, а как густая жидкость, она растекалась по всей реальности, поглощала ее, сантиметр за сантиметром.

- Остановись, я приказываю!

Она подобралась все ближе, начала обволакивать все, что лежало на полу, оставив лишь сужающийся вокруг Писателя купол. Будто она хотела сожрать его напоследок.

- Я, Хранитель этого места, повелеваю тебе исчезнуть!

Сначала исчезла Актриса. Потом и Клерк начал обволакиваться черной, что смоль, жидкостью. Писатель повернулся и увидел тело Фотографа. Она лежала ближе, чем он думал, но и ее тело постепенно таяло в черноте.

Сжав веки, желая призвать такой же мрак в свои глаза, Писатель пошел вперед. Шаг, второй, третий.

Он открыл глаза. Ничего не изменилось. Тьма была повсюду.

Эпилог.

Я дернулся в кресле. Что-то держало меня. Паника сразу же дала о себе знать, раньше, чем я даже сообразил, кто я и что тут происходит.

Открыв глаза, я увидел лишь призрачное изображение, висящее прямо в воздухе. Как полупрозрачный квадрат, сотканный из нитей ярко-голубого света. И по нему бежали какие-то буквы.

Я даже и не думал читать их, все мои мысли были заполнены желанием выбраться. Опустив голову ниже, я ощутил ремень под подбородком, но даже он не мог помешать мне разглядеть свое тело.

Я сидел в кресле, сдерживаемый пятью толстыми ремнями, они были туги и не оставляли шанс выбраться. На мне были одни лишь брюки и майка, вся в жирных пятнах. Я не мог узнать свое туловище, словно оно принадлежало кому-то другому. Я помнил лишь, как меня поглотила тьма, но я мог поклясться, что перед этим созерцал вовсе не этот тощий живот и худые руки.

После нескольких попыток расшатать кресло или сдерживающие путы, я обмяк в кресле.

Осмысленный взгляд на экран, на буквы, заставил меня с удивлением сконцентрироваться на прочтении.

«Пожалуйста, устройтесь в кресле максимально удобно и попытайтесь расслабиться. Не старайтесь порвать или повредить ремни безопасности. Программа освободит Вас автоматически. Когда будете готовы, произнесите «Синхронизация» громко и отчетливо».

Не понимая, зачем я делаю это, я устроился в кресле максимально удобно и произнес:
- Синхро...

В горле пересохло, да так сильно, что каждый слог отзывался болью.

Попытавшись сглотнуть, я хоть как-то сумел образовать слюну во рту и снова произнес:

- Синхронизация.

Я не в силах описать то, что произошло в следующие несколько секунд, но это было подобно прозрению, экран превратился в сплошное белое полотно, озаряющее меня своим светом, и я всем телом чувствовал некие электромагнитные волны, вибрирующие мягко и приятно, вызывая лишь самые теплые воспоминания.

По окончании синхронизации, ремни расстегнулись, и я выпал из кресла. Ноги ослабли, подняться было крайне трудно. Как и в каждый раз, после загрузки собственных воспоминаний.

Было холодно. Я подошел к шкафу и достал огромный черный свитер, подарок жены.

Он сразу же приютил меня теплом и мягкостью.

Я бы еще долго стоял и смотрел в стену, но, судя по заверениям на упаковке «Хранителя», после игры рекомендовалось поесть чего-нибудь калорийного и насыщенного витаминами и белком. Хотя мне не нужны были советы на плакате рядом с игровым креслом – я итак хотел есть, словно зверь.

Я пил теплый чай и думал. Сколько раз я уже проходил этот этап, но в каждый раз поражался тому, насколько реальными были все эмоции в симуляции. Неудивительно, говорила одна половина мозга, ведь игра изымает собственные воспоминания игрока и вживляет минимум, необходимый для сеанса. А другая половина мозга, эмоциональная и поверженная стрессам, утверждала, что дело не в одних только воспоминаниях – там проживается целая жизнь, раз за разом. И, с каждым новым сеансом, все эти знания наслаиваются друг на друга, заставляя представлять картину бытия совершенно иначе.

Подойдя к окну, я посмотрел за грязное стекло на улицу. Обычная осенняя серость, и если бы не яркий огромный рекламный стенд «Хранителя», то ее мрак все больше погружал в депрессию. Людей на улице было мало, да это и понятно, зачем мерзнуть в этой влажной и противной туманной серости, когда можно остаться дома и заняться делами поинтереснее.

Я в первый раз оказывался Хранителем. Хоть сеансы и начали размываться в одну бесконечную линию в том таинственном доме, он все еще помнил свой первый раз, в роли Врача. Мягкий по своей натуре, я защитил женщину-Клерка от пули, выпущенной Фотографом, и пал первым из всех. Потом мне довелось стать Актером и я даже продержался достаточно долго, но Писатель завалил меня, воткнув нож в спину, несмотря на то, что мы старались держаться вместе. Я так ни разу и не узнал, каково это – встретиться с Хранителем или, тем более, почувствовать его силу. Но одна вещь угнетала меня сильнее всего.

Я подошел к экрану и нажал на кнопку «Статус». Как всегда, на карте дома были закрашены лишь 37%. Остальная часть, представленная в виде пары комнат и тоннеля к выходу, была чернее портала, который я сумел вызвать.

Осторожно открыв дверь в соседнюю комнату, я взглянул на свою жену. Она была красива, как всегда, хотя и стала худеть, как и я. Я хотел обнять ее, поцеловать, будто не виделся с ней уже целую жизнь. Но статус на экране был на этапе «Копирование воспоминаний», а прерывать процесс было опасно. Да я и не хотел мешать ей, ведь я же люблю ее и готов подождать.

Обычно сеанс длится восемь-десять часов, за это время я многое успею сделать, если только...

На улице было промозгло и сыро, что неудивительно, в конце октября. Но свежий воздух бодрил и, если бы не ветер, я бы прогулялся гораздо дальше магазина. Вернувшись домой, я закинул картошку и курицу в автопечь и сел за работу. Моя работа заключалась в написании статей, рассказов, если так угоднее, о сеансах в «Хранителе». Книжки нынче не в чести, но вот сводки о прохождении искусственной жизни в виртуальных воспоминаниях – пожалуйста. Мне это казалось глупым, ведь воспоминания все равно будут стерты, а научить характер чему-то новому, всего лишь прочитав о путешествии другого человека, невозможно. Наверное, все эти люди желают узреть в чужих очерках собственную игру. Увидеть, как другой человек реагирует на то, что ты убил его ПО-НАСТОЯЩЕМУ. Поэтому мой писательский талант пригодился в новом амплуа.

Пожинав и закончив статью, я сразу же отправил ее на обработку редактору сайта «Хранителя». Отлично, деньги будут, как всегда, завтра.

Я накрыл на стол для своей жены и вошел в комнату.

Карта все еще мерцала на мониторе.

Вдруг, я вспомнил глаза Фотографа в последней игре. Я вспомнил, как она умирает прямо передо мной.

Цель игры – выжить самому и спасти как можно больше спутников.

«Я спасу тебя», - прошептал я, усаживаясь в кресло.

Посвящается И.
11.2013

ПАДАЯ ВВЕРХ

1.

У каждого уважающего себя человека, неважно, женщины или мужчины, всегда должно чего-то не хватать. Это не основополагающая истина счастья, а лишь тенденция, все чаще доказывающая себя в комфортной жизни современности. Если есть деньги, и ты живешь более-менее счастливой жизнью холостяка, то – добро пожаловать в мир без любви, яркий, быстрый. Вот только эти краски будут тебе незаметны, вероятность – 87,99%. Если встретишь любовь всей жизни и будешь, в какой-то мере, счастлив, то, могу угадать с вероятностью 95% - ты беден. Это нормально. Нужда заставляет мозг работать, мотивирует для свершения нового, для достижения целей, которые могли казаться совсем далекими. Но тогда нужда называется желанием. А все новые и новые желания продолжают подстегивать умственные процессы, двигать жизнь вперед. Всем здравствуйте. Меня зовут Андрей, и у меня не осталось никаких желаний, после того, как пропали любовь и счастье. Все дружно хлопают, пока шквал аплодисментов не сворачивается в гул поезда метро. Деньги могли бы меня утешить...

Сколько себя помню, никогда не зарабатывал достаточно. В каждом дне жизни бывали ситуации, когда что-либо хотелось приобрести, утешить самолюбие, но даже мелочи оставались недостижимыми. Даже похвастаться безделушками, приобретенными дешевле, чем во всех остальных магазинах, не удавалось. Я получал карманные деньги от родителей, перебивался мелким заработком в старших классах и колледже, получал средний заработок, которого хватало на еду, оплату квартиры и дешевый шопинг раз в три-четыре месяца. Это было так нормально – жизнь без лишних амбиций, с ощущением, что все идет, как надо, все – лишь временно, ведь тебе лишь двадцать лет, двадцать один, двадцать три... Ты молод и перспективен, мысль о том, что деньги найдутся со временем, стоит лишь подождать, набраться опыта что ли. Взгляд на друзей, знакомых и бывших одноклассников, которые постоянно мелькали на бесконечных фотографиях из отпусков, на фоне автомобилей, в дорогих клубах – это был лишь первый звоночек к падению. Я никогда не испытывал зависти, так как не нуждался в ней, но любопытство, как именно парни и девчонки из моего окружения, из того же теста, подкрались к достатку, грызло меня изнутри, пусть и незаметно. У меня была любовь, она грела меня счастьем, притупляя рецепторы опасности и, вместе с ними, - желание стремиться вперед. Хотелось теплого уюта, неги и спокойствия, которые ассоциировались с безмятежным существованием в том мире, который я построил, лениво и без особого труда.

Пришло время вернуться к тому, о чем я специально умолчал.

Если критерии комфорта не сочетаются с такими же, присутствующими у партнера – то, мой милый друг, можешь смело заканчивать данный этап жизни и приступать к следующему. Неважно, чего это будет стоить – любые действия окупятся в будущем.

Пока я купался в воздушных замках из собственного самомнения и фантазий, моя «половина» ощущала острую нехватку финансов, которые были основополагающей частью ее счастья. На первый взгляд все было нормально (не отлично, не потрясающе, нормально), но бомба оттягивала реакцию до последнего.

Любовь же... Любовь одного не разделишь пополам.

Когда воздушные замки потеряли плотность, я, оказавшись абсолютно к этому неподготовленным, полетел в пропасть, такую черную, что свет превращался в ней

лишь в маленькую точку, лишь отголосок воспоминаний. Не помню, ударился ли я обо что-нибудь на дне, и были ли оно вообще?

2.

Сегодня я снова пьян. Не помня, где оставил часы, решил проверить время на мобильнике. Вот только подумать об этом оказалось сложнее, чем найти проклятый аппарат.

В душном автобусе мутное облако из дорожной пыли обволакивало собой каждый кубический сантиметр свободного пространства. Измерять мир вокруг себя в литрах я уже не мог после вчерашнего.

Сверкающие, едва различимые глазом, смертоносные точки витали в воздухе, проникали в рот и нос, оседали на одежде и коже пассажиров. И все сопровождалось беспощадно-ярким белым светом Солнца.

- Бля, да где же ты?! – хриплым от дневного сна голосом произнес я, немного громче, чем ожидал.

Мобильник оказался у меня, как по волшебству, после произнесения заветного заклинания, и несколько пар взглядов попутчиков прилагались в придачу. Мало того, что я кому-то не уступил место несколько остановок назад, еще от меня (как бонус к приятному вечеру) по любому разит алкоголем, так теперь я позволяю себе выматериться в присутствии женщин и детей, а также прочих утопающих.

С похмельной ухмылкой на лице я презрительно осмотрел попутчиков и уставился в телефон. Дорогой аппарат не соответствовал внешнему виду, но я был рад, что мысли о старте недели распродаж личных вещей еще не начали посещать больную голову.

Несколько раз взглянув на время, я его не запомнил. Зато в коре головного мозга сразу же отпечатался вид «б пропущенных вызовов» с дополнением, выполненным мелким шрифтом – «Мама».

- Мама, мама... не сходи с ума... - полушепотом напел я себе под нос, пряча телефон в карман.

«Конечно, она волнуется!» - сетовала Совесть внутри сознания. Ее голос, каждая вибрация, неприятно отражался на самочувствии, прибавляя к спазмам желудка еще озноб и чувство вины.

«Но я же в порядке!» - отвечал Здравый-Смысл. Этот парень мне нравился куда больше – он всегда мог найти позитив и логичное оправдание любому моему действию или поведению в целом.

«В порядке ли?» - язвительно вопрошала Совесть, снова прикладываясь своими щупальцами, словно медуза, жала самые глубинные, так тщательно спрятанные чувства.

Здравый-Смысл был труслив и осторожен. И поэтому, когда диалог происходил наедине, внутри меня, он всегда уступал Совести, как мальчишка прятался от нападков хулиганов.

Я сделал шаг на сухую до невозможности землю. Клубы насточертевшей пыли сразу же взметнулись вверх и зависли, как бы подтверждая безветренную погоду, а она знала, как свести с ума. Я не помню, откуда ехал. Просто проснулся в загородном автобусе, тот шел не спеша по направлению к центру, к дому. На мне был легкий кардиган, поверх когда-то белой футболки, длинные, оттого жаркие, синие джинсы и дешевые китайские кеды. И, скажу я вам, в начале июля, под палящим солнцем цвета пустыни, да еще и в отсутствии ветра! Сказать, что мне было всего лишь жарко, значило плюнуть раскаленной слюной в лицо.

Я снял кардиган, не расстегивая, через голову, параллельно вытер им лицо, грудь и подмышки и решил идти к дому, когда мой взгляд наткнулся на странного мужичка, который ехал в автобусе вместе со мной. Он стоял на остановке и разглядывал меня, даже не стесняясь. Новые бриджи и идеально подогнанная футболка выглядели неуместно со шлепанцами и носками.

- Эй, мужик! Что нужно? – спросил я, глядя в глаза этому субъекту.

Позвольте извиниться за информацию, предоставленную в не совсем полном объеме. В момент, когда вы читаете эти строки, то, скорее всего, пытаетесь представить меня, как главного героя. Но все образы будут неверными без необходимого дополнения. Помимо того, что я, в своем нормальном состоянии, выгляжу именно на свои двадцать пять, у меня все еще не растет щетина, что доставляет определенные неудобства, особенно в дни запоя, как сейчас, так мое лицо еще и украшено достаточно свежим фингалом от отличной драки три-четыре дня назад.

Поэтому неудивительно, что мужчина в бриджах слегка опешил, когда я, небритый, с пучком волос, хаотично торчавшими из подбородка и из-под носа, с подбитым глазом, так нагло к нему обратился.

Но у него была какая-то цель, поэтому, рассудив, что, в случае острой необходимости, он сумеет мне навалить, он подошел ближе.

- Андрей Витальевич, я полагаю?

Если бы не зуд в мозгу, который был даже большим, чем обычное похмелье, то стоило удивиться сильнее. Разрыв черепной коробки оказался более приоритетным, и напрочь отшиб все прочие мысли.

- Ну, я? А что нужно?

- Я бы хотел предложить вам работу, - ответил незнакомец.

На этой ноте я даже протрезвел. Слегка, но достаточно, чтобы начать что-то соображать, складывать два и два.

Стоит пояснить, что я был безработным всего неделю, но уже успел хорошенько прокутить имеющиеся деньги и если бы не маячивший на горизонте окончательный расчет с бывшим работодателем, то на ближайшее время я был бы беден и гол.

Поэтому предложение подозрительного типа, который знал, как меня зовут... предложение того, в чем я нуждался...

Я просто не мог отказаться. И дело было даже не в любопытстве.

3.

«Черт! Да где же этот гребаный офис?!»

Карта на навигаторе телефона подтверждала мое присутствие точно по адресу, указанному на мятой бумажке. Но кроме захолустных дворов, переходящих из одного в другой, ничего дельного не попадалось на глаза. Стоило один раз сойти с Невского проспекта и углубиться в массив старых построек, как они тут же решили запутать дорогу и завести меня в самые недра города.

Свет летнего солнца поглощался суровыми четырехэтажными строениями, которые превращали небо в отпечаток на пересвеченной пленке, да еще и загоняли его в рамки четырех стен.

- Черт, черт, черт! – бубнил я себе под нос, вглядываясь в подъезды, которые я, похоже, уже начал отличать друг от друга.

Я опаздывал уже на двадцать минут, что не доставляло удовольствия. Может показаться смешным, но я даже постарался привести себя в порядок сегодня утром – помылся, сбрил глупые волосы на лице, нашел старый дезодорант-стик, который пришлось размягчать теплой водой...

Теперь, при полном параде, брожу по трущобам в поисках гипотетического офиса, который начинал казаться мне все более нереальным с каждой секундой опоздания. Да и как можно было повестись на предложение незнакомца, будучи пьяным и грязным, как последняя сволочь? Ух, как его карма сегодня пострадает, поболее, чем моя печень! Как только стоило об этом подумать и завернуть за очередной поворот Питерского лабиринта, взору открылась неприметная, но удивительно чистая и аккуратная дверь. Двор оказался последним в сегодняшнем квесте – из него был только один выход – та самая арка, через которую я вошел.

Когда я вошел внутрь здания, сразу же наткнулся на стойку рецепции в узком коридоре, которыми изобиловало каждое старое здание. Никогда не понимал, зачем их пытались переоборудовать под бизнес-центры?

За стойкой, как ни удивительно, была вовсе не девушка лет 20-25 лет приятной наружности, а суровый мужичина за пятьдесят, с внешностью бывшего вояки.

Наверное, не стоило ожидать, что он начнет любезничать со щеглом, вроде меня.

- Здравствуйте, я к вам по поводу работы, - сказал я, стараясь сохранить уверенность и равномерную громкость в голосе.

- Вам в шестой кабинет. Займите очередь и ожидайте.

Я прошел направо от стойки, куда указывал его палец, там зажегся зеленый индикатор в турникете. Коридор не разветвлялся, всего лишь уходил влево, вглубь здания. В свое время, эти лазы должны были быть ничем иным, как подвальными помещениями, а теперь их за бешеные бабки предлагают, как офисы высшего класса. Не спорю, евроремонт даже собачью конуру может превратить в пентхаус, но становилось смешно от того, что близко расположенные к центру города развалины делают дорогим удовольствием для различных компаний.

Кабинет номер шесть оказался единственным помещением, перед которым было что-то похожее на небольшую комнату для ожидающих. Их было немного – согбенная женщина неопределенного, хотя точно немолодого возраста, и двое мужчин, которые у меня, почему-то, сразу же ассоциировались с бывшими грузчиками – они были крупными, с тяжелыми и натруженными руками, а разговор о рыбалке вызывал только неудовольствие. Я представлял, что в свои выходные они выезжают за город, с палатками и припасами, выставляют удочки или другие снасти вдоль берега и... начинают бухать, пока не отключатся.

Хотя, мне было грех жаловаться. В последние дни я делал это даже без такого повода, как псевдо-рыбалка.

Дверь кабинета открылась, и я увидел мужчину, который пригласил меня на встречу. Только теперь он предстал совсем иначе – в пиджаке, белоснежной рубашке с каменным воротником и строгим офисным галстуком, он чувствовал себя и выглядел, как рыба в воде. Даже не верилось, что он мог вырядиться в тот look, в котором я видел его в первый раз.

Он вышел из кабинета, как будто почувствовал, что я пришел, ведь как иначе можно было объяснить то, что он сразу же обратился именно ко мне:

- Андрей! Здравствуйте, я вас ждал.

- Привет, я все-таки решил принять ваше предложение, поэтому я подожду.

- Нет-нет, не стоит. Пройдемте, - и он указал мне на дверь, напротив, с цифрой 7 посередине.

Перед тем, как он закрыл дверь, я успел увидеть спину старика, который сидел внутри, перед массивным деревянным столом. Он что-то писал, причем, согнувшись чуть ли не напополам, выглядел так, будто канцелярским предметом был его собственный нос. Внутри, в «кабинете № 7», обстановка была похожа на продукцию всем известной компании – стены были обшиты белыми пластиковыми панелями, без стыков, потолок побелен настолько хорошо, что и через год его можно было выдавать за новый. Пол выглядел, как рыцарский доспех – плитка была не керамической, а из какого-то дорогого, а посему неизвестного мне материала, цвета матового алюминия, который поглощал отражение шести ламп дневного света.

- Итак, Андрей, я пригласил Вас на собеседование, но сразу сообщу, что вы уже приняты, так сказать, заочно. Вопрос заключается в другом – поскольку должность, так сказать, нестандартная, Вы сами должны решить, согласитесь ли Вы на подобную работу?

И он положил передо мной, «так сказать», презентацию моей будущей должности. Я ознакомился с условиями оплаты, с периодичностью оплаты и мои глаза, должно быть, просто повывлазили из орбит, потому что краем глаза я заметил, как мой собеседник довольно ухмыльнулся.

Все было абсолютно чисто. Даже, несмотря на наименование организации в левом верхнем углу страницы, создавалось впечатление, что я устраиваюсь в какое-нибудь пенсионное управление или в налоговую. Тринадцатая зарплата, отпуска, больничные, придаться абсолютно не к чему. Сумма же... Достаточно сказать, что она превышала мой оклад на предыдущем месте раз в пять.

Конечно, ощущение запаха свежего сыра заставило задуматься о присутствии мышеловки, и я перелистнул страницу.

Мне понадобилось не меньше пятнадцати минут времени, чтобы перечитать жалкие десять-двенадцать строчек, прежде чем их смысл дошел до меня в полной мере.

- Это что, шутка? – спросил я.

- Отнюдь. Как бы абсурдно это не выглядело, но мы готовы платить вам указанную сумму за выполнение этих обязанностей. И, чтобы у вас не появилось ощущение, так сказать, кидалова, то наша организация предоставит аванс в размере одной трети заработной платы.

Моим глазам уже некуда было расширяться, поэтому я почувствовал только боль в глазницах.

- А если я решу свалить, как только получу деньги?

- О! Вы этого точно не сделаете! – ухмыльнулся собеседник, откинувшись на спинку стула.

И он, черт побери, был прав, «так сказать»...

4.

Солнце пекло с самого утра. Температура была настолько высокой, что уже утром тело ощущало жар, который мог заставить воду любого открытого водоема кипеть от соприкосновения. Днем же, дрожащая дымка уже была повсюду, заставляла людей сторониться зоны обстрела огненными лучами и покупать напитки на каждом углу. Жара убивала меня своей мощью, а светило в небе лишь добавляло дискомфорта.

Но все было не так заметно в свете важности этого дня. Первого дня на «работе». Всю дорогу от дома до автобусной остановки, с которой мне нужно было начинать свой маршрут, я только усмеялся над своей «униформой» и грядущими обязанностями. Стоило мне оказаться в толпе уже спарившихся в городской духоте людей, поймать их взгляды на себе, как до меня сразу же дошло – все это взаправду, и стоит мне сделать малейшую ошибку – и я потеряю единственный шанс заработать хорошие деньги и вновь подняться на ноги. Неважно, каким способом.

Люди оборачивались и воротили нос. Во взгляде некоторых было удивление, как если бы они увидели дома чужую грязную и немытую собаку, кто-то напротив – сразу же отзывался презрением и либо отходил в сторону, либо вовсе отправлялся прочь. Как странно было смотреть на реакцию окружавших меня людей, понимая, что я и сам иногда проявлял эмоции отвращения к тем, кем пришлось стать намеренно.

Грим был первоклассным – специальная пастообразная смесь, которую нужно было наносить на лицо, создавала вид редкой щетины, окрашивая мой пушок на подбородке и щеках, и добавляла эффект въевшейся грязи. Анти-освежитель дыхания не раздражал мои собственные обонятельные рецепторы, но источал такой отвратительный запах кариеса и гнили, что меня чуть не вырвало, когда я понюхал его дома. Только одежда приносила реальные неудобства. Как мне сказали, даже самые совершенные разработки не привели к возможности создания такого материала, который бы мог выглядеть, как повседневная одежда, но при этом оказывать максимально благоприятное воздействие на организм.

В итоге – на мне были ХБ-шмотки, хитро завуалированные под самые грязные то ли джинсы, то ли брюки, что я видел в жизни, с несколькими дырками, и легкий пуховик осенне-зимнего сезона, он хоть и был когда-то достаточно дорогим, но сейчас выглядел, как кусок тряпичного дерьма. Вместо футболки – кое-как сшитые и связанные друг с другом «на соплях и скотче» лоскуты ткани, даже не притворяющиеся одеждой, вместо обуви – старые кожаные ботинки с оторванными носами и обмотанные все тем же всемогущим скотчем и изолентой.

На полусогнутых, держа руки в карманах, я продвигался вперед, расталкивая всех и каждого на своем пути. Не задерживая взгляда, я все же интересовался реакцией попутчиков. Она была одинаковой – отвращение, презрение и страх. Страх оказаться рядом со мной, «с этим вонючим уродом», страх испачкать свои одежды из дорогого магазина не просто прикосновением, а только лишь пребыванием рядом с кем-то настолько мерзким, что даже смотреть было противно.

Когда показался автобус, многие нетерпеливо переминались с ноги на ногу, от запаха, которого я практически не чувствовал, а может – от желания поскорее исчезнуть прочь. Каково же было разочарование всех попутчиков, когда я ввалился, спотыкаясь и чуть ли не падая, в автобус вместе с ними, заполняя собой и своим ароматом каждый миллиметр пространства! Это был небольшой «ПАЗик», и распространение непригодной для жизни атмосферы было лишь вопросом времени.

Но, при этом, никто не рискнул поднять на меня голос или просто вякнуть хоть что-нибудь.

Все взгляды сразу же прятались в пол или в книгу, или в окно, стоило мне поднять глаза навстречу. Это было ни с чем несравнимое ощущение, оно вызывало лишь улыбку. Подумать только, я был в самом центре внимания, без самого внимания!

Каждый человек в автобусе осознавал мое присутствие, пусть и старался не замечать его. Я сел в самом конце автобуса, на место предполагаемого кондуктора, в котором не было нужды, так как водитель, взяв деньги с нововошедших, полоснул по мне взглядом в большом зеркале над серединой своего окна, и повел транспорт вперед.

Сидя боком в сторону движения, мне открывалась интересная картина – несколько молодых людей непонятного возраста в силу не вполне естественной наружности.

Вспомнив свою задачу, обязанности, я громко заржал. Видимо, напряженность от столь непривычного антуража взяла верх, и смех получился громким и искренним, без фальши.

Конечно, мало кто обратил на это внимание, или никто не подал виду, что обратил внимание. Может показаться смешным, но я чувствовал себя неприкасаемым в этом автобусе! Боже, какой бред, если бы только он не приключился со мной! Стало весело и смешно – я, ничем не отличаясь от попугачиков рядом, вызываю такую реакцию, что все боятся даже посмотреть в мою сторону. Лишь секунда – и уже чувствуется настроение окружающих, оно впитывается, как губка.

Но, дело не ждало...

Один из пассажиров, парень из группы напротив, сразу мне не понравился. Мне неприятен был его вид – черные джинсы настолько в обтяжку, что реальный объем его ног мог быть раза в два больше, чем спички, торчащие из задницы; какая-то тряпица, видимо, предназначенная исполнять функции футболки, с фактурой материи, стиранной не меньше миллиона раз, просвечивала и, при некотором рассмотрении, открывала вид на тощий торс, торчащие ребра и соски, на белом фоне они смотрелись противно, как шрамы.

Я никогда не был драчуном, не лез в драку первым, не провоцировал других...

Правда заключалась в том, что и дрался-то я не больше десяти раз за всю жизнь, если вспомнить навскидку.

Его крашенные волосы, с девчачьей челкой на один глаз, всего лишь их вид, этих черных прядей, заполнили чашу терпения до краев, даже для меня.

Спрей для рта не только создавал отвратительный запах помоек и кабинетов стоматологов в дешевых больницах, он еще и раздражал горло, заставляя его напрягаться для каждой фразы, да так противно, что даже обычное мычание превращалось в низкий хрип.

- Эй, пидор! – окликнул я этот «субъект» не своим прокуренным и пропитым голосом.

Сначала не было никакой реакции ни от одного члена компании, хотя, не исключено, что членов там было не больше, чем в женской бане.

- Ты что, глухой что ли? – сказал я немного громче, удивившись, что хрипота звучит в голове даже слегка забавно.

Легкий взгляд презрения в мою сторону. Этот был немного по-хулиганистее – клетчатая рубашка красно-зеленого цвета, джинсовые шорты с подкатом до колена и короткая стрижка а-ля «спортивная». Я даже подумал, что сейчас этот кадр пихнет своих товарищей, а они направятся в мою сторону, но нет. Всего лишь зыркнув глазами, мол, «не выеживайся, а то схлопочешь» он снова отвернулся к разговору.

В голове мелькнуло правило № 2.14 «Нельзя причинять серьезный ущерб психическому или физическому здоровью, лишь легкое воздействие для выполнения пунктов 1.5, 1.7 и 1.10»

Пожалев о том, что, как истинный бомж, не захватил с собой бутылок из помойки рядом с остановкой, я сунул руку в карман и взял влажный ошметок газеты. И, конечно же, я получил огромное удовольствие, когда метнул им в группу молодых людей. В секунду, когда противная бумагоподобная жижа врезалась в роскошно-мерзкую прическу пассажира самого голубого вида, того самого, я разразился таким ржачем, которого не позволял себе, наверное, никогда. Я смеялся над тем, как лицо этого педика искажается сначала от резкого испуга, потом от отвращения, на его глаза уже

наползали слезы, постепенно превращали лицо в жалкую маску трусливого ребенка. Кажется, у него даже тональник потек. Я смеялся над тем, как мой хриплый ржач заполняет стены автобуса и возвращается ко мне обратно, не найдя пути наружу. Смеялся и над жизнью, которая подвела к тому, что функция в социуме, отвратительная, с натяжкой даже работой назвать сложно, вызвала во мне столь яркие и позитивные эмоции. Я казался себе отвратительным, жалким и... и «бесполезным»... Тяжесть собственных мыслей опускала все ниже, настолько низко, что дрожь в теле становилась ощутимой и сильной, озноб «колбасил» туловище похлеще режущего ветра, хотелось рыдать, хотелось упасть на колени, потом завалиться на бок, в грязь и пыль, стать незаметным и жалким, мерзким, блевать от нервов, от головокружения... И все это было невозможно совершить в один момент. Поэтому я ржал что есть сил.

- Ты считаешь это смешным? – подошел тот самый «хулиган», который, по-видимому, был не только основной ударной силой компании, но и единственным нормальным парнем на фоне этой женоподобной группы. – Ты считаешь это смешным?

- Мог бы и не повторять, я не глухой, - хрипом вырвалось из моего горла.

Больше не было смысла ничего говорить. Я просто смотрел на собеседника, снизу вверх, стараясь не отводить глаз, хотя в легких осталось еще достаточно смеха, чтобы перевести его в правильное русло и не показать, как мне стало не по себе от тяжелого взгляда. Я никогда раньше не делал ничего подобного и о возможных последствиях не имел никакого представления.

- А ну вставай! – рывкнул на меня «парень в рубашке». Он хотел схватить меня за одежду, но было видно, что ему противно даже участвовать в этом разговоре.

- Мне еще рано выходить. Поэтому, если хочешь, чтобы я извинился перед этим чмом, то придумай что-нибудь получше.

Его лицо кипело от злости, я даже и не догадывался, насколько сильной может быть ненависть у человека примерно моего возраста, если не младше. Но роль должна быть отыграна до конца.

«Тебя могут побить, но, так сказать, опыт подобной «работы» показывает, что никто не хочет обременять себя более тяжким преступлением с участием, так сказать, «бомжа», в качестве потерпевшего. Естественно, необходимо соблюдать все правила, чтобы не доводить провокацию до предела» - вспомнились мне слова куратора.

Удар прилетел неожиданно. Еще секундой ранее я вспоминал правила, чтобы придумать выход из сложившейся ситуации, как вдруг – я уже прикладываюсь лицом к стеклу. Не сказать, что я был удивлен, напротив, удивление вызывало лишь то, как долго мешкает мой «собеседник». Удар был достаточно силен, чтобы перемешать все видимое в одну сплошную катавасию.

Рефлекторно, я вскочил на ноги, забыв обо всем – о роли, о правилах, и, уж тем более, о своем внешнем виде, - все это никак не располагало к резким движениям, отчего рывок больше походил на косолапый подъем из ямы. Надо отдать должное «гриму» - парни отшатнулись, стоило им понять, что сейчас возможна короткая, в силу их большинства, потасовка, в которой нужно будет контактировать с «этим»...

Их неуверенность направила меня в правильное русло и, не сказав ни слова, я пошел на выход. До остановки нужно было ехать не меньше пары минут, но я старался не смотреть в сторону обидчиков, хотя в глубине души меня разрывало от смеха, такого же безумного, что я выдал ранее.

Я вышел, когда двери распахнулись у железнодорожного вокзала.

5.

Вокзал встретил меня неистовым гулом, как если бы мою голову засунули в самый эпицентр пчелиного гнезда. Шум не прекращался ни на минуту, наверное, даже ночью. Торговые центры и то пустели с течением времени, когда солнце падало вниз за линию горизонта, ритм города замедлялся ближе к ночи, трафик сворачивался трюмбами в клубные и ресторанные районы, но вокзал, это средоточие всех стереотипов современности, продолжал бурлить. Терминал прогонял через себя тысячи людей в день, проталкивая их по всему городу, словно чистую кровь.

По странному стечению обстоятельств, мой обеденный перерыв пришелся на час пик в самом сердце Московского вокзала. Когда я вышел на остановке, то еще немного развлек себя скитанием по окрестностям Московского вокзала в поисках интересных впечатлений.

Утренний опыт был интересным и неожиданным. Странно, как быстро я нарвался на неприятности, оказавшись даже не в битком набитом автобусе, ведь сейчас меня выкинуло в эпицентр событий, в столпотворение сродни Вавилонскому, где все прохожие говорят по-своему – десятки разновидностей сленга, наречия предпринимателей и бизнесменов, мат, иностранные языки...

Здесь никто не обращает на меня внимания, если только мое присутствие не начинает раздражать. Я так ходил около получаса за одним мужичком в деловом костюме, который лаконично дополнялся кейсом, затянутом в черную кожу. Это было забавно, смотреть, как в нем просыпается удивление, раздраженность, паника, и каждый раз, стоило только ему обернуться и увидеть меня, вонючего и мерзкого, он потел и зыркал маленькими глазами.

Я поигрался с прохожими еще около полутора часов, не чувствуя раздражения, усталости, только неопишуемое чувство восторга, как любой другой бездельник на моем месте. Несколько дней назад даже представить было сложно, что существуют такие «профессии», а я чувствовал себя настолько «не в своей тарелке», что игра начинала приносить удовольствие безнаказанности и вседозволенности.

Обед пришелся на половину третьего, желудок еще не успел взвыть от пустоты внутри, но уже слегка подталкивал голодными позывами, как товарищ, привлекающий внимание, чтобы рассказать крутую байку. Я вспомнил указания куратора и направился в забегаловку «Сидим-едим», которая являлась одной из тех, что указаны источником бесплатного питания для таких же «рабочих», как я.

Белый киоск в углу зала ожидания, ничем не примечательный, такой скучный, что никто посторонний никогда не захочет отведать местной... Что? Шавермы? Вот черт, я и не задумывался, что придется питаться ЭТИМ!

Нужно было проверить, каким «бизнес-ланчем» кормят мои работодатели. Внутри стоял не то, чтобы очень противный запах, однако он был ощутим и не очень приятен. С одной лишь оговоркой – как-то странно он сочетался с запахом препарата для вонии изо рта, поэтому лично мне и еще парочке «бомжей» внутри было достаточно комфортно.

Как лучше объяснить этот феномен? Думаю, все дело в химии и только в ней.

Высокий мужчина восточной национальности даже не поздоровался со мной, лишь едва заметно подал какой-то непонятный знак, не похожий даже на кивок головой, как бы давая понять, что «я на месте». Я положил на стойку двадцать рублей четырьмя пятирублевыми монетами, как того требовали инструкции, и мне был вынесен поднос. Все действие заняло не больше двух минут, ведь все уже было готово, но, конечно, скоростью я был поражен. Мимолетно глянув на стоимость блюд, я понял, что они – всего лишь вторая ступень защиты от посторонних. Цены были завышены, в лучшем случае, вдвое.

Обед был щедр, но не более того, ведь нельзя привлекать внимания прохожих, которые бы не отказались пофоткать да поснимать видео в интернет про бомжа, который есть роллы или пасту.

Обычный салат типа «трава»: из огурцов, помидоров и прочей зелени, хотя вкусный, то ли из-за вездесущего зелья во рту, а может – из-за добавленных специй; уха, жидкая, но удобоваримая; и, внимание, пюре с грибами и копченостями. Я даже у матушки так хорошо не питался давно, хоть и ее не видел уже не меньше пары месяцев.

Утолять голод было приятно. По-настоящему приятно; чувствовать себя в спокойном и тихом месте с вкусной едой, где играет непопулярная музыка непонятного радио-жанра. Конечно, так и подмывало подойти к одному из субъектов за соседними столами, которые, как и я, держались порознь, да узнать, являются ли они моими «коллегами», но старший предупредил, чтобы я ни в коем случае не лез.

Я понаблюдал за одним из мужчин в лохмотьях, он выпил чай, держа кружку через салфетку; проходя мимо стойки с кассой, он едва заметно оставил две сотни в коробке «на чай» и вышел прочь.

Можно было проследить за ним, ведь интересно же, как «работают» другие, тем более, этот индивид, был поопытнее меня. Но я остался сидеть, обедать, старался при этом ни о чем не размышлять. Помню только шальную мысль: «Успею еще».

После обеда день стал ленивым и долгим, и каждое действие вызывало тяжелую сонливость, сквозь которую нужно было продирается, как через гору подушек.

Поэтому, немного повздорив с молодой парочкой, лет двадцати, даже моложе меня, я направился к трамваю, совершавшему круговое путешествие по самому сердцу города. Медленно проковыляв по салону, я завалился на задние сидения прямо с ногами, выбрав позу «зародыша», а после, сам того не ожидая, уснул. Сон был обрывочным, без сновидений, но я не открывал глаза, даже когда вокруг жужжали раздраженные диалоги других пассажиров. Иногда это были старушки, иногда даже взрослые мужчины могучим басом возвещали о том, что «это вообще ни в какие ворота не лезет...», хотя никто не решался притронуться ко мне.

Все они были лишь голосами вокруг, забавным помешательством, как аксессуаром к моей деятельности. Как кейс для бумаг, а почему нет? Вместо документов и печатей – галдеж монотонной толпы, или что-то вроде. Не хотелось, чтобы все эти голоса стали реальными, но вокруг все толпятся эти недовольные бабки-дедки-детки и прочие люди, которым я раньше бы всегда уступил место...

Мне не хотелось ощущать себя мудаком в этот момент.

6.

И снова я забрался в душный, на этот раз, троллейбус. В инструкции было сказано, что тип транспорта, направление движения, периодичность не играли никакой роли. Район был четко предопределен, и внутри него у меня не было никаких ограничений по передвижению. Я старался выбирать те маршруты, которые максимально исключали возможность встречи со знакомыми и дальними родственниками.

Новый день ничем не отличался от предыдущих - все то же бесконечное солнце, почти полное отсутствие облаков и мертвый штиль. В одежде я чувствовал себя рисом на поле - в невыносимой влажности, грязный и...

Даже не хотелось об этом думать.

На пятый день я начал понимать, что работа не так проста, она действительно требовала приложения усилий и определенного умения. Да, я ни на секунду не приблизился к пониманию, почему вообще было возможно существование организации с такими "кадрами", однако стал больше ощущать себя обычным работягой, которому весь день трахают мозг. Вот только не начальство и клиенты, а все вокруг...

Как-то само собой получилось, что я стал заполнять пустоту в переездах наблюдением за происходящим вокруг, анализу любых попадающихся на глаза мелочей и длительным монологом о полученных результатах. Это не только развлекало, но и, порой, заставляло сильно погрузиться в себя, ощутить "Депрессию-лайт", в которой время замедлялось, а тело застывало в нежелании ничего делать.

Именно благодаря такому состоянию я был в силах ощущать в себе что-то человеческое, что-то полезное. Я даже начал вести короткие заметки, записывая их в маленький блокнот из потайного кармана, когда появлялась возможность скрыться от всех вокруг, что чаще всего происходило в кабинке вокзального туалета.

"Все вокруг носят "Найки". Это и странно, и очевидно. Хорошие кроссовки, но как же произошло, что почти все вокруг стали выбирать именно их? Скорее всего, в этом есть вина интернет-магазинов и прочих дисконтов, и многие сообразили, что покупать за те же деньги обувь на рынке - уже не комильфо".

"У каждого человека есть такое же расписание, как и у любого транспортного средства. Речь идет не о распорядке дня, о том, что мы заставляем себя делать каждый день, чтобы прийти на работу вовремя, и при этом выглядеть настолько хорошо, насколько нам это нужно. Сейчас я говорю о тех часах, что возвращают наши подсознательные привычки, наши привязанности.

Вот парень в наушниках. Я видел, что он слушает музыку с телефона. И каждые две-две с половиной минуты он достает его, чтобы проверить наличие новых сообщений. Не знаю, находит он их или нет, но спустя сорок пять секунд он убирает телефон обратно в карман.

Или, другой пример, девушка с дредами в другом конце салона. Хоть ее лицо и направлено в мою сторону, она слишком занята сновидениями, а они буквально утаскивают ее на свою сторону. Каждые полторы минуты ее лицо наполняется слабостью, голова начинает медленно клониться вниз. В последующие пять секунд происходит движение вверх-вниз, что можно назвать как забавным, так и вполне эротичным, если брать в расчет ее умиротворенное лицо. И! Резкий рывок, после которого голова снова держится ровно, а взгляд устремлен прямо, в будущее!"

"Все заметки уже пропитались моим гримом, они пахнут не лучше места, в котором я их пишу, но это достаточно символично, ведь в них моя жизнь, как прошлая, так и будущая. Не нужно думать о своем положении, все еще стараясь получать удовольствие от того, чем занимаюсь, но это становится все сложнее, ведь в одиночестве не видно просвета, каждый день мое прозябание в душной квартире становится все мрачнее и мрачнее. Не спасает ни кино, ни игры, ни порнуха".

Да, иногда я позволял себе предаться мрачным мыслишкам, но это было больше похоже на сброс балласта, который накапливался и накапливался, мешал трезво рассуждать.

В своем повествовании я постараюсь избавиться от тупого пересказа случаев, которые происходили со мной во время "работы", ведь хоть они и отличались друг от друга, все же - можно провести точное градуирование:

1. Моменты наблюдения. Нужно было вести себя более пассивно, я просто заваливался на сидения, прямо вместе с ногами, на пол, презрительно ржал, когда просили уступить место, а иногда – просто засыпал или притворялся спящим. Я тупо смотрел на людей, на их повадки, их реакцию на мое наглое и непростительное поведение. Чаще всего наблюдением я занимался с самого утра, если чувствовал себя уставшим, а также вечером, по той же причине. Иногда я представлял себя репортером в среде диких хищников – одно неловкое движение – и они готовы разорвать тебя взглядами, презрительными и опасными.

2. Провокация с моей стороны. Было забавно поддразнивать своих сверстников, которые мне совсем не нравились по ряду причин, некоторые из которых я даже назвать не смогу. Я мог приставать к представителям разных субкультур, будь то металлисты, рэперы и прочие позеры, мог начать материться на старушек, которые, знай себе, сидели и причитали по поводу и без. Конечно, любимыми "клиентами" были парни "голубоватой" внешности – в джинсах такого отвратительного фасона, он больше намекал на принадлежность к колготкам; в майках-сеточках, в футболках настолько тонких, что их существование можно было поставить под сомнение. По моему представлению, все эти "полу-девочки" достойны были хорошей порки или побоев, вот только я не мог начинать драку, даже чтобы проиграть ее.

3. Ответ на провокации других....

И вот, мы подошли к самой интересной части.

Каждый хочет быть супергероем, а для того, чтобы понять это, не нужно заканчивать Гарвард по специальности "Доктор экстрасенсорики". Все без исключения – школьники-геймеры, старухи, постоянно борющиеся за права восседания социальных меньшинств на сидениях, мужчины среднего возраста, косо поглядывающие на девчонок в шортах под самую попку... Каждый ждет своего шанса, чтобы совершить чудо, вытащить любого близкого из беды.

Именно поэтому мы восхищаемся скандальными музыкантами, эпатажными и, порой, отвратительными, киноактерами, писателями – каждый из них может похвастаться влиянием на окружающий мир, на умы людей, на их эмоции. Их судьба, какой бы трагичной она не была в реальности, все равно влечет своими красками и властью. Но кого-то останавливает страх или, может, обычная неуверенность в себе. Мне же было все равно, ведь чувствовал иллюзию вседозволенности, которая и начала губить.

На третий день занятости, произошел очень интересный случай, который заставил меня задуматься об истинном предназначении дела.

Я ехал в новеньком автобусе, большом и просторном, с вентиляцией, которая уносила мой смрад прочь, на улицу. Было не жарко, для обычного человека, конечно. Я же сидел, словно пьяный, от пота и жара, от духоты под расстегнутой курткой, как духовая печь. Все-таки у грима были побочные эффекты и заключались они в чесотке. О, как она терзала уже в середине рабочего дня.

Было около шести, если верить большому электронному табло над кабиной водителя. Я сидел в середине автобуса, спиной по направлению движения, и смотрел на двух мужиков, что пили пиво на зднем сидении. Они были забавны в своих речах, которые для меня звучали лишь обрывками в моменты затишья, на остановках. Всю дорогу они

только и обсуждали "побег из России", превознося свои факты все с новых неожиданных сторон. Были затронуты проблемы политики, культуры, медийности, несколько раз они поднимали вопрос вырождения нации и национализм в целом. Ну не смешно ли? Я уже начал хихикать, глядя, как эти представители "сверхчеловека" поносят страну, в которой живут, как они рассматривают варианты проживания в Европе, Канаде и даже в Австралии.

Пока глупости разносились по автобусу, я даже не сразу подметил девушку, что сидела перед ними, на сидении ниже. Она была беременная, что легко приходило на ум от вида округлого живота при общем спортивном телосложении. Миловидное лицо было прикрыто ладонью, кажется, ей было плохо.

Знаете, в школе случалось, когда мы, мелкие, глупые, как-то неумело матерились, тихо, украдкой, чтобы учителя не "спалили", но, порой, в момент произнесения запрещенных слов, как правило, самых гадких, тишина, шутливо и подло, заполняла пространство класса и через секунду, красного как рака ученика уже выводили вон.

Именно так и произошло секундой позже. Я только ее заметил, начал любоваться желто-зеленым сарафаном под блондинистыми волосами, он так симпатично скрывал аккуратный круг живота, и! то ли остановка, то ли очередной светофор - и в звонком безмолвии разносится ее голос:

- Вот уроды!

Мне понадобилась секунда, чтобы догадаться, послышалось или нет? А двум подонкам - около трех, чтобы начать ржать на весь салон. И, как школьница, бедная девешка сразу почувствовала жар в области лица, ее глаза наполнились неподдельным страхом, а ноги уже собирались выносить ее наружу даже на незнакомой улице.

Так ладно бы все это превратилось в неловкую и несвоевременную шутку, вот только наверху наметилось движение. Мужичок, что сидел у окна, пересаживался к проходу, преодолевая своего смеющегося собрата. Спустившись, он сразу же сел напротив чуть ли не трясущейся от страха и напряжения будущей мамы.

- И кто это у нас заговорил?! - с усмешкой, намекающей на недобрые последствия, осведомился подонок.

Весь его вид, красное от пива и жары лицо, старые, не один год ношенные, джинсы и летняя ветровка, неуместная в жару; все в нем отталкивало, он словно слез с рекламы фильмов про девяностые и их любителей.

А девчонка-то молодец - она сжала волю в кулак, напрягла лицо, чтобы не позволить предательским слезам просочиться наружу, и заявила:

- Мужчина, а вы знаете закон о том, что в общественном месте нельзя пить?

- Ой-ой-ой, вы только посмотрите на нее! Нет, не знаю, расскажите, пожалуйста...

Его манера говорить, вкупе с высоким, будто едва возмужавшим пацанским голосом, заставляла каждую клеточку слухового канала и следующего за ним мозга свербить от раздражения. Несчастные органы, как их угораздило обрабатывать этот поток информации!

- Вы понимаете, что мне итак плохо от этой жары, а тут еще и вы с этими... запахами, - ее носик подернулся от нескрываемого отвращения от последней фразы.

Он что-то продолжал бормотать, едва сдерживая смех, но один вид руки, протягивавшейся к лицу девчонки, стал достаточным поводом для действия. Никто, даже старушки, не стали ничего говорить. Да, проходя по салону, разнося свой мерзкий запах, я слышал, как они что-то ворчат, создают привычный гул общественного транспорта, но хоть бы один человек заступился за несчастную!

Из меня вышел не лучший кандидат на роль спасителя... Представляю, как это смотрелось со стороны.

- Руки убери от нее! - я старался искоренить из голоса всю хрипоту, чтобы человек передо мной мог хотя бы на секунду задуматься, а тот ли я на самом деле жалкий бомж,

что сидел в середине автобуса. Это вышло не очень хорошо, даже напротив – голос прозвучал еще более низко и трескуче, как у Бабы-Яги в исполнении взрослого мужика. - Это что шутка? А ну пошел нахуй отсюда! – его же голос был, на зависть, уверенным и даже стал ниже, бас придавал ему мужественности, вместо предыдущего писклявого хулиганства.

...правило № 2.14 «Нельзя причинять серьезный ущерб психическому или физическому здоровью, лишь легкое воздействие для выполнения пунктов 1.5, 1.7 и 1.10»...

Я толкнул его к стеклу и приготовился. Странно, что на меня нашло? Может уверенность в том, что я прав? Глупости. Или щекочущее чувство вседозволенности в образе "нежелательного элемента"?

Я собирался следовать правилу, что означало не самую лучшую вероятность получить по голове без возможности ответить. Вспомнилась предыдущая работа, за которую я держался до последнего, даже несмотря на ежедневно ухудшающиеся условия.

Я даже улыбнулся такому сравнению.

Почему-то я не ожидал, что он ударит ногой. Скажу вам со стопроцентной уверенностью – это больно. Не в пах, немного выше, в нижнюю часть живота, которую так люблю у девушек – место, где находится самая уязвимая часть тела, самая незащищенная. От удара, которого я не видел, меня отбросило назад и, спасибо нашим автобусам! я удержался на ногах благодаря малому размеру и поручням.

- Какой-то бомжара мне будет указывать? Ты какого хера тут, вообще, делаешь? - еще удар, кулаком в плечо. Не больно.

Что мне было делать? Я плюнул ему на куртку. Молча и противно, а слюна сразу же обозначилась на синем материале белой звездой.

- Ты совсем что ли!

- Эй, а ну-ка прекратите! Пока полицию не позвал! Их тут в городе много! - закричал водитель.

Опять я пропустил остановку - на этот раз она была экстренной, чтобы прекратить подобие драки алкаша и бомжа. Для полного абсурда не хватало только наркомана и, наверное, педика.

- Пойдем, - буркнул мой новый "товарищ", снимая куртку. Напоследок, он втянул из носа и плюнул в меня. Я хотел увернуться, но лучше было остаться на месте, потому что скользкая жижа попала прямо в руку.

Девушки и след простыл.

Когда я вышел на следующей остановке, то адреналиновый раж покинул меня, тело покрылось ознобом, как противным слоем неровного полиэтилена, и боль вернулась с утроенной силой. Мне только и оставалось, что сесть на скамейку. Пока я зажимал больной живот, то успел заметить одну из старушек, она была в автобусе. Она уходила прочь, периодически оглядываясь и будто записывая события в записную книжку.

7.

Когда я открыл глаза, мир сразу же ударил меня своей непостижимой яростью, звуками, раскаленными настолько, что даже жужжание комара доставляло физическую боль.

Солнце лилось прямо в незанавешенные окна, создавалось реальное впечатление приближающегося Апокалипсиса - настолько мощным был свет. Нужно было встать, мочевого пузырь просто разрывался от всего, что было вчера выпито и не вылито наружу.

Как очнувшийся из комы безнадежно больной, я с трудом оторвал свои конечности, которые все магнитились к лону кровати, не желаящей моего пробуждения.

Прищурившись, я осматривал мир в настолько малые щели, насколько это вообще было допустимо человеческим строением. И увиденное, сперва, не принесло никакого удовольствия. Я был не дома, этот квартирный пейзаж был максимально незнаком. Мне посчастливилось быть одним из тех, кто занял оборону кровати. Вместе со мной было еще три "царя горы" – незнакомая парочка, парень с девушкой, которые свернулись в клубок где-то "в ногах" и Карина – девушка, с которой посчастливилось познакомиться в клубе. По всей комнате, небольшой, причем ее половину занимала кровать, были раскиданы подушки всех цветов и фасонов. Их было так много, будто накануне был совершен налет на магазин "Все для спален". На подушках ютилось еще около шести человек. Девушки были в джинсах, юбках и шортах, и все, как на подбор, в одних только бюстгалтелях сверху.

Дискомфорт также создавало липкое ощущение в трусах, причиной которого был натянутый презерватив, присохший к ткани и органу.

Отыскав небольшую тропинку мимо раскиданных подушек, я пробрался к провалу света в месте, где, как я догадывался, было окно. Солнце насильно закидывало в окно свои лучи, как копыта или дротики, они оставляли длинные тонкие полосы, если смотреть, прикрывая глаза рукой.

Совсем другие лезвия застряли в горле, превращая меня в фокусника, проглотившего не один острый меч. Сушило так сильно, что я готов был даже выпить пару глотков из аквариума, который приютился на небольшом столе рядом с подоконником. На нем, кстати, расположились и чьи-то голубые стринги, это было скорее мило, чем смешно или нелепо.

Преодолев россыпь опасно бьющих преломленных полос, сотканых из солнечной материи, я оказался на балконе. Стало немного легче, когда прохладный полуденный ветер прикоснулся к коже, провел по ней воздушными пальцами, слегка раздражая соски. Зеленые листья качались из стороны в сторону, приветствуя меня, как незнакомого пришельца.

Не хотел портить вам удовольствие от воображения картины, что предстала передо мной в это утро, но должен немного объяснить, откуда взялась такая резкая смена декораций.

Прошел всего месяц с того момента, как я в первый раз примерил на себя шкуру, как говорит мой куратор, "нежелательного элемента общества, так сказать", в первый раз почувствовал пьянящее чувство безнаказанности, свободы и по-настоящему веселого угара. И тогда же я осознал, что веду себя, как самый настоящий ублюдок.

Через пару дней, когда веселье и стеб над сверстниками или парнями помладше сменялись тяжелым, слизистым ощущением вины перед присутствующими, когда моя "работа" обязывала проводить одни и те же манипуляции с пассажирами любого типа и принадлежности. Это доставляло даже физические неудобства, что, в свою очередь, привело меня домой, в объятия старого дивана.

Я лежал все свободное время, то перед телевизором, просматривая очередной сериал, то подтаскивая ноутбук на колени. Время суток менялось так быстро, что в дреме и прострации я едва успевал выйти из дома вовремя, предварительно воспользовавшись гримом. Работа мечты оказалась серьезным испытанием для нервной системы. Все изменилось, когда приехал армейский друг, которого я не видел уже пару лет.

Он уже навещал меня. Мы вместе гуляли по Питеру, ходили в музеи и... Да кого я обманываю!? Мы бухали, как черти, практически в каждой подворотне были следы наших пьянок, а в парочке баров и клубов нас запомнили охранники, поэтому планы на повторное посещение терпели фиаско еще в зародыше.

Раз уж он знал, где я живу, не составило труда ему проделать путь от вокзала до моего дома, после чего удивить своим появлением. Как выяснилось позже, мой "беззвучный" телефон насчитал около десяти пропущенных звонков с именем "Антоха 176-ая", зато первый же пронзительный крик звонка в дверь сразу расцвел в ушном канале, пророс в мозг, который, в свою очередь, обрек тело на жестокую участь.

Это было утро субботы, второй субботы, после моего погружения в должность.

Я не ждал гостей, ни друзья, ни родственники не хотели общаться со мной после того, как я сам накосячил со своими связями. Удивление мое взлетело к максимальным отметкам, когда, открыв дверь, я увидел его - невысокого роста, около 170 см, загорелого и чертовски довольного Антона.

Его удар в плечо пробудил меня окончательно.

- Какого хрена ты трубку не берешь-то, а?! - его голос, звонкий, как у Соловья-Разбойника, сразу заполнил все пространство моей квартиры, включая щели в стенах и окнах.

- Я спал...

- А друга встречать кто будет?!

Точно... Он писал около недели назад, что приедет в субботу...

- Блин, дружище, я забыл.

- Какой-то ты вялый в полдень-то? - он всегда говорил словом "полдень", что удивляло мой лексикон, избалованный неологизмами.

"Что я мог ему сказать? Я работаю бомжом, поэтому мое нынешнее состояние - это побочный эффект от бесконечного самобичевания и жалости к себе, которые я испытываю, когда веду себя, как мудака".

- Да вот решил выходной провести по-человечески, - ответил я первое, что пришло в голову. Она была ватной, тяжелой, будто я пил неделю напролет.

- Э-э-э, нет, дружок! Сейчас мне нужно помыться, а то я чувствую себя собакой грязной, но потом - мы с тобой будем проводить время, действительно, по-человечески!

Спустя две недели после приезда Антона, в утро июльского воскресенья, я стоял посреди незнакомой квартиры и вкушал солнечный свет, будто был роботом со светолюбивыми батареями. Тело постанывало от легкой неги и слабости, кости хрустели от сухости, мне казалось, что за прошедшую ночь я похудел не меньше, чем на 100% жира. Физическая усталость была ничем иным, как попытками совести вернуть меня в привычное русло жалкого и скучного существования. Как стоп-сигнал, резко сдернутый со своего места истеричным сознанием.

Жаль, что не было дела более бесполезного, ведь именно в момент физического изнеможения я почувствовал себя молодым, полным сил и энергии, чтобы развлекаться, и, как и любому другому представителю молодежи, мне было наплевать на состояние здоровья. Самым важным, что я чувствовал, было желание принять душ после едва запомнившегося секса, и помочиться.

Выйдя с балкона, я автоматически направился в сторону коридора. Планировка квартиры была привычной - обычная двушка, две комнаты, разделенные несущей стеной, длинный полог коридора до кухни и ответвления в туалет и ванну, как небольшие пит-стопы. Все, как у наших друзей, родственников и знакомых. По дороге я нашел свои джинсы у входа в комнату, слегка удивился тому, что мог снять их сразу после того, как зашел в квартиру, но, прикоснувшись к ним, получил электрический разряд с воспоминанием о том, как швыряю их прочь от кровати, не отрываясь от шеи незнакомой спутницы. Еще один импульс – и спутница открывает дверь ключом, а все остальные (Черт, да сколько же нас там?!) переминаются с ноги на ногу за мной. Она распахивает дверь и хватает меня за рубашку, привлекая к себе, своим теплом зажигая тело.

Воспоминания остались приятными, они вызывали легкие покалывания в улыбке, сокращали скулы в едва ощутимой дрожи, а мягкое прикосновение к фантому девичьей груди в пальцах возбуждало не хуже реального контакта.

Спустя некоторое время я вышел из душа и почувствовал себя бодрым и свежим. Трусы решил кинуть в помойку, а джинсы натянул просто так, на голое тело. Не самое приятное ощущение, нужно было сходить в магазин – в кармане джинсов денег хватало на все необходимое.

Память возвращалась, неловкими рывками, как копирование информации в тупом компьютере: «Осталось 10 минут... Осталось 25 минут... и т.д.»

Антон уехал вчера вечером. Мы с утра уже начали пить и я даже был слегка удивлен, вспомнив, что в поезд мы, с новыми знакомыми, посадили его вполне спокойно, закинули его кости на верхнюю полку и пошли дальше.

Еще больше я был удивлен, когда до меня начало доходить - а ведь все это время я продолжал выходить «на работу»! С десяти до шести я, пьяный и уставший, все еще колесил своей неизвестной дорогой, более-менее придерживаясь района и маршрута, что были прописаны в договоре, закинутом на антресоль где-то дома.

Квартира принадлежала девчонке по имени Анастасия, хотя все звали ее Стася, любительнице дискотек, с которой меня познакомил Антон в одном из бесконечных клубов. Иногда я ночевал дома, иногда у нее, благо, что ее дом был расположен рядом с моим подопечным районом. Раньше, я бы обязательно уже назвал ее своей девушкой, но сейчас... Мне было плевать.

За всю свою жизнь я не пил, не гулял и не трахался столько, сколько за эти две недели...

Я вошел в комнату и подумал над тем, что сейчас стоит сделать, я мог разбудить хозяйку квартиры, завалиться рядом и потребовать немного «сладкого». Холодильник ломился от вредной еды и бутылок, как почти пустых, так и нераскупоренных... Желание было велико, почему же я решил пойти прогуляться? С отъездом Антона тело требовало перерыва, неважно, на полчаса или на месяц.

Возможно, это стало ошибкой.

Погода была теплой, даже жаркой; выйдя из холодного затхлого подъезда, я покрылся мурашками и легким ознобом от резкого перепада температуры. Рядом с парадной стояла урна, полная до краев, как тетрис, в котором из-за ошибки не пропадают сложенные линии, а рядом бутылки и бумажки с этикетками превращали все в помойку. Я не сомневался, что большая часть пьяного мусора принадлежала нам.

Надеюсь, что в понедельник кто-нибудь приберет этот бардак.

Хотелось прийти домой, наполнить ванну, завалиться на диван и предаваться ничегонеделанию весь день, вот только последние две недели все еще держали в силке. Притаившееся требование продолжения банкета подкатывало к горлу. Я так и видел, что придя домой и, проделав все нехитрые манипуляции, я буду чувствовать депрессивное отсутствие эмоций, которое и наблюдалось до приезда Антона.

Я направился в сторону шума дороги, надеясь, что какой-нибудь освежающий напиток сможет расставить все на свои места. Путь лежал через детский "городок", вдоль которого даже не было ни одной старушки. Странно, в моем дворе они всегда устраивали свои тематические вечеринки по обсуждению прохожих. О, я стал бы для них отличным предметом для недельных разговоров!

Магазин располагался сразу за выходом к проспекту, нужно было нырнуть в исполинский проход меж двух высоток, повернуть направо и уткнуться в вывеску "Продукты-24". Я взял себе холодный энергетик, от которого сводило зубы крепче, чем от колы со льдом в «Макдаке», но именно это знакомое и неприятное ощущение вкупе с противным медикаментозным вкусом придавало бодрости всему организму. Весь ритуал будто был направлен на то, чтобы все молекулы, бактерии и лейкоциты с эритроцитами восстали против веществ в этом дерьме, они должны были почувствовать, что такое борьба за свою и твою жизни.

Я всегда думал, что нужно пить энергетик залпом, а если нет, то максимально быстро, пока не передумал, ведь смаковать вкус никак не получалось с удовольствием, поэтому, стоило почувствовать "порог тошноты", то приходилось выкидывать банку прочь с остатками. Сегодня в помойку отправилась почти пустая жестянка.

Слегка качнуло, голова наполнилась ватным веществом, видимо тем, что осталось от мозга.

Снаружи ожидала автобусная остановка.

И как можно описать этот маленький шаловливый нерв, в котором родился импульс: "Хочу прокатиться" ?

Как бы то ни было, через минуту я уже сидел в первом автобусе, который показался из-за поворота. Я чувствовал странное дежа вю, но, при этом, старался контролировать ситуацию, ведь обманчивая реальность могла подставить меня и заставить забыть, что сейчас я уже не был так неуязвим.

Шаг, другой, поворот головы в поисках свободного места. Пустых сидений – тьма тьмушая, но, по привычке, голова вращается в другую сторону, вправо. И... Это давно забытое ощущение, почти незнакомое, прохлада в голове, мысли прочь, взгляд затуманен...

Я читал множество книг, где взгляд или человеческий глаз сравнивается с фотоаппаратом, но ни разу не наткнулся на особенности этого фотоаппарата. В рутине мы все – дешевые "мыльницы", до тех пор, пока не станем подмечать красоту мелочей вокруг. Лишь внимательный фотограф сможет подметить крошечные детали, заставить как дешевый, так и самый дорогой аппарат запечатлеть крупницы шедевра стеклянным глазом, и все это – в идеальном освещении под нужным углом.

Моя "глубина резкости" дала сбой, и мир вокруг превратился в одно мутное пятно, в центре которого сидела одна-единственная девушка. Ничего особенного в ней, на первый взгляд, не было – светлая легкая куртка, глупый цвет, который можно было назвать «кремовым», хотя слово это мне не нравилось; легкие тонкие джинсы, словно кистью, очерчивали ее спортивные ножки, темные волосы со следами нескольких покрасок. Но именно лицо привлекало внимание настолько, что я, как дурак, стоял в проходе уже минуты две, все не решаясь занять одно из миллиона свободных мест. Стараясь не привлекать лишнего внимания, я все-таки посадил свою задницу. Не обошлось без нескольких столкновений с поручнем, и теперь я спокойно мог уставиться на нее, даже не удивляясь, как до сих пор не был замечен. В ее лице скрывалась странная притягательность, что-то незримое, что-то... личное, мое. Можно ли было назвать ее первой красавицей? Я мог бы, но, по правде говоря, круглое личико с по-детски веселым разрезом глаз еще ни разу не попадалось на страницах глянцевого журналов. Ей не хватало той остроты, что подчеркивалась кудесниками глянца и софитов. Все в ее лице было таким "обыденным", даже "домашним".

И еще она была небольшой и аккуратной. Под курткой подразумевался худой, подтянутый живот, небольшая грудь, а ноги могли свести с ума любого мужчину. Я никогда раньше не успевал заметить столько деталей за столь быстрый промежуток времени. Я баловался любованием ею, как любой "гик" наслаждается новым планшетом, как автолюбитель садится за руль первого "Порше"...

- Молодой человек... Проезд оплачиваем!

Женщина в униформе прервала мои мысли и все закончилось. Снова краски стали не такими яркими, содержимое окружающей реальности "ввернулось" обратно в мой взгляд, оставив лишь приятные воспоминания. Я, не глядя, ссыпал содержимое кармана с мелочью, женщина-кондуктор цокнула языком, отсчитывая рубли в нужном сочетании, после чего вернула сдачу и несчастливый билет. Даже повторный подсчет получившихся двузначных чисел не принес ни счастья, ни радости.

Девушка напротив читала какую-то модную книгу, название было знакомым, но ни о чем не говорило. Не узнал я больше и о своей спутнице. Надо было садиться рядом, здороваться и начинать разговор, но я не смел. Ровно до тех пор, пока опять не обнаружил себя в другом месте, прямо рядом с ней.

- Привет, - робко поздоровался я.

- Привет, - с улыбкой ответила она, не отрываясь от книги.

- Что читаешь?

Она молча приподняла свое чтиво, чтобы обложка стала ясно видна. Естественно, я не обратил на нее никакого внимания, стараясь не отрываться от лица красотки.

- Название мне ни о чем не говорит, разве что о том, насколько эта книга меня достала рекламой и в интернете, и в реале, - я ведь думал об этом, а потому не смог выразить ничего нового.

- Зачем же спросил, если видел обложку?

Она, черт побери, даже не отрывалась от чтения. В голосе чувствовалось превосходство, любопытное, будто его обладательница проверяла меня на прочность, заинтересованная. Тихий и мягкий, как вельветовый, голосок успокаивал уши после утреннего потрясения.

- Да вот, решил, что просто обязан узнать такую красоту поближе.

Когда она оторвалась от чтения, я ощутил резкое потепление. Даже не так...

Взрыв изнутри залил лицо, шею и плечи нестерпимым пламенем, которое иссушало все мысли, с благоговенным вожделием я смотрел в ее глаза и наслаждался композицией милостивого личика и ехидной улыбки.

- Так ты пригласишь меня куда-нибудь?

Честно говоря, я не ожидал такой прыти, но неподдельно обрадовался и вовремя взял себя в руки:

- А зачем ждать? Отсчитаем четыре остановки и выходим. Думаю, Питер подскажет, где можно засесть.

- Вот как? - Она убрала книгу в сумочку, которую я до этого не замечал между сиденьем и стеной автобуса. - Только свой счет я оплачиваю самостоятельно, чтобы у тебя и в мыслях не было закадрить меня.

- Отлично, я хотел сказать то же и про тебя

- Рада, что не придется пить минералку.

Мы рассмеялись и путь продолжился.

За веселым разговором мы проехали не меньше семи остановок. Никто не хотел следить за происходящим снаружи. Я почувствовал такую заинтересованность, которая в мгновение ока прогнала и скуку, и депрессию.

Нелегкая завела нас на окраину центрального района, как раз за Невой, которая как раз очерчивала водной границей средоточие неоновых вывесок от жилых массивов, сплошь

состроенных из старых домов, которые, будто детские кубики, были раскиданы в самых неожиданных местах.

Ресторанов и баров было немного, а мимо дверей под вывесками типа "Шаверма" мы со смехом пробегали. Таким образом, наткнулись на крупное сетевое заведение, которое позиционировалось, как бар, но было не таким уютным. В память стучалось любое из тысячи однокомнатных заведений в самом сердце города. Но, сказано – сделано, и мы уже проходим сквозь гарь сигаретного дыма, противного из-за смешанного аромата хорошего и плохого табака, витающего по всему залу. За серыми волнами дыма оказалась небольшая лестница, по ней мы поднялись на этаж "один с половиной", в пустой зал для некурящих. Я ведь даже не спрашивал, курит она или нет, просто направился туда, где не было накурено.

Правда, выяснилось, что заказ нужно делать у барной стойки, поэтому путь был проделан еще дважды, зато теперь можно было расслаблено завалиться на дешевый диван из заменителя и сделать глоток ледяного пива. Она заказала вишневое, я же был немного демократичнее – не признавая всех этих ароматизаторов, выбрал темное. Пропавшая в глубинах памяти ночь давала о себе знать, я ощутил это только после смены микроклимата – тело ныло и слегка почесывалось после жары, один глоток прохладного напитка так сильно ударил по голове, что сразу клонило набок. Оно прокатилось не только по трубе пищевода, но по всему телу – массажем миллионов мурашек. Стоило невероятных усилий сохранить равновесие на диване.

Как-то случилось, что разговор сошел на нет. Я не чувствовал дискомфорта, ее присутствие, наоборот приободряло меня, вот только единственное, чего мне хотелось по-настоящему – это приобнять ее за плечо, почувствовать ее кожу наощупь. Конечно, такое желание могло быть вызвано эрекцией, чтобы хоть как-то ее оправдать, но зато оно было искренним.

Что чувствовала она, оставалось загадкой.

Черт, вы не поверите, но идиотское свидание закончилось так же, как и началось – мы просидели молча почти час, потягивая пиво и постоянно рассматривая, то друг друга, то интерьер вокруг. Наши глаза не стеснялись, мы не отводили взгляда в искрящиеся моменты пересечений, что говорило о многом, для меня уж точно. Именно так, без слов, без ненужных фраз, признаний и пожеланий.

Все слова остались на улицах Питера, вместе с бесконечным парадом видов северной столицы. Мы слабо улыбались, потягивая ватное пиво в полутьме бара, весь энтузиазм общения закончился, как села батарея у плеера. Да, именно так, - без солнечного света наши аккумуляторы стали бесполезны. Следовала ли за смертью новая жизнь?

Она встала и, взяв сумку, не сказала: "Мне пора, ты классный парень, мне было интересно, бла-бла-бла, но..." и все иже по списку, нет.

Она наклонилась, пряча лицо от моего взгляда в близости, и аккуратно сказала мне на ухо:

- Все было здорово. Еще увидимся.

Не прошептала, не выдохнула томным голосом, а просто "произнесла".

Как же это было эффектно!

Исчезла. Я не пошел вслед.

8.

День был вязким и противным. Понимаю, что это лишь внутри моего собственного восприятия, но ничто на свете не могло меня заставить радоваться этому дождю. Все вокруг, особенно сверстники и те, кто помладше, обезумели в одночасье – толпы парней и девушек высыпали на улицу и принялись чуть ли не плясать под дождем. Я ютился под "козырек" ближайшего кафе, чтобы без того промокшие и пахнущие от пота вещи еще и не промокли до нитки от дождя.

Людская масса бесновалась от радости. Они возносили руки к небу, будто это событие можно было приравнять к чуду религиозного масштаба, хохотали; девчонки скидывали верх, оставляя лишь майки, топы или блузки, а парни старались быть рядом, потому что созерцание было прекрасным, но недостаточным. Неудивительно, что от такого заряда позитива на небе осторожно, даже неловко, проступила маленькая радуга, меж двух девятиэтажек, как небесный мост.

И когда я увидел ее, то мне стало стыдно.

В уборной одного общеизвестного общепита, я снова выудил свою записную книжку, блокнот, и принялся записывать:

"Это занятие и заставляет меня думать, что мои действия имеют некий важный смысл, и, в то же время, я начинаю ненавидеть свое существование, которое привело к тому, что я рад этому бреду. Я стал жестким, меня раздражает почти каждый третий, даже к девушкам стал относиться предвзято, видя в них лишь сиськи-письки на ножках. Что со мной не так?"

Я откинулся к стене, но бачок помешал и по помещению и его кафельным стенам пронесся противный скрип сантехники. Посмотрел на запись и зачирикал ее до полной невидимости, после чего вырвал лист целиком, не жалея даже вчерашние записи.

Я делаю их не для того, чтобы сохранить «на будущее», не для того, чтобы посмеяться над «прошлым собой». В этих записях я пытался выудить того человека, кем я был некоторое время назад. Нужен ли он сейчас? Не уверен.

Но он хотя бы мне нравился.

Времяпрепровождение сводилось к обычному рабочему дню - распорядок, который волей-неволей складывался из массива всех действий, что в совокупности не отличало мою "идеальную работу" от всего, чем приходилось заниматься ранее. Какая разница, чем заниматься - продавать сомнительную технику, впихивать в прокат и в продажу диски с отвратительными фильмами такого же качества - все равно время аккуратно разделяется на периодически выполняемые действия.

Вышел из дома - две минуты сорок шесть секунд до автобуса, который довезет меня до "пункта переодевания" за семнадцать минут, плюс-минус две, в зависимости от обстановки на дороге. Да, у нас есть свой пункт переодевания, который, судя по всему, предназначен не больше чем на пять человек, судя по вечно пустым помещениям.

Только унылый охранник, растерявший былую армейскую выправку, вечно провожал взглядом, следя, чтобы никто не задерживался.

Итак, я отвлекся.

Когда я выхожу из невзрачной двери в одном из узких дворов с постоянным запахом плесени и органического мусора, на часах «9:55». Пора приступать к работе. Один из классических маршрутов: три минуты сорок секунд до перекрестка (этот результат выработался не сразу, а лишь после того, как я научился не заблуждаться в неожиданных поворотах домов игривого Петербурга); после этого, я жду от пятнадцати до сорока секунд, пока не загорится зеленый человек с цифрами «0:26» под ногами.

Забавно, что вечером времени пешеходам дают ровно вдвое меньше, словно намекая на то, что вечером нужно либо сидеть дома, либо в баре.

Потом, на трамвайной остановке, тешу себя созерцанием городской толпы во время затишья, небольшого антракта перед "Часом пик". Поездки в транспорте всегда происходят и одинаково, и по-разному одновременно. Я всегда еще тот же "бомж", вечно игнорируемый, но бесконечно требующий внимания, готовый вырвать его у тех, кто не по нраву, но с другой стороны...

Вид из окна никогда не перестает удивлять уникальностью происходящего. Это и вечные "секундные происшествия", которые словно выстраиваются в ряд, чтобы пролететь мимо за мгновение: аварии, драки, встречи влюбленных или концерты нищих; и абсолютно разные погодные явления в линзе окна, через которое я смотрю на мир своим "объективом".

Все образы – лишь чернильные каракули для моего мозга.

Я увидел старушку случайно, всего лишь открыл глаза во время одного из "сонных перегонов", но сразу узнал ее, как в первый раз, когда она оглядывалась, записывая что-то.

Она чуть ли не во весь голос кричала на одного из пассажиров, плотного парня, лет двадцати восьми, который сидел напротив нее и молча глядел в сгусток пустоты перед собой. Спросонья, я понял лишь то, что он никак не хотел уступить место девушке, стоящей по соседству. Что удивительно – и он, и она были красными, как два рака, не сговариваясь, ни дать ни взять – пара старых знакомых; их обоих уже достало творившееся представление, хотя девушка была слишком скромна, чтобы что-то сказать, а парень притворялся слушающим музыку, хотя по его "открытым" наушникам и алому оттенку лица я понял, что старушка его раскусила.

- Да вы посмотрите на него! Свои эти... штуки напялил на уши и сидит! Это ж надо, девчонка совсем тощая и бледная рядом стоит, устала, а этот! Тьфу... Что за молодежь-то пошла?! Вроде здоровый амбал, а мозгов-то!

Ее небольшая элитная "армия" подобных, противных клонов-старушек даже не успевала вставить хоть одного слова, ведь она слишком рьяно поносила свою жертву, что превосходило какие-то внутренние критерии "помощниц". Складывалось впечатление, что только она одна была готова идти до победного конца, пока парень не поднимется наконец со своего трона, чтобы или уйти с поражением, или зарядить "обидчице" в самую середину мишени лица.

Я решил немного позабавиться и подошел к точке боевых действий. Забавно, и ухом, и телом сразу же ощутил, как все вокруг замолчали, позволив звуку мотора вторгнуться в салон с удвоенной силой. Даже воинственная бабуля затаилась, не зная, чего от меня ожидать, но ее лицо выражало скорее предупреждение, чем удивление.

- Эй, дружище, ты посидел? Дай другим теперь! - я постарался произнести это как можно увереннее, чтобы мой вид не давал повода посмеяться, хотя заспанный я вовсе не был грозен на все сто.

Я поймал острый взгляд раздраженных глаз этого "товарища", он будто взывал: "Ну неужели и ты туда же!?"

Но я был неумолим, я наклонился почти к самому его лицу, до тех пор, пока гримаса отвращения, как по команде не приняла очертания, подходящие моменту. Посмотрев в его глаза, я повторил:

- Дай другим посидеть.

- Или что будет? - спросил он, давая понять, что наушники были лишь бутафорией.

Я и сам не думал о том, что будет, пока автобус резко не затормозил.

В Питере всегда нарушают правила дорожного движения. Это стало нормой, причем, не только для пешеходов, но и для водителей любого транспортного средства. Это как привычка курить для большинства – можно искоренить только самыми радикальными методами, которые не интересны, ведь так приятно немного навредить организму!

Очевидно ведь, почему мы все, не исключая меня, переходим улицу в неполюженном месте, удивляясь "А как же можно иначе, машин-то нет?", перебегаем на крысний, просим остановить транспорт чуть ли в центре перекрестке, под атакой проезжающих автомобилей...

В этот раз дорогу переходил парень с бородой и в больших наушниках, я успел заметить его в большое лобовое стекло кабины, которое было видно даже из центра автобуса. В этот момент я находился в свободном падении, поэтому заняться больше было нечем. Время не остановилось, все произошло за секунду, как и положено, вот только я успел заметить удивительно много за эту секунду. Как этот парень испугался, увидев автобус в пятнадцати сантиметрах от лица, как мой "соперник" смотрел на меня, еще не успев поменять выражение лица на отвращение или гнев, молчаливые старушки, которые... Да это и само по себе было событием!

Но секунде было предназначено судьбой подойти к концу, выкинуть меня прямо на "крепыша". На нем красовалась джинсовая жилетка, поверх синей футболки с дешевым китайским принтом, обрезанные джинсы и кожаные ботинки. В общем, при ближайшем рассмотрении внешний вид не предусматривал положительного исхода событий.

То ли состояние еще не отпустившей сонливости, то ли съеденная накануне продовольственная макулатура, в виде беляшей, чебуреков и т.д., а может и выпитые вчера дешевые коктейли... Для меня осталось загадкой, почему меня вырвало на его красивые кожаные ботинки.

Они были черными, с интересным вкраплением красного цвета на подошве и вокруг шнурков, и вот - на них противная болотного цвета жижа с кусочками.

- Фуууу, бл....

Он ругался неистово, громко и отвратительно, заворачивая слова в такие обороты, от которых становилось дурно. Надо ли добавлять, как высоко он подскочил, прямо как модные нынче пластиковые ракеты с воздушной тягой.

Организм мой был подобен водовороту, он засасывал самого себя вовнутрь, в бездну, в черную дыру, а вот в душе я радовался, хотя понимал – сейчас не будет времени лучше, чтобы уйти. Старушка-зачинщица как раз собиралась выходить, оставалось осторожно выскользнуть из автобуса, чтобы она не заметила. Почему-то сразу захотелось прогуляться за ней инкогнито, странное чувство ритмично сообщало о чрезвычайной важности этого действия.

- Куда это ты собрался?! - воскликнул голос за спиной. Он был знаком, только искажен срывом, истерикой.

Конечно, это взвизгнула "моя жертва", и, видимо, он желал отмщения за свою обувь. Когда я развернулся, чтобы нелепо извиниться, то сразу получил кулак в лицо. Вот так, сюрпризом - rrrraаз! и прямо в нос. Пока падал, даже успел потрогать его, чтобы убедиться, что не сломан. Да уж, кто-то явно на моей стороне, что за всю жизнь так и не сумел повредить свою носопырку.

- Черт, дружище, я же извиниться хотел! - со смехом ляпнул я.

Почему со смехом? Вы не поверите, но у меня почти всю жизнь была такая по-детски дурацкая реакция на боль, полученную в драке. В каждый раз это вызывало неоднозначную реакцию у оппонента. Так случилось и сейчас.

- Ты что творишь? Я же не специально! - я продолжал идти на него, восклицая своим искусственно хриплым голосом, не переставая ржать.

- Отвали от меня, псих! - соперник начал съеживаться и отступать.

Когда я поровнялся с дверью наружу, то поспешил выскочить, несмотря на то, что мне хотелось проучить этого идиота немного больше.

И вот, само собой, получилось так, как и хотелось – старушка шла вдоль парковой аллеи метрах в пятидесяти от меня. Погода изменилась, стала неприятно жаркой, для

моего-то одеяния, но солнце приятно поднимало настроение и грело лицо. Я пошел следом, даже не продумывая, что же вообще было нужно.

Наш путь следовал сквозь парк, деревья были так густо посажены, что в их ветвях запутывался любой луч солнечного света. Было приятно идти по испещренной калейдоскопом тени и света земле, ощущая прохладу от расположенного неподалеку водоема.

Я специально не использую в своем повествовании никаких названий и обозначений, чтобы у читателя не возникло желания сопоставить события с реальными людьми, что работают на территории нашего города. Стоит, пожалуй, сразу сказать, что далеко не все бездомные в Петербурге... Хотя, об этом позже.

Старушка шла аккуратной и ровной походкой, изредка начиная даже не прихрамывать, а "старить" свой шаг, это было заметно, ведь я не спускал с нее глаз, желая утолить непонятную жажду и интерес. Она следовала по всему парку, записывала что-то в блокнот, который был так мал, что создавалось впечатление, будто у нее вся рука исписана до локтя - так он был незаметен. Я, естественно, обращал внимание на то время, когда она останавливалась, притворяясь, что смотрит на часы, хотя делала записи, что-то причитая, вроде "Ой-ой, уже опаздываю, совсем стара стала, ноги вообще не держат, не поспевают".

Она обращала внимание на пьянчужек, на таких же "бомжей", как и я. У меня уже не оставалось никаких сомнений, что она проверяет какой-то район деятельности. А другие "нежелательные личности" не обращали внимания на эту милую бабульку. Уже давно за спиной оказалась граница моей юрисдикции, если можно так назвать круглую зону на карте, что осталась у меня дома, но разве я не говорил - мы всегда стремимся нарушить любые правила? Вот так и я, забыв обо всех предупреждениях, выскользнул из парковой калитки и направился в сторону совсем другого массива - теперь уже не из деревьев, а из старых домов, создающих тот колорит, который можно назвать истинно Питерским.

Я нырнул в очередной поворот бесконечных арок и потерял свою "добычу". Прилив адреналина в этот момент был подобен тому, что накатывает, когда роняешь дорогой смартфон мордой об пол. "Все потеряно!" - кричал паникер в голове, хотя трезвость суждений напоминала о бессмысленности всего занятия в целом, мол, «что изменилось?»

Я решил завернуть за угол и как раз там я встретился с этой "старушкой" лицом к лицу. Как можно догадаться, ей было не больше тридцати пяти.

- Какого?.. - только и вырвалось изо рта, когда я понял, кто стоит передо мной, в той же нелепой куртке, длинной, почти до пола, и держит в руках платок, еще несколько минут назад обвивавший голову. А прическа ее состояла из странного сочетания роскошной гривы, а-ля "шелковый блонд" и выкрашенных в пепельно-серый нескольких прядей, которые и должны были торчать из-под платка.

- Ну что, наигрался? - строго промолвила женщина, в ее голосе еще остались нотки старческого акцента, хотя она и пыталась подавить действие, по всей видимости, того же вещества, что каждый будний день искажает и мой голос.

Я молчал.

- А сейчас ты развернешься на сто восемьдесят и пойдешь отсюда!

- Но я всего лишь хотел узнать...

- Что узнать?! Да, у нас такая работа, но я не собираюсь тебя посвящать во все детали. Если умный, то догадаешься, а если еще умнее - захлопнешь варежку и провалишь отсюда, наконец.

- Простите... - я был смущен... Нет! Я был просто уничтожен ее "преподавательским" тоном и повелительным голосом.

- Тебе действительно пора идти, - уже спокойнее сказала она, поняв, что еще чуть-чуть - и меня можно заставить делать что угодно. - Это не твой район, поэтому тебе повезло, что я тебя к офисным подворотням не отвела. Там старшие тебя бы вмиг уму-разуму научили.

- Но зачем все это?

- Я тоже пыталась понять, когда начинала работать, еще лет пять назад. Тебе все равно не скажут правды, а кормиться догадками – это слишком жалко. Скажу одно, нам будто дают второй шанс. Я вот, например, вообще из колеи выбилась, когда муж умер, даже о ребенке забыла, но мне помогли. И теперь сынка в пятом классе уже, на одни пятерки учится.

У меня просто не было слов. Хотелось прогнать стыдливое чувство, от ощущения, что подглядываю в замочную скважину, и не понимая за кем – за женщиной, или за собственными работодателями.

- Иди-иди. У тебя неплохой макияж, так что, может, даже в старшие пробьешься.

- А вы случайно учителем не работали раньше? - я решил свести все к шутке.

- Проваливай отсюда! - нарочито старушечьим голосом сказала женщина, еле сдерживая смех.

9.

Я получил зарплату на карту, которую получил от почтальона ровно в тот день, что был указан в трудовом договоре. Слегка удивившись подобному сервису, я все же расписался в получении и стал размышлять о том, как мне тратить сумму, которая так и жгла мысли количеством нулей. Да, как это ни прискорбно, я не обладал достаточным объемом фантазии, чтобы найти применение своим деньгам.

Стася не звонила, а у меня не было ее номера телефона, что было весьма странным, но, так уж сложилось – я просто "попадал" в ее апартаменты, без предварительного сообщения. Мне нравился такого рода хаос, и было вдвойне обидно, как все закончилось с отъездом Антона.

Вспоминая прошлое, я все быстрее сознавал, что таким образом протекали все мои жизненные события – обязательно должен был найтись человек, обладающий достаточным уровнем харизмы или находчивости, чтобы организовать интересный уик-энд. Сам я был неспособен придумать что-то мало-мальски веселое и оригинальное. Получив денег больше, чем зарабатывал раньше за три месяца, я, сжав карту и волю в кулак, решил самостоятельно организовать себе отдых. За окном было солнечно и так "по-субботнему". Начать я захотел с прогулки по торговым центрам.

Никогда раньше не думал, что покупка нового шмотья может так сильно поднять настроение. Серьезно. Купив себе новые джинсы, я без каких-либо зазрений совести выкинул старые в урну рядом с магазином. Этот жест поставил точку во всем, что со мной было до начала лета, со всей этой слабостью, жалостью, глупостью. Большая. Жирная. Точка.

Новые мне нравились больше, они были более аккуратными, с приятным рисунком "потертостей". Не прошло и пяти минут, как я, под воздействием хорошего настроения, привязался к девушке лет двадцати, чтобы она помогла мне выбрать остальной прикид. А то, что она согласилась, стало центральным событием чуть ли не последних лет. Оно задавало основной тон дальнейшей жизни. Остальное – детали.

Обувь полетела в помойку с наименованием магазина спортивной одежды, где мы купили отличные кроссовки, которые не только выглядели, но и сидели настолько шикарно, что мне до последнего не верилось, будто такая обувь существует. Мною была приоткрыта небольшая дверь в мир, ранее закрытый, запрещенный конкретно для меня.

Футболку и дурацкую ветровку мы порвали в соседнем отделе, где на распродаже была приобретена новая, с ярким принтом на весь фронт. Вместо ветровки – кофта с застежкой-молнией приятного нейтрально-зеленого цвета.

За обедом в суши-баре я узнал, что моя случайная спутница помолвлена, поэтому мне ничего с ней не светит, хотя ей было приятно провести день таким интересным образом. Около пяти минут она распиналась, пытаясь убедить меня в том, что я являюсь одним из самых интересных и веселых людей, которых она встречала в последнее время. Новая роль пришлась мне прямо по размеру и вкусу, и я старался привыкнуть к подозрительно приятному послевкусию настолько восторженного внимания. Еще около получаса мы спорили о том, скатывается ли Питер в яму скуки и рутины, постепенно превращаясь в обычные мегаполис, или нет.

Думаю, мне удалось убедить Аню своим примером, когда я сказал: "До тех пор, пока есть такие люди, как я, беспробудно разочаровавшиеся в жизни, и такие, как ты, готовые броситься в омут даже настолько рядовых событий, наш город всегда будет окрашен в самые яркие цвета". Конечно, я сказал не так, но – кто проверит?

День постепенно исчезал, сначала вечер проступил сквозь угасающие солнечные лучи; апофеозом превращения стал алый закат, он окрасил город в контраст теней, горящих надстроек и все еще ярко-золотых шпилей соборов и храмов. К нам присоединились

друзья моей новой спутницы, среди которых, на мое удивление, не оказалось ее жениха. Конечно, было интересно размышлять о том, что она мне соврала, но кольцо было вполне реальным.

Всей компанией мы направились вглубь города. Да, мы оставались в центре, если судить по карте, но таким я его никогда не знал раньше. Стоило немного погрузиться в трущобы, в поселения внутри почти древних массивов, как город оборачивался собственной противоположностью, местами неприятной, грязной, но скрывающей такие интересные места, зовущие в свои недра на всю ночь.

Честь сделать выбор была предложена мне, и это льстило, особенно после того, как решение было во все голоса одобрено моими новыми друзьями. Кем я был для них? Другом, вернувшимся из далекой командировки, или вышедшим из комы незнакомцем. Я не мог прочитать мыслей спутников, но они не старались скрыть их – каждый радовался за меня, когда узнавалось, что сегодня был рожден совершенно новый Андрей.

Нас было семь человек: ваш покорный слуга, Аня, внезапно ставшая активной и раскрепощенной зачинщицей, а также – генератором весьма сомнительных идей (но об этом позже); три подруги, две из которых были представителями модного нынче направления "клонов" – я не различал их ни на йоту, путался в именах, пока не заметил одну особенность – у Светы были темные корни волос, они проступали, словно чернозем под белоснежным, блондинистым полем пшеницы. У Наташи не было подобной проблемы, а Карина (черт, еще одна?) вообще никак не подходила сложившейся компании. Ее одежда состояла из длинной юбки древесного оттенка, с причудливыми узорами из лоскутов, бисера и прочей "эльфийской" атрибутики, а также простой майки черного цвета, она точно была украдена из журналов 70-х годов, на страницах которых хиппи отстаивали свои гражданские права, в перерывах между покурничками.

И еще два парня – один из них, брат Карины, Кирилл, а второй – Виктор. Ему можно было даже уделить особое внимание, просто так, из интереса.

Виктор жил в странном мире, который будто бы придумал себе сам, хотя, на поверку, это было не так. Он его то ли прочитал, то ли увидел в кино, что не мешало следовать сложившемуся и прочно въевшемуся в голову образу. Виктор жил в Американской глубинке, в небольшом частном доме, типа "бунгало". Не важно, что Американская глубинка была заменена насмешливой реальностью на околицу Питера, а частный дом – на двухкомнатную квартиру, которую каждый входящий посетитель предлагал превратить в однокомнатную небольшой манипуляцией над стеной. Она была нелепа не только своим местоположением, но и видом - краска цвета морской волны не сочеталась с мировоззрением стандартного российского жителя, коими были все мы. Но Виктор был твердо уверен, что обои – это "прошлый век", в помещении можно ходить в уличной обуви, не считая, правда, зимней и мокрой, после дождя.словно в обычном фильме о семейных ценностях, его квартира (да и жизнь тоже) была полна стереотипами и шаблонами, ее можно было использовать как съемочную площадку. В комнатах – минимум мебели, а вот кухня, наоборот, пестрила всяческими соковыжималками для цитрусовых, обычными, которые работают по принципу центрифуги; тостер, холодильник с отсеком для выдачи льда и прочий почти бесполезный хлам.

Страшно вообразить, что происходило с желудком этого миловидного человека, но питался он по утрам хлопьями, арахисовой пастой, бутербродами... ах да, сэндвичами с листом салата и тонким слоем тунца из консервов. На обед – что попало, хотя бургеры всегда заняли место в его сердце, желудке и сосудах...

А еще он был очень высоким, почти под два метра ростом, и чертовски худым.

Пока я рассказывал Вам про Виктора, наша компания уже далеко успела зайти в своих грандиозных планах. На часах – почти два часа ночи, вокруг – небольшой бар в одном помещении, большую часть которого занимает большая барная стойка, полукругом, а остальное пространство отдано сцене. Не знаю, куда размещались посетители, вот только это никак не мешало им все наступать и наступать. Нашей компании повезло – мы разместились почти в VIP-зоне над стойкой, маленький балкон, откуда видно все пространство бара.

На сцене доигрывали молодые джазисты – парень в узких и подстреленных брюках рвал саксофон, будто старался подкинуть его вверх, не отпуская руками и губами, парень на контрабасе был пьян, его лицо выражало веселье и радость в алом цвете, а барабанщик, похоже, немного заскучал – с серьезным лицом он осматривал толпу вокруг, предоставляя возможность рукам заниматься своим делом без его участия. Я не был фанатом джазовой музыки, больше увлекался чем-то потяжелее, но в сложившемся окружении она была как нельзя более уместной – в моих руках Аня и Карина потягивали коктейли, Света и Наташа болтали где-то рядом, под надзором Виктора, а Кирилл... Кажется, он ушел уже давно.

Веселье было сумбурным, клокочущим, оно, под воздействием алкоголя, то вскипало, хоть разговором, а хоть и различными телодвижениями, напоминавшими танец, то превращалось в густой кисель, сквозь который едва пробивались мысли о скуке и желании покинуть заведение.

Я понятия не имел, о чем разговаривал, темы сменяли друг друга так быстро и так нелогично, что сторонний наблюдатель, не сомневаясь, решил бы: "Да, эти ребята уже готовы". Но мы были на одной волне, ловили отдельные слова, улыбки и взгляды, которые смешивались, имена путали друг друга, несколько раз я был Алексеем, потом Виталием, но, в устах Ани, я всегда возвращался в знакомого и домашнего "Андрея". Ее лицо стало жарким, губы страстными, а блеск залил глаза, что не отпускали меня из виду, это мгновенно выдало хорошую порцию "Маргариты" и "Пина-Колады". Мне не было неуютно в ее компании, никакого смущения от воспоминаний о ее женихе, тем более, не возникало. Я хотел прижаться к ней, еще теснее, чем сейчас, взять в ладонь аккуратную талию, потом опускать все ниже и ниже.

- Эй, ребята! Идем дальше! Моя сестра живет неподалеку, она уже ждет нас, - Витя... Витя, блин... Он выбрал лучший момент, чтобы прервать волшебство, но, я почувствовал состояние Ани – она не хотела, чтобы кто-то видел совсем уж откровенные приставания, то ли мои, то ли ее. Судя по всему, подобный флирт она позволяла себе и ранее.

Не противясь движению толпы, я позволил выкатить себя на улицу. Голова кружилась, белая ночь следовала за ней, смешивалась с одинаково серыми в неровном свете стенами домов. Мы все направлялись к сестре Виктора.

10.

После временного провала я ощутил под собой каменный холод ступени. Глаза открылись без труда, я даже чувствовал себя слегка выпавшимся, испугался, что проспал на улице до утра. Но нет – вместо ступеньки мою задницу охлаждал дорожный поребрик, а наша слегка уставшая компания столпилась вокруг подъезда четырехэтажного дореволюционного здания. В четыре часа ночи, когда намек на восход солнца уже проявлялся где-то за пределами города и небольшое количества утреннего света создавало длинную тень, этот дом походил на башню, на рыцарский сторожевой блокпост, настолько черным он был с теневой стороны.

Виктору везло, что в квартире, в которую он звонил уже минут двадцать, никого не было, иначе пришлось бы немного размять кулаки, а состояние нашей группы почему-то не давало надежды на благоприятный исход.

Аня первой проявила благоразумие и сказала этому дылде, что он ошибся подъездом. Пять минут пьяного гомона - и мы сдвинулись на пятнадцать метров правее, с таким же требованием к домофону, что и раньше. Дверь открыли сразу же, после двух сигналов. С громким смехом, больше похожим на лай, особенно в акустике подъезда, мы все ломанулись внутрь.

Я чувствовал себя посвежевшим, но настроение слегка потемнело, я надеялся исправить это с помощью Ани.

Мы взлетели на третий этаж и вбежали в квартиру.

Хозяйка приветствовала нас в плотной непрозрачной ночной рубашке и пушистых шлепанцах. Вход в квартиру был узким, поэтому пришлось подождать, прежде чем дойдет очередь на вход, прямо как в метро. Но когда я вошел внутрь, то сразу был ослеплен ярким светом лампы, которая никому не мешала прямо над входом, пока кто-то не задел выключатель своей жопой.

Передо мной появилась она...

Обычно в подобные моменты стоит подчеркнуть важность персоны фразой "та самая". И, черт бы побрал мой малый словарный запас, так оно и было. Та самая девчонка из автобуса, из бара, из воскресенья. Как давно оно было – неделю, две назад? Может сотни других воскресений уже разделили эти две встречи, а я все еще чувствовал ком в горле, приятный озноб, желание прикоснуться к ее коже, глупый и неуместный стояк...

Мы не сказали "Привет", а просто посмотрели друг другу в глаза, чтобы понять самое необходимое.

- Витек, можно тебя на минуту? - спросил я в гущу событий где-то в комнате, достаточно громко, чтобы было слышно.

Его кривое и красное лицо показалось из дверного проема.

- Да, дружище?

- Ты не прогулялся бы со мной до магазина?

Он вышел в коридор, я обратил внимание на то, что на его ногах красовалась уличная обувь. Не дожидаясь лишних вопросов и реплик, я вышел прочь.

Виктор догнал меня на улице. Я был неприятно трезв и осознавал каждое свое движение, каждую мысль, этого было достаточно – я просто смылся. Из меня не получилось тусовщика, ловеласа, гуляки и т.д. Однажды увидев лицо этой девушки, я уже представлял ее подле себя, если не навеки вечные, то на пару лет точно. И мне было противно, я ненавидел себя в этот момент, ведь я только недавно ощутил всю прелесть собственной глупости, наивной любви и бесконечной самоотдачи в руки близкого, на первый взгляд, человека.

И все повторяется. Моему существу не хватало лишь одной половины, а не мозаики безликих кусочков.

От кого я сейчас убежал? От своих представлений о будущем с этой неизвестной? От страхов, что она меня отвергнет?

Фу, ну нахуй, лучше я пойду напьюсь, чтобы даже не думать об этом.

Только маленький червяк в голове обнадежил тем, что на следующий день у меня еще будет шанс, ведь за несколько секунд встречи она еще не успела понять моего состояния. Успел ли я?

Неведомыми дорогами, переулками, пешком по газонам и клумбам, мы все-таки нашли небольшой магазин, в котором нам не отказали в продаже алкоголя. Стоит упомянуть, что к этому моменту мое желание немного поуясло, однако, я все-таки держал мысли в голове, они сгустились в сплошную дымку, оставив лишь очертания основного смысла. Витек долго отказывался, пытаясь убедить меня в недееспособности, но в итоге согласился на бутылку пива, я же решил убить организм окончательно и взял энергетический коктейль с 9% алкоголя и бутылку "Крепкого", даже не задумываясь о последствиях. О да! Их стоило еще как ожидать!

Коктейл шел противно даже для моего состояния, он был холодный и мерзкий, каждый глоток отзывался неприятным покалыванием, поэтому приходилось пить небольшими порциями, иначе был слишком велик риск вывалить все обратно. В дороге мы почти не разговаривали, не считая некоторых шуток, связанных с алкоголем и нашим нынешним состоянием.

- Блин, Анд-д-рей. Я в говно, - продекларировал Витек, каждую букву он выговаривал отдельно, чтобы я понимал смысл сказанного.

Он шел впереди, как более трезвый, но я все равно молча кивал, изредка соглашаясь мычанием. В состоянии, близком к овалу, я достиг полного катарсиса, мои мысли были белым холстом, натертым воском, чтобы краска сползала вниз и растворялась в одной бесцветной жиже под ногами художника. Все сущее сейчас только так и жило – под моими ногами.

Единственными вещами, которые меня заботили, были: сохранение равновесия и желание не уснуть прямо на улице. Второе было под прямой угрозой, ведь в полнейшем непонимании цели путешествия, мы рисковали не дойти обратно к квартире сестры моего попугайчика. Я решил, что уж лучше я медленно, но верно, доковыляю до своей квартиры.

- Эй, ребят, бутылочку не оставите? - раздался голос справа.

Мы одновременно остановились и посмотрели в закоулок, узкий и короткий. В конце стояла помойка, а вокруг – разбросаны мокрые, гнилые обрывки газет, тряпки, осколки, бычки. И посреди всего этого сидел грязный бомж, с бородой до подбородка, он ел что-то из влажной то ли газеты, то ли салфетки, глядя на нас. В бороде отчетливо были видны кусочки пищи.

Я посмотрел на него, мои инстинкты, предрассудки и любые детали, составляющие человеческую личность, стали безразличны. Мне было противно смотреть на этого бомжа, на его грязный вид, на одежду, которая пахла хуже самого отвратительного запаха, подверженный описанию словами. Его гнилая улыбка вызывала еще большее отвращение, но даже это так сильно меня не цепляло.

Куда большую злость, чистейшее проявление гнева, я почувствовал по отношению к себе. Как в грязное и вонючее зеркало, я смотрел в него. Был ли он "подставным", или под утро можно было наткнуться на "настоящих" бомжей, которые днем прятались в специально предназначенных заведениях? Плевать, я видел в нем себя нынешнего, себя пять лет спустя, десять... Я ощутил свое прозябание в обществе настолько мерзким в своей бесполезности, что, если б я только мог, то непременно наваял этому жалкому и тупому себе.

Но я не мог. Поэтому я сказал:

- Какую? Эту? Конечно, держи! - и запустил ею прямо в голову бомжу.

Она разлетелась на остатки "Крепкого", осколки и маленькие, подобные кусочкам света, частицы. Витек остолбенел рядом. А я, решившись, направился твердым шагом к этому "кривому зеркалу". Кулаки сжимались сами собой.

От удара бутылкой, соперник повалился на задницу, что дало мне небольшое упреждение, я как раз собирался врезать ногой по заросшей башке. Я уже замахнулся, тело напряглось, как в момент удара по мячу... И через секунду я уже лежал на земле. Противник увернулся от удара, то ли это произошло от моего опьянения, то ли от неожиданной прыти оппонента, но факт есть факт – он повалился на меня и три раза ударил прямо в нос крепким и массивным кулаком. Я услышал хруст и почувствовал, как нос резко, в одно мгновение, перестал получать воздух, а горло сдавили сухие кисти.

- Даже не думай подходить! Пшел отсюда! - прозвучал хриплый рык бомжа, направленный в сторону Витька.

Я не видел происходящего, кровь брызнула на глаза и все, что попало в обзор – это малая толика бородатого лица. Он смотрел прямо на меня и, когда Витек убежал прочь (надеюсь, за помощью), то освободил одну руку и приспустил ненастоящую бороду. На меня смотрело немолодое лицо, мужчина, лет сорока. По лбу катилась капля крови, придававшая зловещий вид.

- Что, сучонок, думал, что если тебя порой побивают, то можешь так же выебываться?!

- он кричал на меня, но тембр его голоса стал таким, что, я не сомневался, кроме нас двоих его больше никто не слышит. - Я ведь знаю, кто ты! О, ты удивлен, как я посмотрю! Именно потому, что я знаю тебя, я могу сейчас избить тебя до полусмерти, да еще и окажусь правым.

Дышать стало легче, ведь в его планах было избить меня до ПОЛУсмерти.

- Завтра же, точнее, уже сегодня, ты пойдешь в офис и скажешь куратору, что тебя отправил старший района, рапорт будет у него. Ты понял меня?! - не понять или не согласиться было сложно, потому что свои слова "старший района" подкрепил усиленным давлением на гортань.

- Отлично.

Он все еще не отпускал меня, может быть, думал, стоит ли меня еще бить. Я же чувствовал лишь свою голову, ставшую такой огромной и такой разбитой, ноги и руки давно отсоединились и не подавали обратной связи. Где-то раздался топот ног.

Я повернул голову, как мог, чтобы посмотреть в сторону прохода наружу.

Там стояла она... Опять... Та самая.

"Блять!" - только и вырвалось в моих мыслях.

Злость вскипела внутри меня. Мой оппонент, видимо, почувствовал это, потому что хватка ослабла. Я сразу же прокашлялся, не привыкнув к ощущению разбитого и сломанного носа. Но адреналин кипел, меня бесило, что я опять оказался пойман в тиски собственным бредом, что эта дура опять появилась невовремя, ведь она не должна видеть меня таким жалким, таким... "неподходящим". И опять смех накатывал вместо слез или ярости, вместо дрожи, вместо тошноты. Только смех, смех, смех. Я заржал и, все еще лежа на спине, воскликнул:

- На что ты смотришь!? Иди отсюда! Пошла прочь!

11.

- Ты что, совсем, что ли, придурок?! Какого хрена ты думал?! Ты умышленно напал на одного из наших старших сотрудников! Это просто... вообще ни в какие ворота! Ты, так сказать, салага желторотый, идиот, дебил, вообще понятия не имеешь, что у нас за структура и смеешь вытворять подобное!

Давненько меня не отчитывало начальство. Хотя, какая разница, сейчас ситуация была вообще нестандартная. Если вкратце, то "товарищ Так-сказать" уже минут двадцать расхаживал по своему белоснежному кабинету, придерживаясь собственного, только ему известного, маршрута. Менялись лишь фразы, эпитеты, да обороты. От меня не требовалось ничего сверхъестественного, просто сидеть, понутив голову, и молча обтекать под потоками грязи, вполне заслуженной. Меня, вроде бы, не собирались увольнять, как я понял это в самом начале речи, перед тем, как началось линчевание. Как ни странно, но компании было нужно, чтобы минимальное число людей было в курсе происходящего на улицах, поэтому один бывший сотрудник, тем более уволенный по статье, мог раскрыть все инкогнито, неважно каким из миллиона способов.

Но мне было очень стыдно. Чертовски, бесконечно стыдно. Так сильно, что... Короче, пиздец, как стыдно. Неужели из-за самобичевания я упал настолько низко, что был готов просто избить незнакомого человека, кем бы он там не являлся? Одна лишь мысль сидела в моей глупой башке:

"Падая все ниже, я чувствовал себя королем мира..."

Эта фраза появилась совершенно внезапно, без явных причин. Она никак не была связана с тем, что меня избил бывший сотрудник милиции (майор!), который занимается "нашим, так сказать, общим делом" уже восемь лет, или с тем, что я чувствовал огромную пустоту, черную дыру вместо груди, когда вспоминал лицо девушки между кирпичных стен. Да, все осталось таким же размытым, как и в тот момент, но своеобразное "сглаживание" в мозгу, додумывание воспоминаний, сделали свое дело и на поверхности мозга навсегда, как на фотографии, отпечатались ее выражение лица - грустное, слегка испуганное. Оно говорило о многом: о желании помочь, о разочаровании, о страхе стать свидетелем чего-то неизвестного ранее... Эта фраза всплыла в момент отсутствия мыслей, когда я вспомнил собственные ощущения от месяцев работы. Кем я был до встречи с компанией? Кем я работал? Но получив работу на самом дне, я почувствовал собственную силу манипулировать людьми, возможность делать все, что только захочу. Не стоит забывать и о бесстрашии, с которым я готов был влезть в любую драку, или устроить ее самостоятельно.

"Чем ниже падаешь в глазах других, тем выше становишься на самом деле"

Я ухмыльнулся, что не осталось незамеченным моим судьей:

- Ты вообще меня слушаешь?

- Да, конечно, Евгений Станиславович. Я искренне сожалею о случившемся событии, даже немного рад, что мне досталось по заслугам, - произнес я на автомате, стараясь придать голосу минимально насмешливый тон.

- Знаешь, Андрей! Я тоже этому рад! - он сделал паузу и продолжил. - А еще я рад, что ты включил уже, наконец, свою тупую башку!

Эта фраза выбила почву из-под меня. Я сидел на стуле, прямо посередине кабинета, и где-то внутри себя, падал в пропасть. Я никак не ожидал этой фразы, да еще и таким тоном. Вместо умудренного жизнью, вежливого и рассудительного Евгения Станиславича, эти слова произнес холодный, полный угрозы и жестких намерений голос сотрудника КГБ, не меньше.

- Ты хотя бы на секунду задумывался о том, что вообще происходит вокруг? Зачем вы одеаетесь в тряпки, изображаете из себя полное чмо, бомжей, шлюх, убогих старух? Уверен, что тебе и в голову не пришел бы даже на пять процентов верный ответ.

Я поднял голову, чтобы посмотреть в глаза собеседнику, впервые за все время, пока моя задница была на стуле.

- Это ведь все для вас! - сказал Евгений, несколько раз ткнув меня в грудь.

Почему-то именно после этих слов я окончательно ощутил себя пленником Вьетконга. Да, я мог шевелить руками, но не стал бы.

Мой начальник отошел к своему столу, налил воды и медленно, смакуя, выпил большой граненый стакан.

- Что ты почувствовал, перед тем, как захотел ударить Аркадия? Точнее, захотел кинуть в него бутылкой.

- Я под... - в горле пересохло, голос стал синтетическим и хриплым. Пришлось прокашляться, чтобы продолжить, - я подумал, что... что...

Как пацан, нерадивый школьник, не подготовившийся к уроку, я пытался сформулировать воспоминания из пьяного угара, стараясь не мямлить. Так продолжалось недолго, пока не дошло...

- Меня выбесило, что занимаюсь тем же самым. Смотрел на это жалкое тело и аж отвращение брало, когда видел себя вместо него. Было противно до ужаса, до дрожи в костяшках. Вот и не сдержался по-пьяни.

Стоило выпалить это, как одно короткое предложение, так сразу же стало легче. Я поднял голову и даже постарался улыбнуться, ожидая реакции Евгения.

Он засмеялся в ответ, после чего оскалил свое умудренное опытом лицо, изобразив некое подобие голливудской улыбки.

- Вот именно. Наша программа рассчитана на то, что вся молодежь будет смотреть на, так сказать, "нежелательные элементы общества" и видеть себя в максимальном отдалении от них. Ты удивишься, узнав, насколько высоко возрос уровень обучаемости молодых людей и девушек в возрасте от 16 до 28 лет. А также – уровень безработицы минимальный, ведь мы даем высокооплачиваемую работу даже тем, кто не смог устроиться, - он сделал паузу, ухмыльнувшись, глядя на меня. Оу, это больно! - Товарищам из-за рубежа мы не раскрываем всей правды, как и своим – мало кому понравится, куда уходят налоги, а объяснить такое решение очень сложно, будь перед тобой хоть выпускник МГУ, хоть тракторист из Пензенской области.

Он помолчал, глядя куда-то в пол.

- Даже уровень патриотизма слегка возрос, если только аналитики не льстят нам. Мы же ни хрена не понимаем в их работе, да? - он подмигнул. - Поэтому, Андрюша, не обижайся, но ты находишься в категории людей, которые витают в облаках и подсознание твое не оказалось забитым видом наших "специалистов", - он специально подчеркнул последнее слово.

- Вы мне рассказываете это, чтобы я остался? Я ведь могу обидеться и уйти и, если я правильно понял, это не очень приветствуется.

- Как раз к самой сути мы сейчас и добрались, дорогой ты мой, так сказать, человек. Он подошел вплотную, готовый к новым истязаниям палач.

- Я искренне буду рад за тебя, если ты образумишься и выйдешь из этого кабинета безработным, чтобы начать новую жизнь. И я буду не против, если ты останешься, потому что, ты удивишься, но есть и некоторые перспективы в твоей работе, о которых я не могу пока рассказать.

- Так что ты решил?..

Эпилог.

Меня так бесил этот писклявый мужской голос в углу автобус, что даже слов не хватало!

Хотя встать я решил только в момент, когда слова, испускаемые им, стали содержать явную угрозу одному из пассажиров, миловидному мужичку в больших очках. Через несколько секунд у меня не осталось никаких сомнений, что носитель голоса – невысокого роста субъект в спортивных штанах и черной футболке, - просто провоцирует попутчика.

- Закрой уже свой рот, наконец! От твоего голоса уже уши кровоточить начинают, ты баба что ли?

Он сразу замолчал, оставив, при этом, рот открытым, а глаза - круглыми и большими, аж до размера юбилейного советского рубля.

- Ты совсем охерел что ли? Ты че базаришь-то?!

- Да потому что нечего докапываться до товарища моего. Иди лучше на рынок повыпендривайся.

Кулак прилетел мне в скулу, потом в нос, но, кроме звезд в глазах, не было больше ничего. Бьет, как баба.

Я толкнул его к двери, отчего он курьезно шлепнулся задницей прямо о поручень на выходе. Оказывается, у него был попутчик, которому нравилось происходящее ничуть не больше меня.

- Пойдем, Саня. Завязывай!

"Саня" зыркнул на меня своим дерганым взглядом и пошел мимо меня. Автобус остановился, и дверь рядом с нами открылась.

Внезапно, он развернулся и врезал мне прямо в переносицу, глаза отказали на несколько секунд, я лишь вестибулярным аппаратом почувствовал, что лечу из автобуса. Ударившись о тротуар, к боли в глазах и носу присоединилась и обидная боль в жопе.

Открыв глаза, я увидел, как автобус уезжает прочь, издавая крики "Будешь знать! Урод!" и так далее.

Я сидел на тротуаре, под стеклянным навесом остановки, и разглядывал свои брюки. А я ведь их только вчера купил...

На мне была моя старая ветровка, которая еще не была слишком холодной для сентября, хотя ветер иногда все же настигал тела, синие брюки из недорогого молодежного магазина и любимые кроссовки.

Кровь капала на ветровку, окрашивая синий в красную крапинку разного размера. Вкус крови был мерзким, но с особым привкусом осознания причины, по которой я так опиздюлился. Я откинул голову назад, уперевшись в жесткую скамейку, и рассмеялся в полный голос. Хорошо, что людей вокруг не было.

- Черт, какой сегодня день?..

СХВАТКА

01

“Вот девушка, сидит в кафе, одна, хотя не похоже на то, что она кого-то дожидается. Скорее просто зашла перекусить в обеденный перерыв. Так, время, время! Половина третьего. Хм, Версия одиночного обеда подтверждается. Так, ее мобильник, это – раскладушка с фотокамерой, отлично, нужное фото она сможет сделать. Разговаривает довольно тихо, значит, микрофон исправен и даже более – она сможет говорить незаметно. Она – та, кто мне нужна!”

День сегодня не задался. Погода уже дважды залила меня своими противными дождями, хорошо, что второй раз вовремя был остановлен навесом этой привлекательной кафешки, в которую я зашла перекусить.

Дождь ко мне равнодушен.

Вот бы нашелся какой-нибудь парень, который также отнесся ко мне, как и эта природная стихия мужского пола.

Черт! Что за бред?! Вот так-то, мадам Иванова, оказывается, от одиночества тоже сходят с ума. Так легко и ненавязчиво, примерно как я – погружаясь в сумасшествие сразу, еще находясь в рассудке, без внешних признаков.

Надо успокоиться...

- Простите девушка, у вас не занято?

Я подняла голову и увидела парня. Ничего, симпатичный, одетый в принципе как все, хотя... Черная рубашка поверх белой водолазки, черные джинсы, кеды.

- А если я скажу, что занято? - “Дура, что ты делаешь?!”

- Я все равно сяду, - сказал он, выполняя свое обещание. Его улыбка была изумительна. Как хорошо, что он не такой застенчивый, как я. А он ничего – уверенный, голос приятный.

И как только он сел за мой столик, его лицо сразу же изменилось – стало... нет, не испуганным... скорее каким-то озабоченным, в глазах сразу появилось странное волнение... Что же с тобой?

- Девушка, я понимаю, что это звучит странным, но... - он сделал передышку, словно подготавливая меня к чему-то. – Вы должны мне помочь.

Ну вот, я-то думала, что он подсел ко мне чтобы просто познакомиться, а тут такое. Сейчас скажет, что он тайный агент, потом попросит что-нибудь сделать, это окажется просто подставой, а потом, воспользовавшись моей наивностью и славой Джеймса Бонда, переспит со мной и – поминай, как звали!

“Нет, надо меньше читать всякой проходухи”.

- Я не буду представляться суперагентом, - “Хоть на этом спасибо”, - потому что сейчас для меня есть только смысл идти ва-банк – то есть просто попросить помощи, рассказав часть правды.

- Интересно. - “Интересно – это то, что сейчас творится с моим лицом”.

- Я сел к вам не только потому, что вы очень красива, хотя вы просто сногшибательны, - добавил он, доказывая свою галантность, поглощающую меня все глубже. – Я понаблюдал за вами и понял, что вы подходите все больше для некоторой услуги.

- Я слушаю.

- Я уже пять дней таскаюсь по Питеру, боясь задержаться в одном месте больше чем на определенное время, очень маленькое, кстати. А все это из-за погони, которую устроил тот, кого я считал своим другом больше трех лет. А на самом деле он просто следил за мной.

- О Боже! - это вырвалось как-то случайно, хотя очень вовремя передало то, что творилось у меня в голове.

- И вот когда я узнал это... - он прервал рассказ и посмотрел мне за плечо, словно разыскивая кого-то взглядом, что, в принципе, понятно. - Не оглядывайся. Когда я узнал это, случайно, то мне пришлось бежать.

Он замолчал, оставив меня в раздумьях. Сейчас он просто ждал...

Чего? Либо моего решения помочь ему, либо своего таинственного преследователя, что было более вероятным.

А я даже не знала, о чем мне думать. Симпатичный парень лет двадцати трех, который мог бы быть очень галантным кавалером в миру, и вдруг такое. Что страннее - я ему, кажется, поверила.

- Я согласна помочь, - сказала я на свой страх и риск.

- Спасибо.

В следующую минуту он рассказывал мне о той помощи, которую я могла ему оказать. Почему-то он был уверен, что его преследователь появится здесь и будет разговаривать со мной. Потом мой странный знакомец достал мобильник и попросил записать его номер.

- Прости, я купил себе новую SIM-карту, чтобы по старой меня не могли выследить.

Запиши мой номер, чтобы ты могла связаться со мной, когда выполнишь мою просьбу.

Пока он копался в хитросплетениях своей телефонной книжки, я совершенно бесстыдно представляла, как выглядит его тело под этой рубашкой, под этими джинсами, без одежды. Он был счастливым обладателем спортивного телосложения...

Нет-нет!!! К черту такие мысли!

- Записываешь? - спросил он, выводя меня из комнаты своего бесстыдства.

- Да, - он продиктовал номер, но мне не хотелось, чтобы он уходил. Еще пять минут, ну же, побудь со мной. - Может тебе и мой номер стоит записать?

- Отличная идея, тогда я сам свяжусь с тобой, если только у тебя не получится раньше.

Но стоило ему записать последнюю цифру моего номера, он привычным незатейливым движением поднял голову и бросил взгляд за мое плечо... Его глаза резко округлились и, с невероятной скоростью, он прямо-таки соскочил с кресла и, пробормотав:

”Прости”, бросился бежать.

- Стой! - окликнула я, не соображая, что делаю.

Он остановился и развернулся ко мне лицом, держа правую руку в кармане джинсов, готовясь к какому-то действию.

Он тратит драгоценные секунды, чтобы выслушать мои слова, какими бы они ни были - все у меня внутри как-то сжалось и провалилось внутрь.

- Меня зовут Саша, - и одними губами я добавила: “Беги!”.

Он вытащил из кармана небольшой предмет из металла черного цвета... Пистолет!

Я даже не сомневалась, что он настоящий.

Грохот раздался по всему павильончику этого кафе, и сразу запахло противной гарью.

Запах показался странно знакомым, однако я сразу перестала его чувствовать, когда обратила внимание на то, с какой красотой бежит мой новый герой.

Жаль, что он так и не назвал своего имени.

- Подождите девушка, не уходите, я хочу задать вам парочку вопросов.

“Ну, давай же, задавай, раз нашел меня”.

Я уже ушла из той забегаловки, когда мой новый парень (я уже не держала сомнений по поводу того, как его называть) убежал. Собравшись, я обратила внимание на того, кто за ним гонится. В его беге тоже присутствовала своеобразная красота, и я предположила, что это из-за общих интересов, которые тот отыгрывал, притворяясь другом моего сегодняшнего незабываемого знакомого.

И вот сейчас он стоял передо мной – тип немного привлекательной внешности, хотя у меня уже сложилось некое предвзятое мнение по поводу этого подонка.

- Итак, я вас слушаю.

- Некоторое время назад вы были в компании этого человека, - сказал он, показывая фотографию. Я чуть не прыснула от смеха, когда вместо ожидаемой карточки из оперы “Разыскиваются”, я увидела обычное домашнее фото, где очень отчетливо можно было увидеть как моего нового знакомого, так и то, что там он был основательно навеселе.

- Возможно.

Он врезался в стену моего безмолвия, я почувствовала это тогда, когда горе-следователь-преследователь просто смотрел в мои глаза, пытался склонить на свою сторону.

Вдруг он приблизился ко мне настолько близко, что я почувствовала жар его разгоряченного после бега дыхания, и сказал:

- Может, не будем играть в молчанку? Я знаю, что ты была там и знаю, что ты с ним разговаривала, - зло бросил он эти слова. Шепота почти не ощущалось, будто он кричал эти слова лишь мне. – И я хочу знать, что он тебе сказал.

Не буду врать – я очень испугалась. Но желание помочь ТОМУ пересилило страх, на какое-то время...

- Так, мелочь всякую. Я думаю, что ему просто нужно было исповедаться. Если бы вы видели его лицо, то поняли бы. Ничего особо важного он не сказал.

- Вы уверены? – сказал он, снова вернувшись к любезно-учтивому тону.

- Вполне, - сказала я и, прислонившись к ограде набережной, скрестила ноги и сложила руки на груди, тем самым показывая, что считаю свою партию разговора оконченной.

Он постоял немного, размышляя, наверное, о том, сможет ли он еще что-нибудь из меня выудить, но потом вымолвил:

- Что же, спасибо за помощь.

Он уже начал отходить прочь.

“Итак, теперь надо выполнить просьбу!”

-А вы не хотите оставить мне свой номер. Ну, вдруг, я что-нибудь важное вспомню?

Он улыбнулся и подошел чуть поближе.

“Зря улыбаешься”, - подумала я, открывая вместо телефонной книги своего мобильного встроенную камеру.

Телефонный номер состоит из семи цифр, и из одиннадцати, если это номер мобильной связи, поэтому у меня получилось одиннадцать отличных снимков этого человека.

Прямо, как и просил меня...

- А вы хоть скажите, как зовут человека на фотографии.

- Дмитрий Арканов.

- Спасибо.

Я пошла прочь, теперь уже открывая телефонную книгу.

“Дима”.

“Вот девушка, сидит на скамейке, одна, хотя не кажется, что она кого-то дожидается. Скорее просто зашла передохнуть после работы.

Так, время, время! Половина седьмого. Хм... Версия подтверждается.

Ее мобильник – раскладушка с фотокамерой, отлично, значит нужное фото она сможет сделать. Разговаривает довольно тихо, микрофон исправен и даже более – она сможет разговаривать незаметно.

Она – та, кто мне нужен!”

Блин, день как-то не задался. Если не сказать больше – неделя не задалась. Что за жизнь такая?! Пару дней назад парень бросил, сегодня чуть с работы не вылетела. Да, уж на этом спасибо, можно даже про штраф забыть.

Еще и под дождь попала пару раз за сегодня.

Вот дерьмовая жизнь! Куда ни погляди, всюду подстава крутится! Ну, надо же быть...

- Извините, девушка, у вас не занято?

Я подняла голову. Ну да, стоит лишь сделать грустное лицо, как к тебе тут же потянутся любители через сочувствие попасть в чужую кровать.

- Вообще-то занято...

- Отчего-то мне не кажется, что такая симпатичная девушка занимает настолько много места, - попробовал состричь он и... Доставая букет из-за спины, он продолжил, - Может это поможет освободить местечко рядом с такой красавицей?

Даже не осознавая, я взяла букет. Просто сборный букет из роз, тюльпанов и других цветов. Увидев, что на секунду я потеряла дар речи, этот странный тип не преминул возможностью сесть рядом.

Обняв меня за плечо, он шепотом, едва заметно, сказал:

- Девушка, вы должны мне помочь... Мне больше не к кому обратиться...

Я посмотрела на него - высокий, но не слишком. Лицом привлекателен, темные волосы, стильная кофта на застёжке, синие джинсы, кеды.

Что-то странное чувствовалось в создавшейся ситуации. Неестественное; хотя, вполне возможно – любая девушка на моем месте почувствовала бы странность происходящего. Нет, так не бывает. Но, может именно поэтому он не врет?

- Это будет зависеть от того, что вам нужно.

- Понимаешь, мне нет смысла врать. Такая девушка, как ты, сразу распознает фальшь, - “Хм, легко же он перешел на “ты”, но я вообще-то не против”. – Есть один человек.

Он достал фото. Я чуть не рассмеялась, увидев эту домашнюю пьянку, где центральное лицо было уже основательно поддато.

- Вот этот... Больше трех лет он был моим другом, но потом что-то странное случилось с его поведением. Сначала, я не особо внимательно отнесся к его перемене, но чем дольше продолжал с ним общаться...

Я слушала его все внимательней. Почему-то, ему хотелось верить. Что это было – приязнь внешности, налет одиночества или спрятанная глубоко внутри него харизма?

Он не мог врать; кто увидел бы эти искренние глаза – тот сразу понял.

- Я устроил некое подобие слежки и... кое-что выяснил...

- Что же вы хотите от меня?

- Пожалуйста, давай на “ты”. Меня зовут Михаил.

- Даша.

- Я заметил фотокамеру на твоём мобильнике. Я знаю, где сейчас этот человек, но он очень осторожен и не подпустит меня на расстояние съемки.

Сообщив еще несколько тонкостей, он замолчал, предоставляя мне возможность подумать и хорошенько взвесить все “за” и “против”. Хотя я отнеслась к этой

передышке лишь как ко времени, предоставленном мне для выполнения решения – врет он или нет.

Нет, он не врал. И хотя я никогда не наблюдала за собой склонности к альтруизму, все-таки решилась помочь. К тому же – это была отличная возможность продолжить общение, которое начало мне очень нравиться.

- Я согласна.

Этот тип стоял позади здания метро, где стены сходились в острый угол. Парень примерно двадцати четырех лет – то есть того же возраста, что и Миша – в черной рубашке, черных же джинсах, кедах. И из всего этого как-то нелепо выделялась белая водолазка. А ничего, симпатично смотрится, да и сам неплохой внешности...

Нет! Так нельзя думать!

“Так, он стоит, пьет пиво. Ты проходишь, как-нибудь делаешь фотки и сваливаешь”.

Это только сперва его дислокация казалась глупой. Когда мне нужно было подойти и сфотографировать его, я поняла все удобства точки, в которой он стоял – очень легко и ненавязчиво просматривались оба подступа.

“Соберись! Пара-тройка фотографий – и нафиг отсюда. К Мише”.

Я подошла чуть ближе.

Удача! Этот парень вдруг закопошился по своим карманам, наверное, мобильник затрещал.

Я очень быстро навела на него объектив, включила зум, и, надеясь снять его тщательно и четко, насколько это было возможно, начала судорожно нажимать на кнопку фотографии.

“Одна... Две... Три... Все равно, мне кажется, недостаточно!”

Вдруг, он смотрел мне в глаза, задержав руку за спиной, где доставал трубку из заднего кармана.

“Твою мать!”

Я сделала пару шагов спиной и, увидев, что он направляется в мою сторону, развернулась и побежала прочь.

Не прошло и двух минут, как он уже обхватил меня. Правая рука с зажатым в ней мобильным телефоном оказалась туго прижата к спине, а левая – к животу.

“Да уж, вляпалась!”

- Что, юная леди, любим фотографировать, или профессия у нас – папарацци?

Наверное, это был риторический вопрос, да я все равно бы не ответила.

- И кто же тебя отправил? Не этот ли случайно...

- А ну-ка отпусти ее, это наше дело! – Миша появился как нельзя вовремя.

Он медленно подходил к нам, сжимая в вытянутой вперед правой руке пистолет.

- Что же ты так пал. У бедных девушек просишь помощи в таком деле. Совсем не по-мужски, или тебе так не кажется? Ха-ха-ха!

- Закрой пасть, Дима. Отпусти ее!

- Да ладно... - сказал этот урод и поцеловал мочку моего правого уха.

Вдруг Миша резко схватил его руку, державшую мою у живота, и резко то ли рванул, то ли выкрутил ее.

Моя левая рука молниеносно освободилась, а Миша отвел меня в сторону и ударил этого подонка в открывшуюся грудь.

Тот упал, но оказался чересчур быстрым, - пулей вскочив, сразу же рванул прочь.

Мой герой поднял упавший мобильник и, обняв меня, спросил:

- Ты в порядке?

- Да, - тихо сказала я, чуть ли не со слезами на глазах, смотря на него.

- Прости, что так все получилось, я как-то не ожидал этого.

- Ничего. Ты ведь меня спас...

- Но ты еще более храбрая. Осмелилась-таки подойти к нему...

Я уже знала, что я сейчас скажу.

- Оставь, пожалуйста, свой номер телефона.

Миша улыбнулся и продиктовал мне свой номер, который я сразу же записала.

- Прости, но я должен бежать.

- Иди и найди его.

И он убежал, оставив меня наедине с мыслями о своем спасителе.

“Миша”.

Он стоял, перегнувшись через парапет, и смотрел в воду, даже не подозревая, что я уже подхожу к нему.

Вдруг он повернулся и сказал:

- Ты как-то быстро... Я думал, что ты удержишься, чтобы еще поиграть в героя.

- Я решил, что это будет чересчур показушно. Поэтому я оставил ее.

- Наедине со своим желанием.

- Заткнись ты!

- Да ладно тебе, Миха, я же видел, что она хотела тебя прямо там.

- А какого хрена, скажи мне на милость, ты там устроил шоу с извращенскими лобызаниями?!

- Но я ведь спас твое положение перед ней. Мне вдруг показалось, что твоя партия слишком скучная.

- Ладно, извини, я наоборот благодарен тебе, что ты такую штуку выдумал. Вообще зашибись время провели, да еще и с девчонками, ха-ха.

- Ты же мой лучший друг, брат-браток-братишка! Без тебя ничего бы все равно не срослось.

Он обнял меня за плечо и мы пошли вдоль набережной, смеясь и обсуждая сегодняшнюю выдумку Димона, которая так удачно свела нас с двумя классными девчонками.

- Видишь, как все круто устроилось, а если бы опять зависали в каком-нибудь гадюшном клубе, то опять знакомство ограничилось бы сексом на пару раз и все, - говорил Димон. – Но теперь твоя...

- Даша.

- Даша. Теперь она тебя чуть ли не боготворит.

- Кстати – твоя Александра в таком же капкане.

- А что такое?

- Ты бы видел, как она себя вела, когда я разыгрывал допрос. Я тебе говорю, она крепко в тебя втюрилась.

- Да? Ну и отлично, потому что она мне тоже понравилась. Хотелось бы длительных отношений.

Мы прошли немного в молчании, но вдруг я задумался об одной важной вещи.

- Кстати, как мы будем гулять вместе? Ну, я имею в виду – все вместе, а не только по парам. Ты же не думаешь, что придется постоянно гаситься.

- Да ладно, успокойся. Завтра встретимся с ними по отдельности, якобы чтобы рассмотреть фотки, а там видно будет. Кстати, очень важно, - не вздумай спать с ней завтра.

- Почему?

- Доверься мне.

Вдруг еще один глупый вопрос родился у меня в голове:

- Кстати, почему именно фотки?

- Что?

- Почему именно фотки должны были быть той помощью, которую они нам оказали?

- Ты не поверишь, но я ничего больше не смог придумать.

Я посмотрел на него. Нет, не врет.

Я рассмеялся и, по-дружески обнявшись, мы пошли в сторону заката.

Послесловие.

Спасибо всем, кто так или иначе повлиял на выход данной книги, пусть и таким нелепым «самиздатом».

Спасибо О.П. за бесконечную поддержку, мотивацию и настроение для продолжения работы. И, конечно, за потрясную и необычную обложку.

Спасибо Х.Х. за помощь в работе, особенно над одним из рассказов. Пусть он вышел не таким, какой ты хотел увидеть, но он по-своему хорош.

Спасибо В.С. за предоставление новых идей, за отличную критику, все-таки повлиявшую на окончательный вид этого сборника.

Я бы хотел перечислить всех, кому должен быть благодарным, но это скучно, к тому же — вы знаете, что важны для меня.

Этот сборник вышел первым блином, о его качестве судить все-таки не мне, надеюсь, что глупого и бездарного вы нашли в нем меньше, чем интересного и занимательного.

Обещаю, что в следующий раз выйдет лучше на все 146%.

И, конечно, ждем следующей встречи с Дезмондом Блэком, этот парень еще найдет, что о себе рассказать.